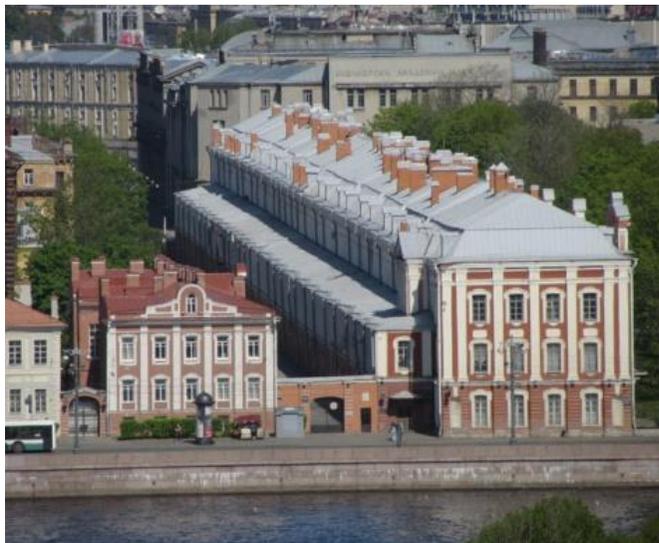

Бронзовый век советской культуры

**Юрий Магаршак
УНИВЕРСИТЕТ КОТОРОГО НЕТ**

The bronze age of Russian culture

**Yuri Magarshak
Memories about Saint-Petersburg University,
which does not exist any more**

2017 NewYork

Юрий Магаршак
Бронзовый век советской эпохи:
УНИВЕРСИТЕТ КОТОРОГО НЕТ

В шестидесятые годы 20ого века Ленинградский Университет торжественно отпраздновал свое 150-летие, а спустя всего несколько лет – 250 лет со дня основания. Как такое могло произойти даже в Советской сюрреальной реальности, в которой любой абсурд был возможен, но все же, казалось бы, не настолько абсурдный? Как можно было клеймить кибернетику как буржуазную лженауку – но в то же самое время первыми запустить спутник? Об этом удивительном времени, которое сравнительно с любым другим советским и после-советским периодом можно назвать БРОНЗОВЫМ ВЕКОВ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ, повествует раскрытая Вами книга.

Yuri Magarshak
THE BRONZE AGE OF SOVIET EPOCH: Memories about Saint-
Petersburg University, which does not exist any more

In the sixties of the 20th century, the University of Leningrad solemnly celebrated its 150th anniversary, and only a few years later - 250 years from the date of its foundation. How could this happen even in the Soviet surreal reality? How could you label cybernetics as a bourgeois pseudoscience - but at the same time the first in the world to launch a satellite? About this unique time, which - in comparison with any other Soviet and post-Soviet period - can be called a BRONZE AGE OF SOVIET ERA the book opened by you narrates.

Publisher Yuri Magarshak

© All rights reserved.

No part of the book may be used or reproduced in any manner without written permission of the author except brief quotations with reference on the original book

Pages: 198. Interior ink: Black & White. Dimension: 6" x 9" .

ПРЕАМБУЛА.

Шестидесятые годы в Советском Союзе теперь уже прошлого, двадцатого века принято называть оттепелью. Что верно только с точки зрения климата. Оттепель бывает либо между заморозками, либо в преддверии весны. Которая в политическом смысле в СССР после оттепели не наступила. Думается, что правильнее (смотря на проблему шире) называть шестидесятые годы **Бронзовым Веком Советской Культуры**. Следуя создателю греческой мифологии Гесиоду (для которого за Золотым Веком следует век Серебряный, потом Бронзовый, потом железный...).

Серебряный век русской поэзии был назван всего лишь серебряным, а не золотым, уступая звание **Золотого Века русской культуры** эпохе Пушкина и последовавшему за ней расцвету литературы вплоть до Толстого и Чехова, живописи Передвижников, музыки Великой Кучки (по-русски названной Стасовым иронически пренебрежительно, в отличие восприятия этой великой группы великих музыкальных творцов на Западе: Mighty Handful, Magnificent Five: напоминание к размышлению), балетов и опер Чайковского, Глинки, Мусоргского: другими словами Золотым Веком русской культуры по умолчанию, не называя его таким образом, был назван Весь русский 19ый век. В этом контексте, взирая в масштабе столетий, шестидесятые годы 20ого века в СССР справедливо назвать Бронзовым Веком Советской Культуры. Многонациональной культуры, в которой авангардом была русская культура, а основной русский язык. Воспоминания об этой эпохе, в которую в правительстве и народе было громадное уважение к науке (и не случайно: первыми запустили Спутник, самая читающая нация в мире) имеют особенное значение. В 2012 году почти одновременно появились мемуары шестидесятников (не путать с пятидесятниками) о Математико-Механическом Факультете Ленинградского Университета **МАТМЕХ ЛГУ, шестидесятые и не только и Шестидесятые Годы на физфаке ЛГУ: сборник воспоминаний** с коллективным авторством преподавателей и студентов этих лет.

Раскрытая Вами книга не является повторением этих прекрасных результатов работы коллективного интеллекта. В ней автор пытается погрузить читателя – так же, как при написании этих страниц погрузил себя самого – в атмосферу города и страны, науки и искусства, познания и созидания, в те оптимистичные годы составлявших единое неразрывное целое.

Юрий Магаршак

Взирая на наше и своё прошлое из XXI века

Моя Родина – белыеночи.
Со стены вид на воды и город.
В облака устремленные рельсы
До утра разведенного моста.

Столп из мрамора. Площадь на сфере.
Исполин на коне. Конь – на глыбе.
Иглы шпилей и купол золотые.
Небеса, что светлее, чем звезды,

В никуда не ведущие арки.
Колоннады руин сверхдержавных.
Моя Родина – Белые Ночи.
Петербургское небо.
И камни

Двенадцать строк на предыдущей странице можно считать предисловием к книге, написанным анапестом. А теперь

ПРЕДИСЛОВИЕ В ПРОЗЕ: БРОНЗОВЫЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ **ГЛЯДЯ ИЗ ФИЗИКИ**

Всем известен серебряный век русской поэзии. Название содержащее намек на то, что золотой век был в житие Пушкина. Оглядываясь назад становится ясно, что время с начала двадцатого века до большевистского переворота было не только серебряным веком русской поэзии, но и серебряным веком всей русской культуры: музыки, живописи, балета, театра, литературы... Приход к власти Ленина сотоварищи положил этому расцвету, который казалось только начинается, резкий одномоментный конец.

И вот: оглядываясь назад, становится ясным, что эпоха с начала шестидесятых годов в Советском Союзе была бронзовым веком русской культуры и науки. Она же (или почти что она же) советская.

Как называть этот период от Оттепели до начала Пятилетки Смертей Вождей: Бронзовым веком или Медным веком – вопрос лингвистический. То, что по его завершении ожидалось Серебряный и Золотой век жизни, в соответствии с программой КПСС, обещавшей наступление первой и второй стадий Коммунизма «при жизни нынешнего поколения», было симптоматично. И в целом соответствовало не только большевистской идеологии, но о основополагающему положению цивилизации прогресса. Которую с началом Нового Времени стали воплощать Америка и Европа. В истории человечества век бронзы следовал за медным веком. Медь в русском языке ассоциируется с словосочетанием «медные трубы», существительное бронза с глаголом бронзоветь. Думается, назвать эру, наступившую после Хрущевской оттепели Бронзовым Веком

Советской Культуры логичнее. Сочетание уважения к интеллекту, ученым, инженерам, писателям, созиданию в любой области (при всех недостатках и даже дикостях Социального строя) позволяло надеяться, что, как только путы большевистской системы будут скинуты, в Российской Империи (в течение 74 лет скрывавшейся под псевдонимом Советский Союз) наступит Сначала Серебряный, а потом и Золотой Век. Не только поэзии и не только культуры – жизни. К сожалению, этого не произошло. Почему и каким образом – особый вопрос. В любом случае анализ происшедшего в бронзовый век Советской Культуры представляет не только исторический интерес.

Сейчас, когда идея продолжить выселение Университета за город (еще дальше, чем Петергоф – в Гатчину), переселив за пределы города все факультеты вместо того, чтобы найти возможность вернуть выселенные за город математический, физический, прикладную математику и химический, воспоминания о Бронзовом Веке советской культуры являвшимся годами расцвета ЛГУ, до отделения естественных наук от гуманитарных двумя часами езды входившего в шестерку лучших университетов Европы, представляется особенно своевременным.

Представления о Золотом, Серебряном, Бронзовом и Железном веках – в таком порядке, указывавшем на упрощение и «удешевление» человечества с течением времени - появились и широко распространилось в эпоху классицизма. Хотя представление Золотом Веке. возникло на восемнадцать веков раньше в правление Августа: в «Энеиде» Вергилия, а затем в «Метаморфозах» Овидия. До этого на протяжении всей греческой архаики, классики, эллинизма и республиканского Рима доминировало предложенное Гесиодом (жившим в VIIIиVII веках до н. э.) представление о золотом, серебряном, медном, героическом и железном поколениях людей. Отличающихся от соответствующих веков тем, что века относятся к времени, а поколения (в представлении древних) заново создавались

Богами. Классификация, в которой между дешевающими металлами затесался героический век (которой обычно соотносят с временами Илады и Одиссеи). Каждое из поколений от золотого до железного создавалось богами после чего вымирало. Концепция, существенно отличающаяся от представления о золотом, серебряном, бронзовом и железном веках Нового Времени. Которое с началом эры прогресса сменило знак, так что худших считалось прошлое, а будущее – все лучшим и лучшим. Классификация ухудшающихся и поколений, и веков, доминировавшая до эпохи Прогресса, начавшейся в 19 веке, коренным образом противоречит теории эволюции (согласно которой человек произошел от обезьяны, а не наоборот), о которой до Дарвина люди, само собой разумеется, не имели понятия.

В этой ретроспективе становится ясным, что представление о светлом будущем большевиков находится в соответствии с идеей прогресса. Если же попытаться охарактеризовать в терминах Гесиода то, что произошло в СССР (и не только в бывшем СССР) начиная со смерти сталина и по сей день, то гесиодовские периоды (не роды, конечно): бронзовый век, закончившийся с начала смертей Вождей тем, что потом назвали застоєм, медный, начавшийся с Горбачевской Перестройки и до восхождения Путина, и железный – в которых опять славят армию и ракеты, де-факто считая интеллигенцию и созидателей в чем бы то ни было вторичным и патриотичным целям РОССИЯ ВПЕРЕД ПО ГЛОБУСУ и менее важными чем строевой шаг и творения Железного Феликса.

Бронзовый век культуры (включая в это понятие и науку) СССР в Москве, Петербурге, республиках и «провинции» существенно отличались. Объединенные лишь всеобщим уважением к ученым, артистам, инженерам, вообще созидателям.

Термин ОТТЕПЕЛЬ (Хрущевская Оттепель) придуманный Ильей Эренбургом как мне представляется, отражает только поведение власти, послабление жесткого идеологического контроля, который при Брежневе, хотя и не в Сталинской форме, усилился вновь. Однако БРОНЗОВЫЙ ВЕК КУЛЬТУРЫ в Советском Союзе с возобновленьем зажима при Брежневе со товарищи Суловым,

Громыко и прочими, не кончился. Люди науки, культуры и техники, созидатели в любой области с началом зажима не сдались и творить не переставали, в том числе и запрещенные вещи. С похолоданием начала Брежневского Правления, морозами Андроповской эры и ледниковым периодом Черненко, которому, казалось, не будет конца, **БРОНЗОВЫЙ ВЕК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ** не кончился. Он продолжился вопреки Власти. Бронзовый век продолжался дольше, чем Оттепель, потому что созидатели являются не флюгерами, а Людьми с профессионализмом, принципами и моралью. Люди Бронзового Века Культуры не выстраивались по каждому новому направлению ветра, дующего из Кремля от Чукотки до Балтики, по первому приказанию. Погода – оттепель или заморозки – определяет жизнь и созидание только частично. Поэтому определение времени начиная с Хрущевской Оттепели до распада Союза как **БРОНЗОВЫЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ** представляется полезным и адекватным.

Даже в двух, как говорится, столицах бронзовый век культуры одинаковым не был. В Москве число академических институтов было больше, чем в Ленинграде раз в десять. Там дисиденты, отказники, художники и поэты не устраивались истопниками котельных (сутки через трое, остальное время свободен от власти и от обвинения в тунеядстве), как в Ленинграде, а работали переводчиками или сотрудниками какого-нибудь из десятков отраслевых институтов. Блуждания по Ленинграду из дома в дом являлись визитной карточкой времени. Различие между Москвой и Ленинградом было также и в том, что в Ленинграде бронзовый век культуры окончился в конце 70ых с переводом сначала физического, а потом и математического факультетов за Петергоф. Бурлящая интеллектуальная среда студентов театрального института, консерватории, мухинского училища, запалом которой, бесспорно, были математики и физики, после отделения их от гуманитариев начала рассыпаться. С выселения физиков и математиков на 50 километров за город (как эков на 101 километр) бурлящая творческая атмосфера в Ленинграде начала исчезать, закономерным результатом чего явилось падение

рейтинга ЛГУ (после распада Союза СПГУ), неизменно входившего в шестерку лучших университетов Европы, а в последние годы даже не попадающего в мировые рейтинги вообще.

В последние годы внезапно явилась идея вместо того, чтобы вернуть изгнанные из города математический, физический, химический и прикладной математики (computersciences) факультеты в центр города, выселить куда подале оставшиеся, воспоминания о Золотом ... точнее говоря Бронзовом времени университета (потому что абсурдов в это лучшее за последние сто лет время тоже хватало и до стандатов Оксфорда или Стенфорда было чесать и чесать) представляют не только исторический интерес. Так же, как и раздумья о времени, которое для познания&созидания сегодня многими воспринимается как лучшее в России за сто лет, прошедших с 1917 года, и воспринимается с ностальгией.

Тетрадь первая:

БЫЛОЕ ФИЗФАКА И ДУМЫ О НЕМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, КАМЕРТОН ПЕРВЫЙ: ЕСЛИ Б ПОМЕНЬШЕ ГРАМОТНЫЕ БЫЛИ, ТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ

Быль-Былинушка

Откуда-то из глубин – можно сказать даже бездн и недр – памяти – всплывает картина.

Казарма. В которой физики-теоретики на воинских сборах перед окончанием Университета выравнивают кровати, табуреты, сапоги – кажется перед отбоем. Другие пришивают, если не ошибаюсь, воротнички. Третьи углубились в очко – в смысле не играют в очко как подумали некоторые, а пребывают в сортире и в очереди перед сортиром. А также и в умывальнике-умывальне. Внезапно появляется полковник по прозвищу пылесос. Сержант и те, кто оказался перед кроватями, вытягиваемся по стойке смирно, кто где стоял и в чем был. Сообразив, что стою в одних трусах (черных, солдатских, которые в народе называли семейными), стремительно надеваю пилотку и отдаю честь (предваряя известную сцену романа уловка 22, о которой до того и не слыхивал, да и не уверен, что оный уже был в 66 году написан и издан).

Пылесос крикает одобрительно. Обходит вокруг меня, словно я Афродита Милосская. И не обнаружив к чему бы придраться (а в самом деле придраться не к чему: кроме трусов и пилотки на мне ничего нет, и то и другое надето безукоризненно, по уставу, равно как и рука с сомкнутыми пятью пальцами, приложенная к виску) направляется к койкам. Придирчиво осматривает каждую. Потом стирает пальцем со стены и тумбочки пыль. И произносит презрительно, сквозь зубы, великую, можно сказать бессмертную - а скорее всего заранее заготовленную, а быть может даже

произнесенную не одну сотню раз - фразу:

- Кабы поменьше грамотные были бы, лучше было бы.

Спросить не спросить? – молнией мелькнуло у меня в голове. Не по уставу ведь спрашивать старших по званию без разрешения. Но ведь иначе так никогда и не узнаю – почему, если б студенты университета были поменьше грамотные, то было бы лучше.

- Товарищ полковник, разрешите задать вопрос – спрашиваю заодно.

- Разрешию задать вопрос, товарищ курсант – позволяет открыть рот
Пылесос-полковник благодушно-великодушно.

- А почему если бы мы были поменьше грамотные было бы лучше?
Чем было бы лучше? И для кого лучше?

- Для кого лучше? – повторил пылесос-полковник, как эхо – Для страны лучше. Если б поменьше грамотные были бы, Родине было бы лучше.

- Так точно, товарищ полковник. Но почему Родине было бы лучше, если бы студенты Ленинградского Университета были “поменьше грамотные”?

- Почему? Потому что табуретки криво ставите, вот почему.

Такая вот платоновский диалог на все времена.

И даже того более: коан. Советский коан.

Четвертый взвод воинских сборов нашего курса – физики-теоретики. На переднем плане как водится, автор. На втором, общем плане самовольно разговаривающих солдат явственней других видны Шендер, Дейч, Каплан и Гальперин, однако узнаваемы и остальные. Поскольку группой мы фотографировались крайне редко а может быть никогда, будучи индивидуалистами, этот снимок можно считать Историей.

КАМЕРТОН ДВА: БЕСКОНЕЧНОСТЬ — ЭТО КОНЕЧНОСТЬ

Семинар по марксистско-ленинской философии в теоргруппе. Тема: марксистско-ленинское определение бесконечности. Доцент что-то квази-идейное мямлил на протяжении получаса. Ну а мы, вполне половозрелые юноши, обязаны были не только внимать чуши, но также и конспектировать оную. Тогда как на самом деле, конечно, мыслями улетали кто куда мог. Не подавая по возможности вида. Что удавалось не всегда и не всем.

Марксистско-философский доцент незаметно, на цыпочках подкрался к о чем-то задумавшемуся Лене Гомельскому (которого он запомнил, потому что ловил на преферансной игре во время своих марксистско-ленинских поучений, предмета в университете главнейшего, не раз и не два) и внезапно спросил. Так резко, что Ленька, обычно спокойный, как вода в озере, вздрогнул. - Студент Гомельский, скажите, каково определение бесконечности? Выучили ли вы это?

Ленька встал. Огляделся. И глядя в глаза преподавателю коммунистической истины чистым взором невинного отрока произнес:

**БЕСКОНЕЧНОСТЬ – ЭТО КОНЕЧНОСТЬ. НО С
ООЧЕНЬ БОЛЬШИМИ РАЗМЕРАМИ!**

Все грохнули. Кроме марксистско-ленинского философа. Который воспринял этот ответ идейно. И что-то большевистки-бессмысленное еще минут десять продолжал говорить. С точки зрения философии победившего пролетариата чего-то там обсуждая.

КАМЕРТОН ТРЕТИЙ: СВОБОДА ПО-ЛЕНИНСКИ

Экзамен по марксистско-ленинской философии. Ташу билет. Читаю первый вопрос: ленинское определение свободы. Господи Боже ж ты мой, да есть ли такая? Читаю второй вопрос. Вроде знаю. Отбарабаню какую-нибудь ахинею и не пропаду. Главное в этом предмете – болтать с идейными интонациями в голосе и столь же идейным выражением рожи. Придаю лицу патриотическое выражение. И выхожу к экзаменатору, как это делал обычно: первым. Чутьочку по-военному. Намекая на армейскую выправку и не более. Не превращая восемь шагов к столу экзаменатора в фарс.

- Студент Магаршак, что там у вас в билете? Ленинское определение свободы? – спрашивает профессор марксистско-ленинской мысли.

- Так точно! – отвечаю задорно.

- Я вас слушаю. Начинайте.

- Свобода по-ленински – это свобода, определение которой дал Владимир Ильич Ленин.

- Верно. А какое именно определение свободы дал Владимир Ильич Ленин?

- Единственно правильное. Марксистское определение свободы. Свободы, которую дал освобожденным от капитализма народам Вождь Мирового Пролетариата Ленин Владимир Ильич!

- Правильно говорите. Но где же определение? Как именно определил свободу Владимир Ильич Ленин?

- Прогрессивное. Чтобы с так называемой пресловутой буржуазной свободой спутать никто не мог.

- Определение! Я жду от Вас Ленинского определения!!

- Вот оно. Ленинское определение свободы. Как определил самую свободную в мире свободу вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Свобода это...

- Правильно начали. Свобода это... Это... Что именно “это”?

- Свобода это осознанная... осознанная...

- Правильно Магаршак. Свобода это осознанная ... Глубоко и патриотично осознанная. Но что осознанная? Кем осознанная? И как осознанная?

- Свобода – это осознанная необходимость думать, что говоришь! – выпаливаю одним залпом. И замолкаю.

Профессор марксистско-ленинской истины ошарашено чешет в затылке. Очевидно ему, за многие годы преподавания идеологической дисциплины слыхавшему всякое, подобного похожего на Ленинское, но не ленинское определения свободы досель слышать не приходилось.

- *Свобода — это осознанная необходимость думать что говоришь* – повторил профессор марксизма-ленинизма задумчиво - А вы думаете, что говорите, студент Магаршак?

- Обязательно думаю. После того, как что-то сказал. Как и учил великий Ленин. Родная Коммунистическая Партия, И Ленинское Политбюро.

Профессор идеологического воспитания уставился на меня партийно-подозрительным взором, пронзая насквозь, как рентгеновский луч. Я

твердо выдержал взгляд, не меняя идейного выражения. Ни один мускул не дрогнул.

- Диалектически мыслите, Магаршак. Переходите к второму вопросу. – на одной ноте, как патефон, на котором заела игла, сказал профессор, не обнаружив каких-либо чувств. Так я до сих пор и не понял: почувствовал он, что я издеваюсь над самым святым, что только в Советском Союзе было, или, не имея возможности расхохотаться и критиковать то, чему учит, получал удовольствие от издевательства над преподаваемым им предметом вместе с экзаменуемым.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ОКНО СЧАСТЬЯ В ПРОСТРАНСТВЕ-ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ДВУМЯ КОШМАРАМИ

Я учился в Санкт Петербургском (в то время Ленинградском) университете в 60ые, а закончил аспирантуру в начале 70ых годов двадцатого века. И мы даже не представляли себе, до какой степени нам повезло! Потому что, если бы мы родились одним-двумя поколениями, и даже всего лишь на десять лет раньше или позднее, мы не смогли бы получить того замечательного образования, которое получили. Мы оказались в окне пространства-времени знаний, открытом на очень короткий срок, а в остальное время: и раньше, и после вплоть до настоящего времени – закрытом. А временами даже (и я бы даже сказал почти что все время с основания Петербурга, и даже с создания Российского Государства Иваном Третьим), говоря образно, заколоченном досками.

ПЕТЕРБУРГ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА И ПЕРВЫХ ДЕЯТИЛЕТИЙ 21ОГО ВЕКА – ГОРОД В КОТОРОМ НЕТ УНИВЕРСИТЕТА. ТО ЕСТЬ ВООБЩЕ НИ ОДНОГО НЕТ!

Вы удивитесь и запротестуете: да как же в Санкт Петербурге нет университета, если учебных заведений, в названии которых есть слово университет, в Городе Трех Революций и одного Петра Первого больше, чем вытрезвителей (это не шутка, я посчитал). Как можно говорить, что в Санкт Петербурге нет университета, если в Культурной Столице Российского Государства есть *“Санкт-Петербургский Государственный Университет Низкотемпературных и Пищевых Технологий”* (в прошлом институт холодильной промышленности), *“Санкт-Петербургский Государственный Лесотехнический Университет”* (в бытность СовДепии Лесотехническая Академия) *“Санкт-Петербургский Государственный Университет Технологии и Дизайна”* (в Ленинграде называвшийся текстильным институтом), и даже *“Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы”*?!

Можно и нужно, дамы и господа. Потому что смысл слова *университет* в Российской Федерации после распада Союза оказался искаженным до такой степени, что люди и вовсе забыли, что такое университет в обычном понимании этого термина. С самого возникновения университетов Европы в одиннадцатом веке (первым из которых был университет в Болонье: именно тогда, девятьсот лет назад, начался болонский процесс, положивший начало Новому Времени, стержнем которого были университеты, а не тот болонский процесс, к которому Россия примкнула лет десять назад, главным результатом которого явилось введение единого госэкзамена), и уж точно с века тринадцатого (когда в Парижском Университете было больше студентов, чем при Советской власти в Московском и Ленинградском университетах вместе) **университетом называли учебное заведение, в котором молодежь обучали совокупности знаний, являющихся определяющими для эпохи. При всем**

уважении к текстилю и к лесу, а также к тушению пожаров и предотвращению их, утверждать, что те, кто получил знания в этих областях человеческой деятельности являются всесторонне образованными людьми вряд ли рискнет даже ректор соответствующего вуза. Электротехнический Университет и Морской Технический Университет – при всем колоссальном уважении к такелажу и закону Ампера – являются университетами в обычном смысле этого слова не более, чем *божий одуванчик* растением, подув на которое, опыляешь окрестности, а *старая перечница* перечницей, потрясая коею над тарелкой можно изменить вкус борща.

- Пожалуй, что так – согласится Санкт Питерец. – Но все-таки один университет в Санкт Петербурге всё-таки есть. Великий Санкт Петербургский Университет, среди выпускников которого – цвет не только российской, но также и мировой науки, Одни из двух главных университетов страны – Санкт Петербургский Государственный Университет без добавок, лишаящих слово университет его смысла. Который, чтобы отличать от множества прочих университетов, в просторечии в Петербурге называют “тем самым”. Потому что лингвистически отличить Университет, отметивший свое 250-летие, от множества подделок университетского бренда (каким его понимают во всем мире) в Санкт Петербурге начала третьего тысячелетия иначе как словами “тот самый” действительно невозможно.

Так да не так. Скажите, дамы и господа, можно ли, по Вашему мнению, назвать персональным компьютером устройство, клавиатура которого находится в Хабаровске, а дисплей в Вологде? Можно ли назвать Университетом учебное заведение, в котором, чтобы добраться от физического, математического и химического факультетов до исторического, биолого-почвенного и филологического, требуется примерно два с половиной часа? Время, за которое можно доехать от Лондона до Парижа! Ну а если расстояние измерять не минутами, а километрами – 40-50 километров расстояние между университетскими городами Германии, Англии, Японии, США...

Можно ли в таком заведении (сказав “заведение” я никого не желаю обидеть: Высшее Учебное Заведение – троесловие, в котором слово *заведение* доминирует: господи, что за кондовый язык, которым большевики заразили Россию и от которого Держава не вылечилась и по сей день) создать конкурентоспособную биохимию и математическую лингвистику, находиться на передовом крае множества перекрестков наук, которые в цивилизации 21ого века являются определяющими? Разумеется, нет. Уже одно это – не говоря о множестве других факторов – вычеркивает Санкт Петербургский Университет в том виде, в каком он существует в первые десятилетия 21ого века, из списка ведущих университетов мира. А по самому смыслу университетского образования и из университетов вообще.

Однако отрыв точных факультетов от гуманитарных лишает университет возможности нормального функционирования (как устройство, контейнер которого находится в Новгороде, а носик в Кремле, функционировать, как чайник, не может), не только в концептуальном, но и в повседневном смысле. Потому что каждодневное общение студентов и профессоров РАЗНЫХ специальностей является неотъемлемой частью университетского образования.

КАМЕРТОНЧИК: В СССР ДУРАК ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ

Преподаватели мертвечины – как мы в узком кругу называли историю КПСС, марксистско-ленинскую философию и подобные им ахинеи – старались оживлять лекции как могли. Всё-таки университет, а не какое-нибудь фабрично заводское училище... Вспоминаю обсуждение темы: **отличие капитализма, реакционного строя, при котором всё продается и покупается, от развитого социализма.** Когда ахинея зашкалила и слушать стало невмоготу, я поднял руку. Встал. И спросил.

- Простите за дурацкий вопрос. Если при капитализме всё продается и покупается, а при социализме в магазинах не продается и не покупается ничего, а если чего-то выбрасывают, то выстраивается очередь в километр длиной, то в чем в таком случае преимущество социализма перед капитализмом?

Доцент задумался. И в полном соответствии с марксистско-ленинской практикой, согласно которой вопросы должны подбираться к ответам, которые известны заранее, а не диаметрально наоборот (как в странах, где властвует капитал) ответил заранее заготовленной репликой.

- Дурак понятие относительное. В середине пятидесятых, когда студентом был я, мы, комсомольцы философского факультета, ходили по Невскому, на танцплощадки, в кафе – всюду, где

собирается молодежь. А, когда находили стилиягу в штанах-дудочках, резали ножницами. Прямо на человеке. Считая стилияг, носивших брюки неодобренной партией ширины, антисоветчиками и дураками. Так же поступали и с женскими волосами, уложенными в прически, которые идеологически не одобрены. Теперь же, по прошествии десяти лет, должен признать, что дураками были мы. Не стилияги, а мы. Тем более что на мне, так же, как и на вас, сегодня надеты не брюки-клевш, при Сталине считавшиеся советской одеждой, а штаны, которые не шире, чем штанины на молодежи, которые я вот этими моими руками резал собственноручно. Вот и выходит, что стилияги были не дураками, а авангардом! Такова теория относительности глупости в нашей стране. И следующая из нее практика. Практика относительности дураков. Которые по прошествии времени с умными местами меняются. Почти неизбежно.

- Ну а в эту минуту, на вашей дурацкой лекции, кто дурак: Вы или я? – хотел спросить я. Но всё-таки не решился. А сел. Потому что вовремя вспомнил, что либерализму драконов существует предел. Доцент же, мужчина, надо отдать ему должное, симпатичный и, как только заканчивалось обучение бреду, становился похожим на человека, после кратковременного оживления в аудитории вновь перешел к насаждению в цвет нации, Студентов Ленинградского Университета, одного из лучших в Европе и Море, мертвечины. Которую время от времени оживлял репликами типа приведенной выше цитаты. От чего, впрочем, мертвые дисциплины, более мертвые, чем мертвые языки, не оживали, как Лазарь, оживленный из мертвых, как известно, Иисусом Христом. А вскоре – лет приблизительно через тридцать - и совсем умерли.

РАЗМЫШЛЕНИЕ НОМЕР ДВА: ЧЕТЫРЕ СПОСОБА ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ

Когда мы учились в Ленинградском Университете, который в Европейских рейтингах “ниже” шестого места не опускался никогда (сравните с современными рейтингами, где он находится в вузах мира не выше чем во второй сотне), мы получали знания четырьмя путями:

- 1) На лекциях и семинарах
- 2) Учил Великий Город, его стены, история – зданий, в которых учились, и архитектуры, которая их окружала со всех сторон,
- 3) Жизнь города Ленинграда
- 4) Студенты в разговорах, которые постоянно происходили от кафетериев и столовой-восьмерки до коридоров и набережных) учили друг друга. И что это было за великолепное обучение!

Причем из этих четырех краеугольных фундаментов нашего обучения лекции были важным, но отнюдь не определяющим компонентом. Профессора были хорошими, некоторые замечательными, но все же уровень профессорско-преподавательского состава в целом (будем объективны – при всей бесконечной любви к Альма Матер), к Кембриджу, Гарварду, Принстону, Стенфорду не приближался. Требования к студентам в большинстве дисциплин были довольно умеренные; ничего похожего на ежедневный интеллектуальный вызов на пределе возможностей, к которым приучают студентов точных специальностей в Принстоне или Стенфорде с первых дней обучения, не происходило, обстановка была скорее расслабленная, чем состязательная. Кроме того, вынужденно преподавалось большое число предметов, которые Иосиф Бродский в книге *Меньше Единицы* справедливо в совокупности назвал ахинеей: история КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономия социализма... Лекции на физфаке – как и на других факультетах – давали студентам

достойный профессиональный базис. И не более этого. Вклад Великого Города, города как такового, в обучение студентов университета, располагавшегося на стрелке Васильевского Острова и Университетской Набережной, с которой открывается одна из прекраснейших *перспектив* на Сенатскую площадь, Адмиралтейство и Эрмитаж, была, как минимум, не меньше, чем лекции. Когда Агриппину Ваганову спросили, почему девочки, окончившие Вагановское Училище танцуют лучше, чем такие же девочки, оканчивающие Московскую государственную академию хореографии – из поколение в поколение несмотря ни на какие усилия, и вопреки тому даже, что в Москву из Санкт Петербурга в Советское время переезжали лучшие педагоги и танцовщицы – великая балерина и педагог ответила: потому что в Москве на занятия они идут по Комсомольскому Проспекту и Фрунзенской Улице, а в Ленинграде – по Невскому и Улице Зодчего Росси. То же можно сказать и о Ленинградском Университете – до тех пор, пока он целиком находился в центре Санкт Петербурга.

Как ели и сосны росли у порога,

Росли у порога Растрелли и Росси.

И мы отличаем ампир от барокко

Как вы отличаете ели от сосен

написал поэт Борис Слуцкий, образно объясняя одно из главных отличий между двумя столичными российскими городами. Не затрагивая старого (и, по-моему, глупого) спора какой город: Москва или Санкт Петербург лучше, а просто констатируя одну из главных причин различия духа двух Русских Столиц. До какой же степени недалеким надо было быть (или сознательным врагом интеллектуального развития молодежи, каким открыто являлся Ленинградский Обком) чтобы вынести университет за черту города. Весь, целиком – как изначально планировалось. И даже частями – не

знаешь, что хуже (см. аналогию с чайником). Чтобы (как замечательно сформулировал один из обкомовских секретарей в назидании молодым ученым, среди которых был я, “Мы уничтожим рассадник антисоветчины в центре города трех революций”). И уничтожили: университета в традиционном смысле этого слова, в Санкт Петербурге не стало. И университет этот в своей целостности (без которой университет не более университет, чем автомобиль, мотор которого находится в Астрахани, а колеса и кузов в Мурманске, является автомобилем) отсутствует в городе, из которого слово интеллигенция пришло в мир и вошло в словари всех европейских стран. Такой вот абсурд. Который, если рассказать кому-то, что такое возможно – не поверят. Решат, что выдумка. Кафка какая-то.

Жизнь города – великий учитель. Ленинград при большевиках являл собой всей России и миру образец контролируемой Партией жизни. Торжество идеологии, проникшей в каждую щель громадной страны, в каждую ее точку, в которой находилось более одного человека, замечательно сформулированное в одной из речей ГенСекком КПСС Леонидом Ильичом Б. Цитирую: “В Советском союзе нет ни одного начинания, которое не исходило бы от Центрального Комитета Партии Коммунистов и ее Ленинского Политбюро” – конец цитаты. И это тотальное идеологическое торжество правило с особой неукоснительностью в Ленинграде, городе настолько противном догмату, что большевики смогли выдержать в нем всего три месяца после чего сбежали в Москву. К чему бы ни прикасалась власть, превращалось в имитацию жизни, в просторечии мертвечину. Сопротивление которой, однако, в сочетанье с волшебным городом, иногда создавало образцы поразительной прелести. Омертвелость в сочетаньи с тотальным контролем всемогущих большевиков временами рождали эстетику неожиданной красоты. Так красоту зимы, снега, многообразию форм льдин никогда не потясть людям из стран, в которых вода замерзает лишь в холодильнике. Борьба жизни и смерти – в которой смерть (зима) постепенно и временно побеждает – причина многообразия красок осени – и Ленинграда в Советском Союзе. Акмеисты – Ахматова, Мандельштам – очень быстро заметили, что, с исчезновением после Октябрьского переворота

рекламы и пестрых вывесок, улицы и здания города обрели величавость, в которой были изначально замышлены.

Для того, чтобы студенту, например, физического факультета послушать лекцию, скажем, по эстетике возрождения или истории средних веков достаточно было перейти улицу. А чтобы дойти до филологического факультета быстрым шагом (проверено) требовалось не больше чем десять минут – в перерыве между лекциями это можно было запросто сделать. Что мы и делали. Кто был тот Великий, кто придумал, что тем, кто сдает сессию на отлично, можно предоставлять свободное расписание? Которое давало возможность слушать любые лекции, не неся наказания за прогул, тем самым предоставив студентам СВОБОДУ? Боюсь, что имени этого замечательного человека мы никогда не узнаем. В любом случае низкий Ему поклон. Ибо он дал возможность целому поколению ленинградцев получить воистину университетское образование. Поскольку посещение всех лекций в университете было свободным (пришел и слушай себе, никто не проверял посещаемости, а для прохода на любой факультет достаточно было общеуниверситетского пропуска, который охрана также спрашивала далеко не всегда) – а обучение совершенно бесплатным – свободное расписание позволяло целому поколению студентов Университета получить истинно университетское образование. И. как мы понимаем, оглядываясь во времени из (страшно сказать) сорокалетнего удаления совершенно блестящее!

КАМЕРТОН ИЗ ДОУНИВЕРСИТЕТСКОГО ДЕТСТВА: ПРОТОПЛАЗМА И ВАКУОЛИЯ

Само собой разумеется, университета времен Сталина я не застал. Однако то, что происходило на биолого-почвенном факультете его, родимого, об обстановке которого мне столь живописно рассказывали те, кто был на десять-двадцать лет старше (доценты, профессора), почувствовал в первом же классе школы. В котором учился при еще не похороненном в Мавзолее Вожде Народов.

На самом первом уроке, на котором рассказывали о том, что такое естествознание, на стенку Евгения Васильевна (первая учительница в моей жизни) повесила учебный плакат с нарисованной на нем в разрезе фасолью. И сообщила:

- Это, дети, фасоль в разрезе. Она состоит из двух половин. Как все бобовые. Вот так и живые клетки. Состоящие из протоплазмы и вакуоли. Клетки делятся. Потом снова делятся. И снова. И снова. В этом и состоит жизнь.

Я смотрел на плакат во все глаза. Как замороженный смотрел на фасоль в разрезе. На боб. И меня охватил ужас.

- Евгения Васильевна, неужели все живое состоит только из протоплазмы и вакуоли?

- Именно так. Из протоплазмы и вакуоли.

- Все-все? Мозг? Руки? Глаза?

- Жизнь состоит из протоплазмы и вакуоли. Пшеница состоит из протоплазмы и вакуоли. Люди состоят из протоплазмы и вакуоли. Так учит академик Лысенко, верный ученик Иосифа Виссарионовича Сталина. Ты с чем-нибудь не согласен, Юра? Или чего-то не понял? – спросила добрая и искренняя Первая Учительница в моей жизни, согласно общепринятому пониманию - и даже песне – почти святыня.

- Я все не понял, Евгения Васильевна. – Все все не понял. Совсем всё – хотел закричать я. Но промолчал. В первый раз в жизни промолчал на уроке, когда был не согласен, а надо было что-то сказать. И это не был урок, на котором рассказывали историю или что-нибудь про самую свободную в мире страну. Это была биология. Не помню, что говорила Евгения Васильевна далее. Помню только ощущение охватившего меня ужаса. Перед агрессивным абсурдом, с которым в мире, в котором живу – как я ощутил всем своим маленьким организмом – нельзя и даже еще того хуже: очень опасно спорить.

Эра большевизма возникла, как большой взрыв вселенной. В которой за мизерные доли секунды после Большого Начала возникли кварки. Затем произошло мощное расширение. После чего во время следующего фазового перехода возникли протоны и нейтроны. Через приблизительно триста тысяч лет температура понизилась настолько, что стало возможным образование атомов водорода. Затем вселенная стала прозрачной и стал, наконец, распространяться свет. Потом из изначально однородного и изотропного вещества начали образовываться галактики с звездами. Потом начали образовываться атомы тяжелых элементов, скорее всего при так называемых взрывах сверхновых. И так далее и так далее вплоть до органической жизни и нас с вами.

Вот так и коммунистический мир после Октябрьского переворота. Уже к рассвету следующего после свержения Временного правительства дня были ясны основные принципы Большевистской Вселенной. В первую же ночь были приняты Закон о Мире (“мир народам”) – который означал войну, и Закон о Земле (“землю крестьянам”) – которую крестьянам так никогда и не дали. Хотя на словах дали сразу же – но (точь-в-точь как в баснях Эзопа) урожай с как бы принадлежащей крестьянам земли принадлежал государству (продразверстка) ну а потом и вовсе отобрали в общину (колхозы), в которых сельский труженик был закрепощен жестче, чем при крепостном строе (невыполнение трудовой являлось уголовно наказуемым преступлением). “Временный запрет свободы печати” (продолжавшийся до самого падения большевизма) последовал приблизительно через месяц. Тогда же была создана Чрезвычайная Комиссия с полномочием разделения людей на врагов и своих. Причем врагов можно было расстреливать тотчас, не выходя из ЧК. Что и производилось в подвалах органов (предшественников величественной Лубянки и гранита Большого Дома) как рутинная ежедневная процедура, вроде причесывания волос. При этом в одном и том же ведомстве было объединено и выявление идеологических

врагов власти, и полиция (переименованную в милицию). Что на практике означало: человек неправильно перешедший улицу или в неположенном месте бросивший окурок, попадал в жернова организации, которая могла приговорить и к расстрелу, и к штрафу. Такое вот невиданное в истории объединение. В своей величественности и революционности сравнимая с теорией Великого Объединения Полей в физике. С той разницей, что в физике вопросов чем дальше, тем больше, а решение о передаче и полицейских, и надзорно-идеологических функций вплоть до расстрела в ведомство одного и того же Дзержинского было принято одним росчерком. И так же стремительно было воплощено в явь.

Создание Нового Человека как цель Власти Большевиков возникло довольно быстро. Так называемая “буржуазная интеллигенция” в России, прежде всего в ее цитадели Петрограде – уничтожалась самым суровым образом. Оставшиеся в живых лучшие ее представители были высланы из страны на так называемом корабле философов – и высланным по сравнению с теми, кого расстреляли в 37ом или сослали умирать в ГУЛАГе в муках и голоде, еще сказочно повезло! Однако одновременно с уничтожением интеллигенции в обычном смысле этого слова – в том самом, в каком оно из России пришло в мир и переводится на все языки – начала создаваться советская интеллигенция. Основными характеристиками которой были: (1) профессионализм в рамках своей специальности и (2) верность делу революции и “идеалам марксизма”. На практике означавшие замену гуманных ценностей и гуманитарных знаний догматами большевистской идеологии. Политика, проводившаяся исключительно жестко вплоть до падения большевизма.

В соответствии с этой доктриной в Советской России была начата величественная программа ликвидации безграмотности среди на более чем 90% неграмотного населения страны. И надо отдать большевикам должное: эта программа была ими выполнена в течение приблизительно двадцати лет. Не менее впечатляющей являлась программа развития науки. Уже в 1918 году – в разгар гражданской

войны! – в Петербурге создаются физико-технический институт и оптический институт под руководством всемирно известных ученых академиков Иоффе, Рождественского и Вознесенского. И это не были провинциальные учреждения, созданные новой властью для блезира и на скорую руку: создавались институты мирового уровня. В условиях гражданской войны, голода и нищеты!! Совершенно поразительное явление (в данном случае позитивное). Которое, как ни странно, оценено недостаточно.

Что же касается университетского образования, дело обстояло диаметрально наоборот. Потому что доктрина большевиков и программа создания нового человека в корне противоречила самой идее университетского образования, предполагавшего создание гармонично образованной личности, которая имеет возможность получать те знания, которые считает нужным. В соответствии с этой доктриной так называемые технари всячески поощрялись, в то время как университетское образование, предполагавшее в качестве одной из фундаментальных частей общегуманитарное образование, было не только невозможно – преследовалось. Говоря кратко, Советская Власть всячески поддерживала технарей – но людей с широкими взглядами и гармоничным образованием преследовала как врагов строя.

О нравах, царивших в Ленинградском университете в 20ые-30ые годы не принято говорить. Воспоминаний об этом времени, не прошедших цензуры, сохранилось не так уж много. Но те что были опубликованы, заставляют одновременно рассмеяться и содрогнуться. Вот что, к примеру, пишет в своих книгах дочь академика Берга, Р. Л. Берг Суховой: *“В тридцатые годы в Ленинградском университете проверка знаний осуществлялась с помощью академбоя. Группа разделяется на две подгруппы, и они ведут бой друг с другом. Представитель одной группы задает вопрос, представитель другой группы отвечает. Зачет получали все члены обеих враждовавших групп, без исключения.”*

А вот другое воспоминание из той же книги: «Тексли спросил Лысенко: *Если нет генов, как объяснить расщепление (признаков)?* -*Это объяснить трудно, но можно* – сказал Лысенко. – *Нужно знать мою теорию оплодотворения. Оплодотворение – это взаимное пожирание. За поглощением идет переваривание, но оно совершается не полностью И получается отрыжка. Отрыжка – это и есть расщепление.*

Теория Лысенко, согласно которой наследственность можно было менять путем воздействия на живое существо во время жизни, нравилась Сталину, без сомнения, потому что была тесно связана с программой создания Нового Человека большевиками. Приведем всего лишь одну цитату из выступлений на Сессии ВАСХНИЛ 1948 года, объявившей беспощадную войну буржуазной лженауке-генетике:

“Вымя коровы, являясь одной из важнейших частей ее организма, постепенно, под влиянием нашего воздействия, изменяется, что, в свою очередь, вызывает во всем молокообразующем аппарате соответствующие изменения, постепенно изменяя и приспособлявая организм коровы к тем требованиям, которые человек неослабно и со все большей настойчивостью предъявляет вымени коровы. Сила законов упражнения, соотношения роста и развития и корреляционной зависимости между выменем коровы (процессом доения) и всем организмом животного, пожалуй, выражена сильнее, выпуклее и нагляднее, чем в каких-либо других органах и частях тела животного. Эти стороны дела необходимо подчеркнуть особо еще потому, что фактор упражнения в области растительных организмов не имеет таких наглядных неоспоримых примеров.» **В. А. Шаумян** (директор

Государственного племенного рассадника крупного рогатого скота костромской породы),

сравним с одной из ключевых фраз катехизиса морали Советского Человека, изданной в СССР двадцатью тремя годами ранее массовым тиражом: *“Половой акт советского человека с классово -чуждым партнером является таким же противоестественным, как половой акт с крокодилом, с орангутангом”*. То, о чем рассказывала мне внучка академика Берга о том, что происходило на занятиях в Ленинградском университете, устно, оставляет цитированные абсурды далеко позади: кафкианство с привкусом крови и незримым присутствием смерти был обыденным. Так же, как в то время, когда мы учились во времена Хрущева и Брежнева на лекциях по так называемым общественно-политическим дисциплинам. Разница, однако, состояла в том, что при Сталине не то что ирония, а даже выражение лица при восприятии чуши и при ответах могли вызвать визит энкавэдэшников в ту же ночь. Тогда как в вегетарианское время оттепели и даже последовавших, а ней “заморозков” эры застоя иронизировать над чушью и даже высмеивать оную было сравнительно безопасно. пытки и избиения (которые при произнесении первого же воистину свободного слова начинались в следующую же ночь) сменил страх. Мера которого зависела от индивидуального человека. И, сравнительно с эрой пули в затылок объективно являвшейся либерализмом и оттепелью.

“Да разве это чушь! Я слышала такую чушь, по сравнению с которой эта прямо-таки толковый словарь” – сказала черная королева в *Алисе в Зазеркалье* Льюиса Кэррола. Какая чушь более чушь: та, которой учил Лысенко и железной рукой наводил его правая рука Презент, в течение многих лет бывший деканом Биолого-Почвенного Факультета ЛГУ (который в вузе называли не иначе как биолого-беспочвенным факультетом) – или та, которую преподавали на так называемых общественно-политических дисциплинах в Хрущевскую Оттепель и Застой Брежнева? Ответ: хороши обе! Одна

стоит другой. Хотя чушь, которой в университете учили во времена Сталина, бесспорно, была в миллион раз кровавее.

Из точных наук только преподавание математики проходило (хотя возможно я по незнанию идеализирую ситуацию) без вмешательства власти. О том, что таблица умножения является прогрессивной, или что производная синуса равна косинусу благодаря неустанной заботе Коммунистической Партии, речи, вроде бы, не было – большевики до такого абсурда не доходили. Однако в том, что касается физики и биологии ситуация была кардинально иной. На биологическом факультете безраздельно властвовал Презент, в концептуальных вопросах являвшийся больше лысенковцем, чем даже Лысенко. Генетики преследовались как лжеученые и враги Советского Строя самым жестоким образом – в лучшем случае вплоть до увольнения с работы, а нередко с арестом органами НКВД. Разгром, подобный сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой возглавляемые Лысенко и Презентом мичуринцы разгромили генетику, на десятилетия задержав развитие отечественной биологии, ожидал также и физику. В начале 1949 года шла интенсивная подготовка “Всесоюзного совещания физиков”, на котором беспощадной идеологической критике должны были подвергнуться теория относительности Эйнштейна и квантовая механика. Что именно спасло физику от разгрома не вполне ясно. Согласно нобелевскому лауреату академику Гинзбургу, советскую физику спасли слова Курчатова сказавшего Берии: “Вся наша работа по атомной бомбе основана на квантовой механике и теории относительности, - а она [бомба] должна была испытываться через несколько месяцев. - Если начнете ругать, закрывайте первой нашу лавочку”. Берия доложил Сталину – и желание иметь бомбу перевесило.

После разоблачения культа Сталина идеологи утихомирились только на короткое время. Лысенко снова вошел в фавор. Кибернетика сразу после возникновения термина в сороковые годы была объявлена буржуазной лженаукой – и это безумие, существенно задержавшее развитие отечественной вычислительной техники, продолжалось до

шестидесятых годов. Выродки побеждали ученых из поколения в поколение, и это продолжалось в СССР то в одной, то в другой области очень долго, а в гуманитарных науках вплоть до распада Союза – вот что настоящий кошмар. Однако сравнительный прогресс и относительная гуманизация строя тоже налицо были. Компартия преодолела большой террор, КГБ – в отличие от ЧК и НКВД – удерживал страну в покое не кровью а страхом, что, хотя само по себе тоже не свет в окошке, было сравнительно человечным. Большевики доказали способность реализовывать большие проекты, создав систему электрофикации, покрывавшей страну, и первыми в мире запустивш искусственный спутник. Однако отношение к гармонично развитым и независимо мыслящим людям оставалось враждебным: в ненависти к интеллигенции (не советской, а интеллигенции в обычном смысле этого слова: профессионалам с этикой и моралью), которую называли прослойкой между пролетариатом и крестьянством – совсем как кусок сосиски, зажатый сверху и снизу в сэндвиче хлебом – прогресса с 1917 и до Чернобыля не наблюдалось. Так называемые оттепели были временными послаблениями, а разносы Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко (не говоря уже о более ранней) – политикой и основой идеологии, которая не менялась.

С учетом сказанного выше становится ясно, что, учась в Ленинградском Университете в 60ые-70ые годы, нам необыкновенно повезло. Мы оказались в окошке пространства-времени Советского Строя. Которое по недосмотру Партии временно приоткрылось. Формально большевики обучали студентов университета так же идеологически правильно, как в тридцатые и сороковые. На историческом факультете главной кафедрой была кафедра Истории КПСС, на философском – кафедра Марксистско-Ленинской Философии, на физическом, химическом и биологическом факультетах предметы соответствующие основной специальности преподавались без идеологического давления, зато все мировоззренческие дисциплины были заменены совершенно бессмысленными: историей партии коммунистов, политэкономией социализма, марксистско-ленинской философией и им подобными

ахинейми. Просмотр большевиков, однако же, оказался в том, что (1) все факультеты находились слишком близко друг к другу, (2) образование было бесплатным, а посещение лекций свободным, (3) существовало свободное расписание посещения лекций и (4) один из самых прекрасных городов мира, с его зданиями и жизнью – вопреки насаждаемой мертвечине – окружали студентов со всех сторон. В результате студенты физфака могли посещать лекции по истории Древней Греции, студенты матмеха слушать лекции по античной литературе, биологи посещали лекции по эстетике эллинизма, филологи лекции по истории и теории групп, и так далее. По недосмотру Партии мы получили блестящее образование – потому что лекции не по бредовым предметам, а по таким, которые составляют основу человеческого мировоззрения, мы могли выбирать сами. Как результат: образование, которое мы получили, было таким, каким оно должны быть в свободной стране!

Свое упущение, как известно, партия Коммунистов исправила. Она уничтожила университет как единое целое, сослав точные факультеты в Петергоф (хорошо еще что не в Михайловское, как Пушкина, или вообще не в вечную мерзлоту). Уничтожив (как они говорили) “рассадник антисоветчины в центре города трех революций”. Что с точки зрения развития русской культуры совершенно убийственно, потому что с семидесятых годов культурная столица России не имеет университета. Университета не как административной единицы, а в обычном смысле этого термина.

С падения большевизма в России прошло двадцать лет. Но несмотря на это университет в центре Ленинграда (которому возвращено его исконное имя Санкт Петербург) по-прежнему нет. Хотя, например, в первые годы правления Ельцина и в *мэрование* Собчака сделать это можно было одним росчерком. И это, пожалуй, еще даже страшнее, чем уничтожение университета большевиками. Ибо означает, что отсутствие в одной из культурных столиц не только России, но и всего мира, университета, является симптомом болезни. От которой Россия с падением большевизма не излечилась.

КАМЕРТОШКА: К ВОПРОСУ О ТОМ, КТО ПРАВИТ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ, НЕ СЧИТАЯ ГОСПОДА БОГА

2011 год. Говорю с весьма уважаемой в Петербурге и на российском телевидении дамой. Человеком гуманитарным и над землей немного приподнятым. Как, впрочем, большинство ПИИТЕРЦЕВ. Так вот: после нескольких приветственных слов, как только перешли к конкретным, красивым и гармоничным вещам, которые можно сделать в Санкт Петербурге, Санкт Пиитерка (или если хотите Санкт Петербурженка) сказала:

- О чем ты говоришь, Юра? На днях я говорила с (назвала фамилию одного из поставленных **НА** культуру совсем недавно начальников) о воссоздании музея Блокады в полном объеме. Потому что в 1948 году он был сокращен примерно с двух тысяч квадратных метров до шестисот. А сейчас совсем в загоне и запустении. А это плохо. Потому что память о блокаде свята для всей России. Мы предложили современный комплекс в три этажа. Посвященный памяти о Блокаде. И что ты думаешь сказала посаженное на культуру лицо? Вот что оно сказала:

А НА ЧЕМ МЫ НА ТОМ, ЧТО ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ, ЗАРАБОТАЕМ? ПРИБЫЛЬ ГДЕ?

– Вы о блокаде? – не поняла я. – Прибыль с памяти о Блокаде?

– Все должно приносить прибыль - ответил поставленный на культуру человек, в Санкт Петербурге сравнительно новый, но все же – человек, поставленный на культуру. Не в каком-нибудь Мухомранске или деревне Нижние Грязи, а в городе, из которого слово интеллигенция пришло в мир!

Зарботок на блокаде! – продолжила прекрасная петербурженка, и я даже по телефону почувствовал, как у нее раскраснелись от негодования щеки. – *Это мне чем-то о зарботке с концлагерей, о котором пеклись гитлеровцы, напомнило. А ты: “свободное интеллектуальное пространство”, “в Петербурге самая духовная*

атмосфера в мире”, “такого ни в Европе, ни в Америке нет...” Ну и у нас свободного интеллектуального пространства не будет! Ты там за Атлантическим океаном точно с луны!

Наверно я в самом деле с луны. Хотя и не полностью. Потому что тоже чего-то вспомнил. Дело было перед выборами ... скажем так, чтобы понятно было не до конца – одного из предыдущих градоначальников Санкт Петербурга. Именуемых – кажется в единственном городе в мире – губернатором. Я по звонку – что говорит о демократичности власти после распада Союза, это бесспорно – был принят человеком, кабинет которого находился по левую руку от тогда еще кандидата в Губернаторы-Мэры. Первое, что бросилось в глаза – что демократический человек этот, сидевший разумеется в гражданском костюме и даже либерально снявший пиджак, почему-то все время трогал правой рукой с левой стороны ремень и нечто над ним, чего там не находилось. И только позже, под впечатлением от беседы в целом, я догадался почему трогал. Ну разумеется, потому что у него там в течение многих лет висел... висела... висело... догадайтесь с четырех раз что. Ну а теперь он стало быть на гражданской службе. И трогает как бы улыбку чеширского сами понимаете кота, сиречь пустоту.

Так вот: послушав предложения о создании технологического моста Петербурга с питерцами из Силиконовой Долины, Бостона, МПТ-предложение, которое я делал от “коллективного имени” ряда уважаемых в мире коллег – этот Высокопоставленный... точнее ВысокоПосаженный человек этот выслушал меня внимательно, не перебивая и не меняя выражения лица – почти англичанин. А когда я перестал говорить и дал соответствующую бумагу, на которой были зафиксированы предложения, сказал всего одну фразу:

**ПРОБЛЕМА НАУЧНО ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ
НЕ СТОИТ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ**

Веско и вежливо. Проводил до дверей, как английский лорд. Но впечатление было сильное. Которое этот ВысокоПосаженный Человек произвел не на меня только, но и на тех, кто чего-то хотел в России создать. И впечатление это было не стопроцентно таким, какого можно было бы ожидать после посещения палаты Лордов.

Ну а еще вспомнилось уж совсем далекое время. Когда каждый день по радио и телевидению говорили и пели, что **ЛЕНИНГРАД – ГОРОД РАБОЧЕЙ СЛАВЫ**. И вели себя соответственно с этим. Шпыняя и унижая интеллигенцию. И населяя город лимитчиками. Проблема которых – и с жильем, и с адаптацией к городу – не решена и по сей день. Как и было задумано.

Сегодня общепринято говорить, что Первые Секретари Ленинградского Обкома Романов и Толстиков ненавидели Петербург-Ленинград. Прошло однако же около полувека. Переменилось все. Но много ли переменилось при этом? Есть ли какой-то прогресс в отношениях между культурой и властью?

А главное: с чем связано отсутствие оного?

- С ревностью Москвы (даже на уровне подсознания), напоминающей коллективный Эдипов комплекс, следуя которому Центр раз за разом присылает в Санкт Питер людей, в городе не родившихся и не особенно проникнутых им – а точнее, антипроникнутых?
- Контрастом между европейским Санкт Петербургом, обращенным на Запад каждым фасадом, с одной стороны и жизнью по принципу гуляй изба ходи печь с другой?
- Непримируемое противоречие между строгими очертаниями улиц и зданий Санкт Петербурга с строившимися как хозяин захочет а не по канонам в Первопрестольной особняками?
- Петербургская речь и петербургские души, как бы застегнутые на все пуговицы, которые вызывают в прочей России, свободной и в разговоре, и в поведении, ощущение чего-то не полностью своего?
- Или еще с чем то? Сермяжным и суверенным. Непостижимым, как Русь!

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ:

ПОЧЕМУ ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОТКРЫЛСЯ НА 500 ЛЕТ ПОЗДНЕЕ, ЧЕМ УНИВЕРСИТЕТЫ ЕВРОПЫ?

Отношение большевиков к гармоничному образованию граждан было отрицательным. Именно это, а вовсе не желание ректора А.Д.Александрова (как декларировалось) явилось причиной уничтожения Ленинградского Университета на Васильевском острове. Отделение факультетов естественных наук от гуманитарных столь же губительно для целостности университета, как отделение кузова автомобиля от двигателя и карбюратора. Автомобиль, руль которого народится в Красноярске, а колеса в Орле, не автомобиль. Университет, точные факультеты которого находятся в Петергофе, а гуманитарные на Васильевском острове, не университет. Даже в том случае, если его называют вторым университетом страны – в России и не такое бывало.

Сейчас многие беды и абсурды России принято спихивать на Советский Союз. Однако: со времени ликвидации власти большевиков прошло двадцать лет. А университет в Петербурге по-прежнему остается расщепленным. После расщепления ядра атома урана атом перестаёт быть ураном. Так почему же после расщепления университета его продолжают называть университетом? Почему же происходит объединения всех факультетов в центре города? Ведь это было элементарно сделать, к примеру, сразу после распада Союза, когда дома – даже на Невском проспекте – государство сдавало в длительную аренду и продавало за бесценок. Почему же спустя эн лет после Беловежской Пущи, в которое трое “сообразили” Советский Союз и распустили его, один из руководителей Санкт Петербурга, кабинет которого во время предвыборной компании губернатора находился по его левую руку, завершая часовую беседу со мной, посвященную возможному вкладу интеллектуальной Санкт Петербургской диаспоры в восстановление Санкт-Петербургской науки и университетского обучения, сказал поразительную своей программностью фразу:

“Проблема научно технической интеллигенции в Санкт-Петербурге не стоит на повестке дня”.

То есть вообще не стоит. Будто это не один из центров культуры мира, а райцентр какой-то.

Для того, чтобы попытаться понять происходящее, необходимо углубиться в историю.

Россия примкнула к Болонскому процессу, который в последний год минувшего тысячелетия положил начало универсализации образования, в частности, разделив его на магистратуру и бакалавриат. Однако она не примкнула к другому Болонскому процессу, начатому ни много ни мало на 900 лет раньше! Ибо первый европейский университет был основан именно в Болонье в XI веке и именно с этого момента началось создание новой Европы, находившейся со времени падения Рима (более пятисот лет!) в так называемых веках мрака - и сумерек.

Римскую империю, состоявшую (как и Россия сегодня) из множества народов, цементировало римское право. Оно, после принятия христианства, было сначала заменено приматом права божественного, а потом и вовсе упразднено («Божественное Право Королей» и «Всякая Власть от Бога» – принципы существования общества, не имеющие с кодифицированным правом ничего общего, выгодные только сильным и, в переводе на современный русский, означающие беспредел.) Не случайно именно Юстиниан (ненадолго объединивший Западную и Восточную империи в VI веке) создал юридический кодекс: без правовой основы властвование не рабами, а гражданами невозможно. Тем более это относится к империи, то есть многонациональной и мультикультурной стране. Однако затем на многие столетия Европа погрузилась во мрак «правового нигилизма» и «жизни по понятиям» власть имущих – принципы, россиянам знакомые не понаслышке и по сей день.

Революционность университетской идеи изначально состояла в том, чтобы поставить Божественное и Человеческое право – закон и мораль – рядом, всего лишь рядом: неслыханные после победы христианства над язычеством дерзость и революция в образовании и мировоззрении. Соответственно этому первоначально в университетах, начиная с Болонского, а затем в Парижском, Пражском и многих других было всего два факультета: богословский и юридический. То, что затем в обучение начали включать другие нерелигиозные дисциплины (медицину, математику и т.д.), было уже не революционным, а естественным продолжением начатого. Родилась другая Европа!

Уже в 1150 году 10 тысяч студентов со всей Европы жили в Болонье и изучали право. Начиная с XII века университетские, выпускники работали в канцеляриях и правительственных учреждениях, становились судьями, адвокатами, советниками, составителями законов, построенных на общие для всех европейские государства принципах, восходящих к римскому праву. В одном только Парижском университете в XIV–XV веках могли одновременно обучаться до 25 тыс. студентов – больше, чем в XIX и вплоть до середины XX века в Московском и Петербургском университетах вместе! Именно с внедрением в массовое сознание правового сознания возникла объединенная Европа. Так были заложены предпосылки сначала Ренессанса, потом Просвещения и, наконец, Промышленной революции.

А что же Россия? **Первый университет в Российской империи был учрежден в 1755 году, то есть через 600 лет после Болонского.** И это при том, что с XIV века университеты были совсем рядом: в Праге, Львове, Кракове... Почему Иван III параллельно с постройкой Кремля, пригласив не только архитекторов-итальянцев, но и итальянцев профессоров, не основал хотя бы маленький университет? Почему не сделали этого ни Василий Иванович (при котором Москва была объявлена Третьим Римом), ни Иван Грозный, ни Михаил, ни Алексей Михайлович, ни другие правители? Почему образования подданных боялись и императоры, и генсеки? Не потому ли, что по понятиям, а не закону, разуму и науке строилась не только юриспруденция, но и вся жизнь? И продолжает строиться (несмотря на запуск спутника и атомные электростанции) по сей день!

Как вы думаете, сколько юристов обучалось на открытом при Екатерине Великой юридическом факультете? Один! И тот не нашел себе применения. В стране, в течение 150 лет (начиная с уложения Алексея Михайловича вплоть до середины XIX века) жившей не по законам, а по указам, неудивительно.

Сравним. **Бостон был основан 17 сентября 1630 года. Уже через шесть лет, едва отбившись от нападений индейцев, поселенцы основали Гарвардский колледж, постепенно превратившийся в один из лучших университетов мира. Московский же университет был открыт через 600 лет после основания города и через 300 лет после полного освобождения России от какой-либо зависимости от кого-либо!** Осознание причины этого факта может многое объяснить в том, что происходит сегодня. В течение этих веков Империя расширилась от Балтики до Тихого океана, но

мысль о том, что неплохо бы заняться просвещением населения, в голову ни одному из власть имущих в России не приходила. От идеи массового образования отмахивались, как от враждебной и чуждой даже в 19ом веке. Стоит ли удивляться, что сегодня доля конкурентоспособных на мировом рынке продуктов, производимых в «тупоголовой» (как ее величают российские политинформаторы) Америке, более чем в 100 раз больше, чем оных, производимых в РФ. Даже маленькая Финляндия, «приют убогого чухонца», производит в три раза больше товаров на мировой рынок, чем Российская Федерация. До тех пор, пока главными новостями, сообщаемыми населению Родины телевидением и прессой, будут “происки евроамериканцев” и маневры ракетноосцев, пока неприязнь к Америке и Европе будет сильнее желания стать частью современной цивилизации, никакой модернизации не будет, это как дважды два.

Отношение к образованию населения у правителей Московии оставалось подозрительным во всех поколениях от Ивана Калиты до падения правления большевиков. Вот типичные высказывания царских министров не чего-нибудь, а именно народного просвещения: **«Обучать грамоте весь народ или несоизмерное оноко количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы»** (адмирал А.С.Шишков, министр народного просвещения Николая Первого); **«Хочу, наконец, чтобы русская литература прекратилась»** (С.С.Уваров, глава Академии наук, а затем министр просвещения).

Николай I на записку Пушкина, составленную по поручению царя для уяснения причин восстания декабристов, наложил более чем характерную резолюцию, которая может рассматриваться как программа действий российской власти: **«Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению... безнравственному и бесполезному».**

“К 1913г. общая численность интеллектуального слоя России составляла не более 3 млн. человек. В том числе до 300 тыс. учителей и преподавателей, до 50 тыс. ИТР (из них около 10 тыс. инженеров), 80-90 тыс. медиков (в т.ч. до 25 тыс. врачей), около 20 тыс. ученых и преподавателей вузов, 60 тыс. кадровых офицеров и военных чиновников, 200 тыс. духовенства. Совокупная доля всего этого слоя в составе населения - примерно 2.2%

населения.” (Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. Русский исторический журнал. Т. П, 1999, № 1.С.20-22).

Позиция русской православной церкви относительно образования существенно отличалась от позиции православной греческой церкви. В то время, как в Константинополе, являвшемся греческим полисом на протяжении более тысячи лет, все свободное население было грамотным, в России девизом – и церкви, и светских властей – с создания государства Иваном Третьим и вплоть до Александра Второго было: не нужна нам греческая ученость (!). Не случайно, составляя список в 1760 привилегий Петербургскому университету (находившемуся в то время административно в структуре академии наук), Ломоносов включил пункт: **«Духовенству к учению, правду физическую для пользы и просвещения показующему, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях»**. Привилегии, о которых просил Ломоносов, по сути было ходатайством о возможности вести нормальную научную работу и свободное от государственной и религиозной цензуры преподавание, которые в Европе XVIII века являлись не привилегией, а нормой.

Не слишком отличались от царских начальники советской поры. История как наука, которую изучают студенты, после Октябрьской Революции была упразднена, исторические факультеты открыты заново только в тридцатые годы. Изучение гуманитарных дисциплин сводилось к программе КПСС и политэкономии социализма. Ужасающее мракобесие было проявлено в 40–50-е годы в борьбе с генетикой – и лишь благодаря беспрецедентной смелости выдающихся ученых не были аналогично разгромлены физика и психология. Изучение всемирной истории, истории искусства и музыки концентрировалось исключительно на соответствующих кафедрах и ни в коем случае не было массовым – как, впрочем,

и в царской России: реальные училища (в которых обучался грамоте и профессии «простой» народ) гуманитарного образования не предусматривали. Поразительная стойкость традиции, переживший переход от монархии к большевизму!

Таким образом, правовой нигилизм наших дней в России имеет глубочайшие корни. То, что было стержнем возрождения цивилизации Европы еще до основания Москвы, в России остается отторгнутым по сей день. Следует отчетливо понимать, что правовой беспредел – он же жизнь по понятиям, он же «дружба превыше закона» как принцип взаимодействия людей в обществе – в России напрямую связан с другими фундаментальными бедами: незащищенностью слабого перед сильным и коррупцией, ставшей частью «нормального» функционирования государства. И произошло это – увы! – не вчера (вспомним знаменитое карамзинское: *если одним словом определить, чем занимаются в России, то слово это – воруют*). До тех пор, пока правовое сознание в Федерации не возобладает, страну невозможно будет не только перевести на технологический путь развития, но даже создать хотя бы одну конкурентоспособную на мировом рынке фирму.

При этом не следует думать, что русские люди чурались европейской традиции. Университетов ни в Киевской Руси, ни в Московии действительно не было. Но в Новгороде, Пскове и Твери еще до возвышения Москвы среди городов русских действовало ганзейское право. Российские купцы торговали с немцами, поляками и скандинавами настолько цивилизованно, что существовала даже страховка на случай ущерба. Европейская правовая система не получила в России распространения, потому что не Новгород, не Псков и не Тверь вышли победителями во внутрироссийской борьбе. Что сделал с Новгородом Иван III, а затем (еще более бесчеловечно) Иван IV, известно. Тверь была низложена до заурядного

подчиняющегося Центру города, а Пскову (через который из Европы поступали вооружения) сохранена “жизнь” – но под эгидой не права, а исполнения Государевой Воли. После коих событий правовое сознание перестало доминировать на Руси вплоть до настоящего времени.

Москва превратила небольшую раздробленную страну в Империю, раскинувшуюся на два континента, распространив на колоссальную территорию принципы, противоположные европейским. Насколько связан правовой беспредел с расширением Российской Империи в течение более пятисот лет со средней скоростью *Люксембург в месяц – Голландия в год* предмет для исследователей, а не для лапидарной заметки. Однако, каковы бы ни были идеологические обоснования абсолютизма (в переводе на современный русский *вертикаль власти*), то, что находится в шорах территориальных успехов прошлого самоубийственно, сегодня, когда расширение Державы прекратилось и существует реальный риск возобновления сжатия, очевидно почти любому. Необходимо не на словах, а на деле прийти, наконец, к консенсусу по какому пути идти России: существования не по закону, а по понятию, по правде Воли Монаршей (Генсековской, Президентской) с пирамидой Номенклатуры, уходящей за облака – или же следует отказаться от авторитарного сознания в пользу правового ради того, чтобы стать конкурентоспособной на мировом рынке, для обеспечения безопасности слабого (каковым каждый россиянин является перед лицом чиновника, преступника и наглеца), а также чтобы вообще сохраниться на картах мира.

Argoros. Профессор Е.Г. Друкарев, являющийся также одним из редакторов сборника мемуаров Физфака, напомнил мне, то в 1990 год Ленсовет принял решение восстановить университет в центре города. И, стало быть, сказать, что попыток объединить университет не было абсолютно неверно.

Благодарю Евгения Григорьевича за интересную информацию. В то же время мне кажется, что сообщение об этом решении Ленсовета является еще одним подтверждением того, что воссоздание университета в историческом центре города власть не рассматривала как приоритетную цель. Если бы руководство города всерьез хотело воссоздать университет на Васильевском и к этому была бы серьезная воля, это было бы сделано. В последующие годы на стрелке Васильевского и примыкающем к ней районе открылись многочисленные рестораны, развлекательные и другие учреждения, а, когда Оптический Институт закрылся, вместо того, чтобы – что было естественно – передать освободившуюся территорию Университету, на ней были построены элитные жилые постройки. В том то и дело, что восстановление университета в историческом центре Санкт Петербурга не являлось приоритетной целью властей никогда. Как это безусловно было бы в любом европейском или американском городе, имеющем культурную и научную традицию хотя бы отдаленно сопоставимую с Санкт-Петербургской.

КАМЕРТОШЕЧКА: РУССКОСТЬ – ПАНАЦЕЯ ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Будучи в аспирантуре и занявшись теоретической биологией под руководством Михаила Владимировича Волькенштейна, я подружился с заведующим кафедрой биофизики Петром Осиповичем Макаровым, мудрым и доброжелательным человеком. Во время одной из наших бесед дверь открылась и в комнату вошел человек в помятом костюме, представившийся изобретателем чудодейственного лекарства. Сумасшедшие изобретатели появлялись на некоторых кафедрах – среди которых ядерная физика, теоретическая физика и биофизика выделялись – довольно часто. И обращение с ними – как меня к тому времени обучили, и я убедиться даже на своем недолгом собственном опыте – должно быть исключительно аккуратным. Потому что никогда не знаешь, чего от них ждать. Капицу, к примеру, какой-то изобретатель революционной теории, обиженный тем, что ведущий Очевидного-Невероятного не обнаружил его революционные представления на всю страну, пытался зарубить топором. И только благодаря большой физической силе Сергей Петрович остался жив: Капица обезоружил революционера в науке, отобрав топор, которым тот, размахнувшись, пытался раскроить ученому и телеведущему череп.

Изобретатель, вошедший в кабинет заведующего кафедрой биофизики на первый взгляд выглядел мирно. Топора в его руках не было. И пока не заговорил, казался вменяемым.

- Я изобрел лекарство, которое лечит туберкулез, глаукому, оспу, воспаление лёгких, гиморрой, астму, грыжу, гонорею, саркому и сифилис – сказал он. – Оно может спасти миллионы людей. А будучи экспортным, принесет Советской Стране миллиард долларов в иностранных валютах.

- Очень интересно – вкрадчиво ответил Макаров. – И что же это за лекарство? Вы его синтезировали?

- Это не требуется. Лекарство природное – ответил открыватель панацеи от всех болезней. Достал из портфеля баночку с какой-то жидкостью желтого цвета. И поставил на профессорский стол.

- **Что это?** – спросил Петр Осипович подозрительно.

- **Моча беременной женщины!** – гордо ответил изобретатель лекарства от всех болезней.

Мы с Макаровым незаметно переглянулись. При этом я, сидящий за спиной изобретателя, покрутил у виска пальцем. Макаров в ответ нахмурил брови и, соглашаясь, кивнул головой. Движение, воспринятое революционером в фармакалогии, как одобрение.

- **Допустим** – произнес Петр Осипович после паузы, брезгливо косясь на пузырек с волшебным бальзамом, стоящий у него на столе. – **Допустим Вы правы. Допустим Вы действительно сделали открытие, которое потрясёт и перевернёт мир. Допустим моча беременной женщины столь чудодейственна, как Вы говорите. Но объясните пожалуйста, каким образом моча беременной женщины может стать лекарством, продаваемым в другие страны? Кто в Америке, Европе и Азии будет покупать ваше чудесное ...ээээ... снадобье? Ведь беременных женщин немало в любой стране.**

У изобретателя на этот, казалось бы, совершенно убийственный вопрос ответ был готов. Он подтянул живот, выпрямил спину, напрягся, и поднял указательный палец.

- **Лечебна моча не всякой беременной женщины** –

провозгласил он.

-Лечебна моча только Русской Беременной Женщины!

Прерву на этом месте историю (которая, помнится, с перерывами длилась довольно долго: поскольку вход в Университет в

то время был свободен, изобретателей лекарств и открывателей революционных теорий остановить было некому, и они беспрепятственно появлялись в любой момент). Хочу обратить внимание высокочтимых читателей на совершенно беспрецедентную веру изобретателя элексира от всех болезней в особые свойства русскости.

Русскости как таковой.

Которая – согласно его убеждению обладает целебными свойствами на уровне биологии, физиологии, организма. Настолько целебными, что русскость может лечить! И даже еще того более: спасти человечество. Спасти в самом что ни на есть медицинском смысле этого слова. Поскольку русскость, русскость как таковая, придает человеку такие биологические особенности, которыми не обладают люди никакой прочей национальности на земле.

Такая беспрецедентная вера в русскость и ее целебные свойства была у этого человека. Которую считаю необходимым и правильным засвидетельствовать.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ: ОГОРОД ПАМЯТИ

Мемуары – это

- (1) воспоминания о событиях и
- (2) попытка осмысления их.

Вспоминаю.

Я ВАМ НЕ ОБРОЧНЫЙ МУЖИК А СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ. ИСПОЛНЕННЫЕ ДОСТОИНСТВА СЛОВА АКАДЕМИКА ФОКА

Историю о событиях, последовавших за получением Владимиром Александровичем Фоком премии по физике в Италии, рассказал мне один из членов Парткома Ленинградского Университета “по мере их разворачивания”, и независимо от него – много лет спустя подтвердил (в общих чертах абсолютно если не слово в слово, то факт в факт) заканчивавший кафедру теорфизики в конце 50ых годов чех Франтишек Янух, профессор университета Стокгольма и кстати сказать автор хартии 77 (за что, разумеется, поплатился. К счастью не жизнью – всего лишь судьбой и ее поворотами. В частности, был вынужден вскоре после вторжения советских войск в Прагу эмигрировать из страны). Который встречался с Владимиром Александровичем (с которым был дружен – Франтишек человек яркий и необыкновенный, к тому же во время его обучения Владимир Александрович был еще в расцвете не только научного, но и телесного здоровья) в Риме именно в это время. Итак, Владимир Александрович получает премию по физике в Италии. Для получения коей был выпущен из СССР. Премия – как и

положено – была не только почетной, но имела и денежный эквивалент. Советское посольство ожидает, что академик Фок – как это было ПРИНЯТО в то время и о необходимости чего ему сообщили при получении разрешения на выезд – ДОЛЖЕН прийти в Советское Посольство и оставить девять десятых суммы. То есть если татаро-монгольская дань составляла десять процентов, которую надо было отдать в Сарай, советские граждане с любого дохода на Западе должны были отдать Родине девяносто процентов, а десятину оставить. Завидное постоянство воззрений! С точностью до инверсии понимания десятины...

О том, что девяносто процентов премии Фок должен принести в посольство, чтобы деньги “пошли на благо народа”, Владимира Александровича уведомили, разумеется, до того, как выезд в Италию для получения премии был ему разрешен. Наконец Фок в Италии. Получает премию и ее “денежный эквивалент”. Проходит неделя. Фок в посольство не приходит. Общается с коллегами, гуляет по Риму – а в посольстве с подношением не появляется. По прошествии второй недели, к Фоку был направлен сотрудник Советского Посольства, который как бы дипломатично напомнил ученому о патриотическом долге. В данном случае о долге перед Родиной в буквальном смысле слова долг, то есть имевшем конкретное денежное выражение. Проходит еще неделя – Фок в посольство не идет. С Советским Полпредством не связывается. А общается только с коллегами-итальянскими физиками и городом Римом. Притом напрямую, посольство, не спрашивая и о содержании разговоров не информируя. Тогда было принято решение предпринять более активные меры. Фок был доставлен к Послу – такая Высокая Честь была оказана академику, которой удостаивался далеко не каждый ученый Страны Советов. При появлении Великого Физика Гордости Советской Науки посол – представитель советской дипломатической (и не только дипломатической, но и партийной, а также в значительной мере и школы, о которой не принято говорить во весь голос) встал. Пожал Владимиру Александровичу руку. Поздравил с получением премии. После чего деликатно, дипломатично и более того: сов-дипломатично

(совершенно дипломатично или по-советски дипломатично понимаете, как можете) сказал:

“Владимир Александрович. У советских людей включая деятелей культуры и науки есть традиция. Отдавать на благо Родины девять десятых полученных ими премий и других денег. Поэтому пожалуйста и будьте любезны. Положите искомую сумму в конверт и передайте мне как главе представительства нашей Великой Родины в Италии не позднее чем завтра.” То есть за точность слов не ручаюсь, но что смысл речи посла был абсолютно таков согласно историческим свидетельствам – заседанию партбюро Ленинградского Университета по этому поводу и Франтишека Януха, которому Фок рассказал об этой беседе в Риме сразу по возвращении из посольства – сомнений нет.

В ответ на эту тираду Владимир Александрович (человек спокойный, неторопливый и обстоятельный) произнес всего одну фразу.

Я ВАМ НЕ ОБРОЧНЫЙ МУЖИК

Вынул из уха слуховой аппарат (без которого, как мы помним, имел счастье не слышать). Встал. И вышел.

Что произошло после этих произнесенных великим физиком слов в Советском Посольстве – затем в Комитете Государственной Безопасности на Лубянке, а также в высоких инстанциях ЦК КПСС можно только представить. Что достоверно известно – “сверху” о поведении академика Фока было доложено в партком Ленинградского Университета имени Жданова. Вроде бы был не только звонок, то также пришла (как ее тогда называли) телега. После чего состоялось соответствующее разбирательство в присутствии руководства города и Компетентных Органов. Более компетентных в поступках людей, их мыслях, душах и действиях, чем они сами. Фока на это посвященное “недостойному поведению академика за границей” заседание не пригласили. Решали, что с человеком делать – как это водилось и водится – в отсутствие того, о ком речь.

Среди руководства Партийной Организации Ленинградского Университета нашлись умные и бывалые люди. Сотрудникам госбезопасности и представителям Высшего Руководство Города Трех Революций и одного Эрмитажа было сказано приблизительно так: Понимаете, это же Фок. Великий человек. Очень старый. И гордость Советской Науки. Может, не будем его из-за этой незначительной для нашей Великой Родины суммы трогать-тревожить? А то, кто знает, что опять выкинет? К тому же если на Западе станет известно, что Советское Государство на благо народа отбирает девять десятых полученных учеными и деятелями искусства в Европе премий, капиталистическое окружение нашей страны может это антисоветское утверждение извратить и неверно представить по радио и в печати. Давайте дадим великому Фоку дожить жизнь спокойно (по умолчанию подразумевая: недолго осталось). Тем более, что в случае Фока (которого, хоть незаменимых у нас нет, заменить некем) оставление неправильных действий ученого без последствий в интересах Советского Строя и его дальнейшего еще большего укрепления.

Ну и – как сейчас вижу, хотя и не видел - развели руками. Дескать, что поделаешь со старыми чудаками. Может, оставим в покое? Пусть доживают. А то упаси боже инсульт, инфаркт миокарда, безвременная кончина – с нами же всеми потом разбираться начнут...

То есть слова возможно были немного другие. Но то, что их смысл был таков в точности – сомнений нет.

Время было не сталинское. Оттепель стояла не только за окнами, но и в политике, и даже немножечко в разговорах. От Фока отстали.

Владимир Александрович благополучно дожил свои прекрасные дни.

Однако:

Фраза, сказанная Великим Ученым: **Я ВАМ НЕ ОБРОЧНЫЙ МУЖИК** может являться символом мужества и достоинства. Того, как русский интеллигент должен обращаться с становящейся временами неотличимой от гангстеров властью. Бандитами. Смотрящими от любой мафии, будь она преступная или же государственная. И всеми прочими варварами.

Во все времена.

Присно и во веки веков.
Не так ли, товарищи?

Это воспоминание я разослал студентам нашего курса. Одной из реакций на сказанное было письмо Саша Кригеля, во времена нашей молодости известного нам всем как Саша Попов. Которому оказались известны другие стороны того же события. “История с получением премии Фоком, в которую были посвящены и студенты, была для нас школой мужества, уроком уважения, которое должен требовать к себе советский ученый, да и просто гражданин, даже не обладающий столь большими заслугами. Чего не хватало и не хватает советским людям так это чувства уважения к себе. Если бы в России нашлось хотя бы 10% людей, ощущающих себя гражданами, а не рабами – страна была бы совсем другой. В дополнение вспоминаю, что рассказывали, как на кафедру теорфизики приходил, и не раз, некий "товарыщ" в штатском и напоминал Владимир Александрович о том, что за ним должок числится и доллары, как у них там было "принято", надо бы сдать государству, то есть - лично ему в руки. Фок гордо отвечал, при свидетелях, фразу, ставшую знаменитой, что он - **не оброчный мужик, а советский ученый.**” (добавка: не оброчный мужик, а советский ученый – чрезвычайно важна! Разумеется, смягчает смысл фразы в том виде, какой она была рассказана мне, будучи произнесена перед гэбешниками и партийцами. Но смысл от этого добавления не изменился).

А МНЕ ЧТО ФОК ЧТО ФИГ!

Еще одно мини-воспоминание об Академике Фоке. Сцена, свидетелем которой был только я. Если не считать самого академика Фока и вахтерши, имя которой история, наверно, уже никогда не узнает. Стоявшей при входе в НИФИ с внутренней стороны входной двери, у будочки на контроле. Судя по тому, что произошло, женщине новой, непосвященной в святыни и иерархию. Короче говоря, иду я бодрым шагом ко входу в НИФИ на лекцию. И замечаю, что передо мной неторопливо и думая о чем-то своем, высоком, дверь НИФИ неторопливо открывает Владимир Александрович Фок. Входит. И так же неторопливо-величественно направляется по направлению к вахте, само собой, не замечая вахтершу, собираясь привычно и величаво идти далее. Не отвлекаясь от Дум. Я следую сзади в крайнем почтении-благоговении (по степени сходном с тем, которое испытывали последователи Христа, следовавшие за Ним) - и наблюдаю такую картину. Могучее тело Фока, глядящего прямо перед собой, внезапно встретило какое-то сопротивление. Не переводя взора, Владимир Александрович попытался сделать очередной шаг вперед - и не смог. Что-то ему мешало. Владимир Александрович (не отрываясь от мыслей) опустил глаза - и увидел женщину средних лет, размахивающую руками, раскрывающую рот и стоящую пред ним насмерть. Как возможно стояли герои-панфиловцы перед натиском фашистских танков. Напомню, что Фок к тому времени, когда мы учились, слышал плохо, и чтобы что-то слышать (равно как и что-то не слышать), использовал слуховой аппарат. Поскольку сопротивление продвижению продолжалось, Владимир Александрович, слегка подняв от удивления брови, вставил слуховой аппарат в ухо и услышал:

- Пропуск! Покажи пропуск!

- Какой пропуск? - произнес Владимир Александрович медленно и на одной ноте, как он вообще говорил - Я Фок.

- А мне что фок, что фиг - уверенно произнесла бдящая женщина. - Без пропуска у меня никто за всю жизнь не проходил. И не пройдет!

В конце концов совместными усилиями – совместными, произношу с гордостью – со мной, вразумившего бдительную вахтершу, после долгих дебатов Владимир Александрович Фок все-таки был допущен в НИФИ. Однако не уверен, что вахтерша была чему-то научена. Она, как полная пивная кружка переполнена пеной выше краев, была переполнена бдительностью. С которой - удвоенной и учетверенной - проверяла студенческие билеты у каждого из нас, студентов и аспирантов, академиками не являвшихся.

Больше сорока лет прошло с тех пор. Но я и сейчас вижу эту сцену, словно происходящую наяву. Требующую пропуск вахтершу. Владимира Александровича Фока, который, вставив слуховой аппарат, медленно произносит: “какой пропуск? Я Фок.” И преисполненные превосходства слова вахтерши (руки, само собой разумеется, в боки): “А мне что Фок, что фиг!”

Возглас, достойный эпохи! Ее приоритетов. И символов.

Такая вот история, которую видел вот этими моими глазами и слышал вот этими моими ушами. А стоило ли ее Вам рассказывать или же это безделица достойная только кановения в лету - судить не мне.

БИТВА АКАДЕМИКА ФОКА ЗА ПРАВО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СОРТИРОМ В ЕЛАБУГЕ

Приводимую ниже историю поведал один из тех, кто прочитал приведенные выше рассказы об академике Фоке. Которому в свою очередь ее сообщили родители. Повесть о Фоке в Елабуге описана с такими деталями, что несомненно, должна быть признана достоверной.

Итак, во время войны академик Фок был эвакуирован в Елабугу. Прославившуюся тем, что в ней покончила собой Марина Цветаева. Рассказывают, что веревку, на которой великая русская поэтесса повесилась, в девяностых годах продавали в качестве сувенира каждому, кто соглашался уплатить требуемую за нее сумму. То есть в несметных количествах. Как бюсты Ленина или валдайские колокольчики.

Академика Фока с семьей разместили в доме, в котором туалет типа очко располагался на улице. Однако даже этим сортиром хозяева запрещали пользоваться квартирантам-интеллигентам. Которые таким образом вынуждены были отправлять естественную нужду на пространстве, открытом взорам. Прячась за кустами и деревьями. В любое время года. Включая и зиму.

Владимир Александрович терпел унижение какое-то время. После чего обратился за помощью к руководству городом. Хозяева были вызваны куда следует. После чего не только академик Фок, но и его семья получила право пользоваться уборной. Битва, не менее ожесточенная, чем сражение на Орловско-Курской дуге, академиком Фоком была выиграна.

Но даже этого мало. Через какое-то время в Елабугу были эвакуированы семьи других ленинградцев, вывезенных из блокадного города. Поддержка, оказанная Фоку властями, оказалась настолько действенной, что благодаря его протекции не только сам академик

Фок, и не только семья Фоков, но и некоторые другие ленинградские семьи смогли пользоваться сортиром. Типа очко и на улице, загаженном, как водится, выше лодыжек – но все таки туалетом!

O tempora, o mores! Обдумывая эту историю и представив царившие в Елабуге во время Великой Отечественной Войны нравы, начинаешь понимать: то, что Марина Ивановна Цветаева покончила собой именно в этом городе не стопроцентно случайно.

Цитата из мозаики воспоминаний, опубликованных Даниилом Коузовым: “С Владимиром Александровичем Фоком и его семьей мне довелось жить по соседству во время войны в городе Елабуге. Теперь нам известно, каким уже тогда он был большим ученым, а в мои десять лет я этого знать не могла, однако память сохранила во мне и братьях чувство почтения и благодарности к этому человеку и его доброй семье. По законам военного времени Владимир Александрович с семьей был еще до нас определен на постой в частный дом нашей хозяйки, и встретила она его нелюбезно. Право пользоваться сараем, навесом, туалетом во дворе ему пришлось отвоевывать для своей семьи с помощью властей. Наша семья, которая состояла из бабушки, двух ее дочерей и троих внуков, была вселена в подвал хозяйского дома осенью 1942 года. И сразу к нам пришел Владимир Александрович с предложением безвозмездно пользоваться его сараем, туалетом и всем необходимым рабочим инструментом.”

ДИВАН С ИСТОРИЕЙ

На кафедре теоретической физики в бытность нахождения мной в Ректорском флигеле стоял диван, на котором (согласно легенде, но скорее всего так и было) в семье ректора университета Бекетова родился великий поэт Александр Блок. В любом случае Ректорский флигель, в котором располагалась кафедра, дышал историей и стариной. Стены чтобы вдохновлять должны обладать историей – а в ректорском флигеле одним фасадом, обращенным к Двенадцати Коллегиями, а другим фасадом к Неве, истории было в избытке. Во время семинаров и дискуссий просто сидение на диване создавало особую ауру. Реальную или вымышленную? Не в большей степени иллюзию, чем все что обдумывает человек.

Случилось так, что я не был в России около десяти лет. Первое что сделал, оказавшись в AlmaMater – направился к родной кафедре. И что же? Ничего похожего на обстановку, которая там царила некогда, я не нашел. Какие-то канцелярские столы, стулья - никакого намека на историю, на дух - все выветрилось. И что не менее поразительно - дивана, на котором родился Блок, не было и в помине. Попытки найти концы, расспросить сидевших в комнате женщин и девушек (работниц, если не ошибаюсь, профкома) не привели ни к чему. Встречаясь с друзьями, ныне профессорами университета, я неизменно спрашивал, не знают ли они где этот диван. Только один из них - в то время бывший деканом одного из факультетов - сказал задумчиво: я кажется, знаю где он и куда делся. И все. Никаких следов. Ребята, может вы знаете, куда делся легендарный диван? Все-таки не времена революции семнадцатого года, все таки как бы преемственность, как бы интеллигенцию на кораблях из страны не высылали, вроде мы все на месте. Но все же: а где тот легендарный диван? А, ребята?

ТОЛСТОЙ И ЯГОДА

Никита Алексеевич Толстой был первым профессором, прочитавшим нам лекцию на физфаке – волею расписания. Манеры, стиль речи и мышление Никита Алексеевича оказывали на слушателей влияние не меньшее, чем содержание лекций. Толстой читал курс ОБЩАЯ ФИЗИКА в “бабочке” и в белой рубашке, накрахмаленной до белизны “абсолютно белого тела” (которое, в противоположность абсолютно черному телу физики, не поглощает, а отражает электромагнитные волны). Всем своим аристократическим обликом провозглашая без слов: я неотсюда.

Толстой для нас, семнадцатилетних, вступавших в Мир Знаний и воспринимавших Университет как Святыню, являлся окном в Иной Мир. Мир Санкт-Петербургской культуры. Которую, впрочем, Никита Алексеевич, родившийся в феврале 1917 года, и, стало быть, принадлежа к поколению, которому довелось пройти через ВСЁ, застать не мог. Но которую впитал в себя и частью которой стал, будучи сыном писателя Алексея Толстого, больше, чем многие. И не так, как другие.

В Ленинграде, в котором контролируемая до сантиметров и миллисекунд коммунистами жизнь напоминала жизнь после смерти в легендах греков и египтян, Санкт Петербург жил после того, как был похоронен (и переименован) большевиками, вплоть до того момента, когда мертвечина тотального централизма умерла естественной смертью. Петербург в Ленинграде прорастал сквозь мертвечину коммунистического бытия, насаждаемого в каждой щели: фасадами величественных построек (облупившаяся штукатурка которых с противоположной стороны улиц была незаметна); дворцовыми залами, разделенными на комнатухи (в которых многие из нас обитали) – ну и, конечно, людьми. Которых, вопреки усилиям власти, воспитывал Петербург, переименованный в Ленинград, буквально

после собственной смерти. Продолжив дело, начатое коммунистами, советские (они же антисоветские) люди стали переименовывать город на все лады: ЛенинГад (как произносил бы название города своего имени, будь он переименован при жизни Вождя Мирового Пролетариата, сам Ленин, не выговаривавший букву “р”), Ленинг-Рад, Ленингр-АД, и наконец Лёнин-град (во время правления Брежнева) – название, по слухам, нравившееся Генсеку с Бровями больше всего. Жизнь в Городе Мертвых брала своё, несмотря на контроль Власти за каждым словом, прикосновением и поцелуем. Подобно траве, прорастающей сквозь щели в асфальте, которым покрыты улицы, площади и цветники.

А теперь – история, рассказанная Никитой Алексеевичем мне в его кабинете в квартире на Карповке. В котором незадолго до этого Толстой принимал-первый в нашей жизни университетский экзамен по физике, пригласив трех студентов, которых выделил почему-то: Юру Гальперина, Ференца Нидермайера и меня. После приветственных слов, Никита Алексеевич перед тем, как начать говорить, долго молчал. И, как бы на что-то решившись, рассказал историю, поведанную ему отцом, писателем Алексеем Толстым. Со всеми, разумеется, предосторожностями (Алексей Николаевич умер в феврале 1945ого года, не дожив не только до смерти Сталина, но даже до Великой Победы). С глазу на глаз. Так же, как с глазу на глаз происходил наш с Никитой Алексеевичем в сравнительно безопасные годы Хрущевской Оттепели разговор.

“Отец был в дружеских отношениях с многими руководящими деятелями Советского Государства, в том числе с председателем ОГПУ Генрихом Григорьевичем Ягодой. Который по-товарищески, без церемоний, по-свойски, пригласил Алексея Николаевича в гости. Сели обедать. Отец, по обыкновению что-то рассказывал. И вдруг ему – очень здоровому и крепкому человеку – стало худо. Настолько плохо, что он повалился на пол и потерял

сознание. А когда очнулся, увидел глаза Ягоды, пытливо вглядывающиеся в лицо. Главный чекист Советской Страны смотрел, как действует яд. Который не совсем убивал, а только на время лишал сознания. Такая вот шутка на человеке. Какие в Советском Союзе устраивались каждый день тысячами. Необычным в шутке Ягоды было лишь то, что пошутить председатель ОГПУ решил в домашних условиях. Не в застенке, а у себя дома. И именно на писателе. Яды то, которые они там у себя разрабатывали, секретными были. И даже сам факт разработки был засекречен. Так засекречен, что секретнее не бывает.”

Историю эту Никита Алексеевич рассказал мне, сидящему в низком кресле, настолько образно, что встал, опустил на нос очки и стал понаблюдать с садистским интересом естественного испытателя вглядываться в мое лицо с расстояния сантиметров в пятнадцать. Несомненно, повторяя манеру, в которой история об обеде отца в доме Ягоды была когда-то рассказана ему самому. От театрализации прошлого, продолжавшейся не более чем секунд десять, мне стало не по себе. Ощущение ужаса, подобного ужасу греческих трагедий, который Никита Алексеевич Толстой испытал во время рассказа ему этой истории писателем Алексеем Толстым в лицах, и который передался мне, я помню отчетливо, как если бы это происходило сейчас.

- И что было дальше? – спросил я вдруг замолчавшего и как бы потухшего Никиту Алексеевича, спустя минуту-другую.

- Да вроде бы ничего. Отец пришел в себя. Попрощался с Ягодой. Десерта дожидаться не стал. Добрался до дому сам. На следующее утро чувствовал себя как обычно. Вот только приглашений прийти в гости от Генриха Григорьевича Ягоды больше не принимал.

После распада СССР стало известно, что в ЧК с начала двадцатых годов существовала лаборатория, занимавшаяся разработкой ядов. В сравнение с которыми яды, имевшиеся в распоряжении Екатерины Медичи и Цезаря Борджиа все равно что в сравнении с симфоническим оркестром свисток. Курировал сверхсовсуперсекретную лабораторию ядов в ЧК с самого ее основания Генрих Ягода. О чем ни писатель Алексей Толстой, ни профессор Никита Толстой при Советской Власти знать, разумеется, не могли. Вскрывающиеся мало-помалу (но всё еще медленно и очень не полностью: по чайной ложке в десятилетие) факты, заставляют считать подлинными события, кажущиеся по мере их удаления в прошлое все более невероятными. Включая повествование об обеде писателя Алексея Толстого в доме наркома Ягоды, рассказанное Никитой Алексеевичем Толстым мне. С понятной целью: чтобы я запомнил его и – ежели доживу до свободных времен – поведал людям, как только это будет возможно. Что я и делаю.

А вот еще одна история об Академике Фоке. Который – как было известно всем сотрудникам кафедры теоретической физики – если слушал не очень умного человека, вынимал из уха слуховой аппарат. Клал в нагрудный карман рубашки или же пиджака. И, не слыша глупостей, агиток или же ахинеи, думал о высоком своем. Например, никто никогда не видел Владимира Александровича с вставленным в ухо слуховым аппаратом на профсоюзных и прочих собраниях. На которых он, как и полагалось “Советскому ученому” вынужденно присутствовал время от времени. Как и все мы.

Такая вот вводная (пользуясь терминологией армии). А теперь воспоминание как таковое.

В одном из ведущих научных журналов мира – кажется, это был [PhysicalReviewLetters](#). А может быть Nature – кто помнит точнее, поправит (хотя для предмета нашего повествования, что стояло на титульном листе журнала не так уж и важно) появилась фотография Фока, беседующего за хорошо сервированным столом, очевидно во время банкета, с каким-то ученым из США. Который оживленно о чем-то рассказывает Владимиру Александровичу. В то время, как Фок, слушая (ибо уши в отличие от глаз веками не закроешь) воткнув вилку и нож в кусок мяса, как Юлий Цезарь собирается одновременно делать три дела: есть, слушать и обдумывать сказанное. Подпись под фотографией соответствовала ее содержанию: Советский физик В.А.Фок на конференции в ... беседует с профессором такого-то университета таким-то.

Казалось бы, все честь-честью. Если бы не одна маленькая деталь. На фотографии в Научном Журнале, распространявшемся по всем континентам, было отчетливо видно, что слуховой аппарат Владимира Александровича находится не в ухе, а засунут в карман рубашки.

Такая вот поучительная история. Не только для издателей научных журналов. А для – как говаривали коммуяги в дательном, а не родительном падеже – Всех-Всех -Всех. О том, как нетрудно попасть впросак тем, кто не обладает информацией в полном объеме. Даже если Вам кажется, что Вы говорите абсолютную и бесспорную истину, незнание мааленькой детальки – такой малюлюсенькой, что, казалось бы, незначительнее её не может и быть – способно перевернуть всё.

ПРОТИВ ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА НАДО БОРОТЬСЯ

Семинар по политэкономии социализма. Тема: социалистическое соревнование и перевыполнение плана. Не помню кто – помню голос. Четкий, спокойный:

- Мне кажется, что в Советском Союзе где существует ГосПлан, против перевыполнения плана надо бороться.
 - Откуда у Вас такая нелепая мысль?
 - Почему же нелепая? По-моему, совершенно логичная. Судите сами. Допустим, кто-то на автомобильном заводе перевыполнил план по производству рессор. В так случае рессор будет больше, чем надо. Они будут в избытке. Что совершенно недопустимо. При социализме, в котором все происходит по плану, каждая деталь и каждый узел должен производиться в точности в том количестве, в каком запланировано. Перевыполнение плана поэтому вредная вещь. Так же, как и социалистическое соревнование.
- Доцент политэкономии социализма обомлел, хотя и не подал вида.
- Вы ничего не понимаете в политической экономии, товарищ студент.
 - жестко проговорил он.
 - Да почему же? По-моему, логика стопроцентная.
 - Завалите Вы у меня экзамен с такой антисоветской логикой.

Последний довод звучал наиболее неопровержимо. И даже по-советски неопровержимо.

Маленькая фотография времени.

ХРУЩЕВ СВОЛОЧЬ. НЕ НАШ ДОРОГОЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, А ДРУГОЙ ХРУЩЕВ.

Товарищи и друзья. помните ли Вы, что на нашем курсе был студент по фамилии Хрущев. Так он рассказывал, что когда кто-то сказал всерьез: Хрущев сволочь! - ему пришлось ходить и клясться что это он сволочь, а не дорогой Никита Сергеевич. И приятель сволочью назвал его, а не Председателя Совета Министров. И показывать паспорт. Чем кончилась эта история и отстали ли от того, кто публично назвал Хрущева сволочью во время правления дорогого Никиты Сергеевича? Память умалчивает.

Кажется, он нечто подобное рассказывал и про своего отца, Хрущева, само собой разумеется. С которым во времена Хрущева - во время правления которого проходили наши первые университетские годы - также боялись иметь дело на всякий случай. И даже говорить о нем не возвышенно и не с придыханием. Мне вспоминается что-то ли отец нашего Хрущева, то ли другой родственник по отцу был парикмахером. И – как рассказал наш Хрущев мне с глаза на глаз – парикмахер, сказавший: “У Хрущева руки не оттуда растут!” – в присутствии мужчины, которому намазывал щеки, а затем брил, - был вызван в Большой Дом. Откуда выбраться ему помогал Хрущев-парикмахер. Который божился, что руки неоттуда растут у него, потому что как мастер не самый лучший. Возможно даже доказывал, что он не хороший мастер, кому-нибудь показательно сделав кособокую стрижку. Чем доказал лояльность всего парикмахерского коллектива и верность партийной линии. Кафка конечно. Но мы в этой кафкианской реальности выросли. И ориентировались очень даже неплохо.

Я НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ. БУРЯ ОВАЦИЙ

Для того чтобы представить себе какое отношение к интеллигенции насаждалось в Советском Союзе, достаточно одного предложения. Услышанного мной по радио, которое на кухне все время работало (программа, само собой разумеется, была одна). Передавали прямую трансляцию с предвыборного митинга Народного Артиста СССР, лауреата всего чего можно представить, главного режиссера одного из самых известных в мире своим помещением и историей театров страны... имя отчество и фамилию называть не буду, хотя и отлично помню. К тому же этот суперзаслуженный человек свою актерскую карьеру начал в Ленинградском Университете, его прославленном театре. Что для выпускников Альма Матер отрадно и почетно втрое. Репортаж велся с предвыборного митинга в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР этого гиперзаслуженного человека, проходившего на, кажется, Кировском Заводе. А может другом. Что, впрочем, не так уж и важно. Передача о предвыборном митинге проходила так. “Начинаем прямой репортаж о предвыборном митинге в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, Народного Артиста Советского Союза, Лауреата Государственной Премии СССР, Героя Социалистического Труда”... и далее имя-отчество-фамилия – произнес голос похожий на Левитана.

Пауза. После чего в репродукторе слышится другой голос. - Товарищи рабочие и инженеры. Позвольте открыть предвыборное собрание. Слово предоставляется кандидату в депутаты Верховного Совета СССР, Народному Артисту Союза Советских Социалистических Республик, Лауреату Государственной Премии СССР, Герою Социалистического Труда... и далее фамилия имя отчество.

Жидкие аплодисменты, сопровождающие переход кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, Народного Артиста Союза Советских Социалистических Республик, Лауреата Государственной

Премии СССР, Героя Социалистического Труда к трибуне, столь же величественный, как переход Суворова через Альпы на картине сами понимаете Сурикова. После чего слышу произнесенные хорошо знакомым всей стране голосом такие слова:

**ТОВАРИЩИ.
Я НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ.**

Буря оваций, децибелы которых едва не разорвали громкоговоритель, не рассчитанный на такой треск. Овации продолжались так долго, что я ушел с кухни. И не уверен, продолжалась ли трансляция речи. И продолжалась ли она на предвыборном митинге. Потому что главные слова были сказаны.

**ИСКОННО РУССКИЙ ТЕАТР С ИСКОННО РУССКОЙ
ТРУППОЙ ИСКОННО РУССКИМ ЗРИТЕЛЕМ И ИСКОННО
РУССКИМ РЕПЕРТУАРОМ.**

И еще одна история про этого замечательного человека. Произошедшая в 1988 году в разгар перестройки. Находясь на той же кухне и слушая тот же репродуктор (словно десятка лет не прошло!) клышал также совершенно случайно другое его выступление. Которое народный артист и прочая, и прочая и прочая голосом, знакомым всему Союзу, начал такими словами:

“Мы создаем исконно русский театр. С исконно русскими актерами. С исконно русским зрителем. И с исконно русским репертуаром.”

Браво маэстро! Самое русское браво из всех суверенных! Брависсимум на все времена!

Замечу, кстати, что, несмотря на суверенно-национальную направленность, зал этого театра оставался почти пустым во все время руководства оным этим прекрасным актером, но не столь же замечательным режиссером.

Ну а теперь похвала этому депутату. Равно как и сталинским выборам по сравнению с нынешними. Да да, выборы без выбора при большевиках как это ни странно имели положительные черты по сравнению с выборами в России начала 21ого века. В сталинских выборах выборы были В и никогда ИЗ. Появлялся один кандидат, а партия говорила народу: Выбирайте! Однако по крайней мере выборы были “из” реального человека. Тогда как в настоящее время кто именно избран во плоти и крови – не как представитель партии, а как физическое лицо – можно узнать только после выборов и никогда до.

В действительности советские депутаты в самом деле старались помочь как могли.

Помню человека, с которым (хотя он не был известным актером) Георгий Александрович Товстоногв всегда при встрече здоровался за руку. И протягивал руку первым. Когда это произошло во дворце Искусств на моих глазах, актер пояснил: Георгий Александрович помог мне получить ленинградскую прописку. Реально помог. А раз сделал доброе дело, значит он меня любит. Психология, которой подчиняются даже великие.

КТО РВАЛ ГАЗЕТУ С ПОРТРЕТОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И ЕГО РЕЧЬЮ?

Рассказ Игоря Семеновича Кона, одного из моих учителей жизни, недавно, к сожалению, умершего. О случае конкретном, как драка. Но через который, как в телескопе, видится обстановка, царившая в Ленинградском университете при Сталиле. В данном случае в начале пятидесятых.

В партком ЛГУ поступил донос на одного из профессоров от молодого преподавателя, его ученика. Который находясь в гостях у учителя (а стало быть ученик это был не простой, а любимый) пойдя в туалет по не общественным, а личным делам, обнаружил, что разорванная на кусочки и повешенная на гвоздик (как и во всех сортирах того времени) газета содержала кусок портрета и кусок выступления товарища Сталина. Кои кусочки и были приложены к доносу в партком ЛГУ в качестве вещественных доказательств (чем утирался автор доноса, остави газету неиспользованной, я не спросил). Дело пахло не просто исключением профессора из партии и факультета, но просто тюрьмой (время было кровавое). И что же сделал секретарь парткома, прчтя перед бюро бумагу (а также пустив по рядам вещественные доказательства).

- Скажите, а Вы уверены, что газету с портретом и речью товарища сталина порвал на кусочки и принес в туалет профессор такой-то?
- а кто же еще?
- у него ведь, насколько я знаю, двое детей.
- Да, двое.
- шести и четырех лет.
- все всеро. Но родина о них позаботится.
- Я не о том. Можете ли вы ручаться, что это не сделали дети?
- Дети?
- ну да?
- Дети не рвут газеты и не надевают кусочки на гвоздик.

- А Вы проверяли?

- Нет. Но...

- Проверьте. Возвращаем Вам заявление. Дело очень серьезное. Как только у Вас появятся доказательства, что газету с портретом товарища Сталина порвал на кусочек профессор (имярек) а не его дети, приходите к нам. Сын за отца не в ответе. Такова наша принципиальная патриотическая установка.

Вот так умные люди (не streetmart, и не просто smart, как в некоторых других странах, а умные в смысле знавшие, как лавировать и выживать) спасли талантливого и очень порядочного человека. А ведь могли и на всё партбюро накликать бурю, и даже на весь университет за потерю бдительности по месту жительства персонала, не будь такими смышленными – закончил рассказ Игорь Семенович.

УЧЕТ ВАЖНЕЕ ДЕЛА, УЧЕТ КОТОРОГО НАХОДИТСЯ НА УЧЕТЕ

Еще до начала семестра на первом курсе нас послали на торф. Чтобы воспитывались трудом. Торф надо было сначала выкопать, а потом уложить в пирамиды. Трудились мы, разумеется, ни шатко, ни валко, а больше гуляли, болтали и под гитару горланили песни прямо на, как говорится, меже. Месяц пролетел, как один день. Настал час расплаты. Завидев учетчицу на краю поля, я предложил бригадиру (кто это был? Ребята, напомниме) свою оперативную помощь. Поэтому, когда молодуха-учетчица, под ватником которой угадывались рельефные формы, пришла, для расчета объема разбросанных по всему полю возведенных нашей бригадой пирамид (которые уступали пирамиде Хеопса в объеме совсем немного: раз приблизительно в миллион) я увязался за ней как (якобы) комиссар бригады, ответственный за идеологию складирования торфяника. Считали долго. А когда возвратились, учетчица, сияя лицом и горделиво устремив вперед всё, что находилось под ватником, объявила, что наша бригада оказалась самой передовой. Не только среди первокурсников, но и вообще за последние годы в районе! А может быть даже по всей стране!

Когда совхозная девушка удалилась, нас обступили ребята. Как таких бездельников-разгильяев, как мы, удалось в передовики вывести? Благодаря знанию, а) математики и б) психологии – было ответ. Для определения объема пирамиды площадь ее основания и высоту надобно, как известно, перемножить, а полученное число разделить на три. Ну а для определения веса складированного торфа надо было в дополнение к этому еще и умножить на коэффициент типа одной восьмой – с целью учета поправки на неплотность упаковки брикетов и рыхлости имеющего к тому же и малую плотность топлива. Калькуляторов тогда не было, считали в столбик. Однако в математике учетчица была не больно сильна. Поэтому объем пирамиды она вычисляла под мою диктовку. И вместо умножения на

одну треть разделила. От чего результат, само собой разумеется, увеличился в девять раз. Облалдевшая от математики девушка с удивлением глядела на цифры, потом на складированный торф, потом снова на цифры. Иллюстрируя своим голубым взором афоризм Козьмы Пруткина: Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», **не верь глазам своим**. Вот так ифигурантка-учетчица: верила и не верила. А чему верить больше: расчетам, которые были перед глазами, или же хиленьким пирамидкам (которые она также глазами видела – причем глазами теми же самими, что и феноменальные цифры!) не понимала. Не дав опомниться женщине, я продолжал с ученым видом знатока в математике диктовать что считать, поскольку в итоге нам надо было найти вес складировавшегося. В результате на коэффициент порядка одной восьмой облалдевшая от математики и нашего с бригадиром молодого напора совхозница не умножила, а опять-таки разделила. От чего результат нашей работы возрос во много десятков раз. Коя феноменальная цифра и была зафиксирована подписями. А вскоре подъехавший грузовик увез торф, который мы наскладировали. Так что проверить наше феноменальное достижение, превышавшее разрядку примерно во столько же раз, во сколько перекрыл норму выработки киркой пользовавшийся отбойным молотком Стаханов, застрельщик стахановского движения, мог разве что Господь Бог.

В университет за наш бескорыстный ударный труд во благо Отчизны из совхоза пришла благодарность. А я на всю жизнь уяснил советскую истину: не так важная работа, как учет этой работы и отчет за эту работу. По крайней мере, в СССР утверждение это бесспорно являло закон природы. Советской Природы.

Гражданскую оборону называли гробом. О чем я узнал на первой же лекции. Которую преподаватель гроба (в просторечии гробовщик), вещавший как автомат, монотонно и однотонно, начал такими словами. “Студенты здравствуйте. Откройте тетради и конспектируйте. Гражданская оборона. Повторяю, еще раз: гражданская о-бо-ро-на. Для тех, кто будет пользоваться сокращением гроб, двойка на экзамене гарантирована. Зацитировали? Га-ран-ти-ро-ва-на.”

До сих пор понять не могу: был он человек с юмором или в самом деле такой? Каждая фраза гробовщика была перлом. И каждый ответ. Ну вот, к примеру, один из последующих семинаров. На котором студентов ФизФака учили навыкам, которыми обязан был овладеть каждый боец гражданской обороны (читай любой гражданин) в условиях ядерной войне между США и СССР.

“Тема сегодняшней лекции: атомное нападение. Атомное нападение: зацитировали? А-то-мно-е на-па-де-ни-е. Идем дальше. Представьте себе, что вы едете в городском транспорте.”

- Каком именно транспорте? – спрашиваю с выражением искренней заинтересованности на лице – Автобусе? Трамвае? Такси?

- В троллейбусе. Представьте себе, что вы, Магаршак, едете в троллейбусе. Представили?

- Вообразил. Еду. И что?

- Зацитировали?

- Законспектировал-записал.

-Тогда идем дальше. Точнее едем. Представьте себе, что вы едете в троллейбусе. И в этот момент в центр центральной городской площади падает атомная бомба. Законспектировали? А-том-на-я бомба. Каковы ваши действия, студент Магаршак? Что вы будете делать в условиях термоядерной агрессии – зацитировали?

- Зацитировал. В условиях темоядрёной агрессии...

- не термоядрёной, а термоядерной. Что вы будете делать, студент Магаршак, в случае внезапного термоядерного нападения противника на нашу страну?

- Ждать.

Гробовщик саркастически усмехнулся.

- Чего ждать, студент Магаршак? Уж не ударной ли волны?

- Никак нет. Указаний партии и правительства. А также родного политбюро. Во главе с Леонидом Ильичем Брежневым.

- А если Партия и Правительство не успеют дать указания?

- Такого не может быть. Партия – наш рулевой!

- Эх, Магаршак Магаршак. А еще физик. Имеете ли Вы представление, с какой скоростью распространяется ударная волна? Пишите: скорость распространения ударной волны при атомном взрыве очень большая. Зацитировали? О-чень боль-ша-я. Ударная волна распространяется с такой скоростью, что рассчитывать надо только на гражданскую оборону.

На этом месте память воспоминание оборвала. Не потому что забыл. А потому что реальная лекция в сознании вытеснена ее двойником. Который в течение многих лет играли со сцены университетского театра миниатюр ИНТЕЛЛЕКТ 68. Действие сцены *ГРОБ БЕЗ МУЗЫКИ* разворачивалось предельно близко к тому, что произносилось на самом деле. Вот только число секунд, за которые жертва атомного нападения обязана была произвести то или иное действие, возможно, окажутся неточны. Кроме того, студент Магаршак, с которым преподаватель гроба вел диалоги в реальности, на сцене был заменен Ванькой Жуковым. Героем рассказа Чехова, попавшим в Брежневский Советский Союз.

“ИВАН ЖУКОВ (с выражением искренней заинтересованности в уточнении): У меня вопрос. Я законспектировал-записал: “скорость распространения ударной волны от термоядерного гриба большАя” конец цитирования Вашей диктовки. Но какая конкретно большАя? Быстрее скорости звука или быстрее скорости света?”

УЧИТЕЛЬ ГРОБА: Эх. Жуков - Жуков. Уж не в мой ли адрес вы там несурязицы несете? И отсебятинку.

ИВАН ЖУКОВ: Да я, да мы...

УЧИТЕЛЬ ГРОБА: Не по уставу огрызаетесь. Вы меня хоть столбом обзовите, а только то что? Мозгами надо шевелить, а не обзывать профессуру. Записывайте. На эвакуацию себя из троллейбуса дается восемь секунд. Во-семь. Затем в течение трех секунд следует определить направление, из которого на вас распространяется эпицентр. Достать саперную лопатку, которая должна быть у каждого при себе, и окапываться – не больше четырнадцати секунд. Чего как контуженные сидите? Окапывайтесь! Я сказал: окапывайтесь! Все окапывайтесь!! Это вам не теория твердого тела, а практический курс. (Встает над имитирующим копанье, как и все прочие обучающиеся гробу студенты университета, Иваном Жуковым и саркастически произносит): Да не так окапывайтесь то, как воробьишко под яйца!! Вот теперь правильно. После чего в течение двух секунд лечь в вырытый для тела окоп пятками к эпицентру и укрыть темя ладонями. Зацитировали? Ла-до-ня-ми. Вот теперь всё.

Долгая тишина.

ВАНЬКА ЖУКОВ: А опосля?

ПРОФЕССОР ГРОБОВЫХ ДЕЛ: Опосля чего?

ВАНЬКА ЖУКОВ: Опосля того, как ударная волна пойдет далее.

УЧИТЕЛЬ ГРОБА: Что делать после того, как пройдет ударная волна, должно быть ясно и пьяному ежу, не говоря уже о нас с вами. Когда ударная волна промчится над корпусом вашего тела, необходимо:

- 1) Пробудить организм от потрясения.
- 2) Убедиться, что тело живо.
- 3) Встать на оставшиеся конечности. После чего
- 4) Выбирая дорогу из принципа минимальной радиоактивной зараженности местности отправиться на поиски своего места в строю!

... Ой ты гой если... Без смеха не могу не только вспоминать, но и печатать. Пальцы с клавиатуры соскальзывают. Кто был на лекциях гроба, пусть вспомнит из своего опыта. А те, кто моложе, могут вообразить. Тем более что гражданская оборона в качестве обязательного предмета в России вроде бы опять вводится. И преподаватели будут те же – с точностью до поколения. Наследники, так сказать, той же школы. Причин для соскальзывания пальцев с клавиатуры, как только думаешь о Родине-Матери, всегда выше крыши. И пятьдесят лет назад. И пятьсот. И завтра. И даже сегодня.

Фотографии спектаклей театра физиков **Интеллект 66**, собранные и сохраненные Юрием Игнатъевым

Для того, чтобы представить себе, насколько свободной была обстановка в хрущёвскую оттепель, приведу два примера-воспоминания.

Первый: на день фил-фака 1967 делегация физиков, ведомая Вашим непокорным слугой, явилась с плакатами

Слава PHIL-FUCK-у !!!

и

ФИЛОЛУХАМ СЛАВА!

После чего – хотите верить, хотите нет – нас не побили. Скорее зацеловали.

Второй: первый чемпионат города по КВН 1961-1962, того самого года, когда на всесоюзном соревновании веселых с находчивыми победила команда ФизТеха (не ленинградского, а московского), импровизировавшая феноменально. Ведущим был не уже Александр Маслюков, а ещё Альберт Аксельрод (являвшийся одним из отцов-основателей этого вида мысли). Стиль соревнований в эпоху, когда видеоманитофоны в передачах не применялись, был совершенно другой: поскольку непрямого эфира не было, то, что во время трансляции на всю страну сказано, вырезать было никак нельзя. Веселая, находчивая, а главное свободная в мыслях и действиях молодёжь лепила на всю бескрайнюю Родину такое, за что в предыдущие и последующие четверть века их бы немедленно посадили. В команду университета меня, семнадцатилетнего пацана, единственным из тех, кому было меньше двадцати лет, включили, наверное, потому, что команда первого курса, в которой я значился капитаном, стала чемпионом Физфака. Так вот: в преддверии выходной арии нашей команды старшие товарищи по сборной

веселых и находчивых ЛГУ¹, интеллект которых зашкаливал, развернули транспарант длиной во всю сцену:

КВН+ДНК=НКВД

Зал смеялся и аплодировал так долго, что режиссер телевидения, руководивший трансляцией, успел четыре раза вытереть со лба пот. Последнее не удивительно. Как думаете, если бы в Свободную Путинскую Эпоху на первом канале какая-нибудь команда развернула плакат **КВН+ДНК=НКВД**, который можно рассматривать как девиз КВН всех времен, это в эфир бы попало? А развёртывателям сошло б с рук?

Плакат, в котором небулевым образом молекула наследственности складывалась с находчивыми весельчаками, был первым шагом нашей бравой команды на пути к триумфальной победе в первом чемпионате города одного Ленина и трех Революций в веселости и находчивости. После которой наследник результата суммирования КВН с ДНК никого в “Большой Дом” для допросов не вызвал, а Партком не сообщил об исключении из университета весельчаков, а поздравил.

¹ Слово ЛГУ в названии университета существительное, а не глагол. Который спрягать по лицам: я лгу, ты лжёшь, он, она оно лжёт и так далее – категорически не советовалось

ВЗВОД НА ВЗВОДЕ

Учебные стрельбы на воинских сборах. В первый раз в жизни стреляем из автоматов Калашникова. Поражаем мишени кто как может и кто как куда попадает. Вдруг вижу, что к нашему четвертому взводу, составленному из физиков-теоретиков, беговым шагом направляется всё руководство полка во главе с полковником Пылесосом (настоящего фио которого никто не знал. Потому что, когда нас в первый раз выстроили перед ним, после формального представления полковник добавил, понизив голос до баса: “Солдаты зовут меня Пылесосом. За то, что я требователен к чистоте.”).

В чём дело? Оказывается, Леня Гомельский произвел выстрел не в ту мишень, которую ему указали, а поверх голов уходящего с стрельб в направлении расположения части третьего взвода. Метясь в какую-то другую цель, ведомую ему одному. Не понял курсантик, куда долженствует стрелять. Или сделал вид, что не понял. И выстрелил в противоположную сторону. Целясь не в то, во что было положено целиться. А во что целился даже представить страшно. Такое вот чёрт знает, что.

Когда командиры (в стайке которых впереди всех бежал немолодой Пылесос, блестя сапогами, в которых отражались окрестности) сбежались, командовавший стрельбами лейтенант, поднявшись на цыпочки, прошептал что-то (не по уставу, но до устава ли в “ситуации че”) полковнику на ухо. Который пробасил сдержанно: “Курсант Гомельский: встать!”.

- Встаааать! – во всю глотку заорал командовавший стрельбами лейтенант, нервы которого были напряжены до предела, через секунду после команды командира полка, не заметив в телах, стрелявших из положения лёжа ничего и никакого движения.

Не понимая, что происходит, отделение физиков-теоретиков вскочило на ноги наперевес с автоматами. Как лежали, так и встали. С

взведенными затворами и с шепталами в положении, открытом для одиночной стрельбы. Направив дула в разные стороны кто куда: стреляй-не-хочу.

- Курсант Гомельский, выйти из строя. Три шага вперед. – приказал Пылесос вкрадчиво, стараясь не напугать кого-то из интеллигентиков-недотёп, вставших, как в день страшного суда скелеты из гроба, с автоматами, готовыми к бою и направленными по периметру. Бывалый был офицер, видел без сомненья и не такое и за свою долгую военную жизнь прошел через всё.

Из строя вышел Лёнька и с молодецким видом уставился на командиров – хоть портрет Алеши Поповича пиши с удальца.

- Отдать автомат! – приказывает Пылесос шёпотом.

Лёнька послушно вытянул правую руку и направил автомат на полковника, не спуская палец с курка. Берите мол! Лицо Пылесоса стало белее снега.

- Опустите автомат, курсант Гомельский – тихо проговорил оказавшийся под прицелом полковник.

- Что что? Что Вы сказали? - проговорил Лёня, не отводя автомата от направления на командиров, - Я не расслышал.

- Приказываю опустить автомат! – спокойно повторил Пылесос. Что было разумно, так как от малейшего потрясения курсант-новобранец запросто мог спустить курок. От недотёп из университета в армии можно было ожидать что угодно. Особенно от теоретиков.

- Куда опустить, товарищ Полковник? – переспросил Лёня, оглядываясь по сторонам. Что было естественно и логично, поскольку стоял он посреди лужи. Куда, сделав три шага вперед, попал, там по стойке смирно и стал. Автомат вместе с телом курсанта Гомельского, старавшегося как можно точнее и лучше выполнить приказание, заколебался. Так что под прицел попадали поочередно все руководители стрельбищ.

- Приказываю опустить автомат дулом к земле - сдержанно приказал Пылесос. Лоб и щёки которого покрылись пятнами пота в считанные секунды.

- Приказание понял. Опустить автомат дулом к земле. Разрешите приступить к выполнению приказа?

Разрешаю – был краткий приказ-ответ.

– Есть опустить автомат! – уставно ответил Гомельский, и, приложив руку к пилотке, перехватил автомат в центре тяжести (то есть в районе курка) одной левой. Калашников, лишившись твердой опоры, которую составляли руки, затрясся.

- Мать-перемать! Не валять Ваньку! Дулом к земле! - взревел Пылесос. - Но только осторожно и медленно. – взяв себя в руки, почти что пропел гипнотическим голосом комполка.

- Есть осторожно и медленно – словно загипнотизированный, повторил Лёнька. Обхватил автомат двумя руками: одной за ствол, другой за приклад. И опустил. Осторожно, как археолог раскопанную им вазу. И до того медленно, что медленнее двигался разве только на похоронах Сталина катафалк. В результате дуло уперлось в жижу. В которую и погрузилось. Начальство дружно и облегченно выдохнуло. А удалец Лёнька отдал десницей честь, опираясь шуйцей (как называли левую руку во времена Былинных Богатырей) на торец приклада боевого оружия. Погружавшегося в жидкую землю все глубже и глубже.

- Взвод! Лечь в положение лежа и возобновить стрельбы! – вкрадчиво приказал Пылесос.

- Взвоод! Леее... - от шока, смешанного с усердием, раскрыв *орало* чуточку даже шире, чем позволяет природа, начал было во весь голос командовать лейтенант, однако здоровенный полковник довольно грубо заткнул юному офицеру, как кляпом, ладонью рот, показав при этом кулак второй, свободной рукой. Все стихло. Взвод лег в положение лежа, как было приказано. Стрельбы возобновились.

Вся сцена с появления Пылесоса до того мига, когда Калашников в руках Леонида, подобно опущенному в землю в знак мира мечу в армиях древности, был воткнут в грязь дулом, продолжалась не больше минуты. Но я не удивлюсь, если тем, на кого

был направлен заряженный автомат Лёни, и кто стоял перед нашим взводом (превратившимся, не подозревая об этом, в супергранату с выдернутой чекой) она показалась вечностью. Об опасности, которой при этом подвергался каждый из нас, мы, будущие профессора и директора институтов, лауреаты международных и государственных премий, члены Академий Наук многих стран мира включая ректора Ленинградского университета в ближайшем будущем, даже не осознали. Тем более, что никаких увечий-ранений, не говоря уже о летальных последствиях, инцидент с выстрелом в сторону марширующего со стрельбища взвода наших товарищей не повлек. Можно даже сказать, что не произошло вообще ничего. Маленькая несообразность, каких в СССР было тысячи и миллионы – не более. Армейские будни вернулись в размеренную колею. Стрельба по мишеням возобновились.

Полковнику Пылесосу не нужны были чрезвычайные происшествия в полку, которым командовал. Никаких последствий инцидент с выстрелом в направлении расположения вверенной ему части и вверенных ему на месяц студентов Ленинградского Государственного Университета не имел. Если не считать публикации в полковой прессе. В Боевом Листке под названием **ВЗВОД НА ВЗВОДЕ**, редактором которого был ваш покорный непокорный слуга, передовица (которая так и называлась: ПЕРЕДОВИЦА) открывалась словами: *“Хорошо стреляют курсанты четвертого взвода. Своими меткими выстрелами они поражают не только мишени, но и своих командиров.”* А также песни, которую со сцены и под гитару пели многие лета, в третьем куплете которой были слова, увековечившие описанную выше сцену словно отлитую в бронзе:

Леня Гомельский по-быстрому
В нашу роту пробно выстрелил.
Мы бойцы, а не романтики.
Не солдаты, а солдатики.

Исполнявшейся не только в университетских спектаклях, но и (на следующий год) агитбригадой физфака, которая во время сборов разъезжала по воинским частям округа “для поднятия боевого духа советских воинов”. “Артисты” которой проводили время прекрасно на зависть муштруемым однокурсникам. Где-то на третьей неделе концертов Юра Игнатев (возглавлявший “коллектив агитаторов” в отсутствие автора) был вызван к командиру дивизии “на предмет принятия мер в связи с разложением студентами Ленинградского Университета имени Жданова бойцов и командиров Советской Армии антисоветским искусством”. Однако в итоге дело кончилось наоборот: агитбригаде была объявлена благодарность с формулировкой: **“За вклад в поднятие боевого духа и идейно-патриотическое воспитание войск Ленинградского Ордена Ленина Военного Округа.”** Что, впрочем, не помешало Большому Армейскому Руководству по-тихому запретить дальнейшие выступления студенческого коллектива с этой *“поднимающей боевой дух войск патриотичной программой”*.

Такая вот была жизнь. В которой Пьер Безухов и Остап Бендер были неразделимы. Как сиамские антиподы.

ПРО ТО, КАК В ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА Я СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Оглядываясь назад, понимаю, что город Ленинград – каким его хотел видеть ленинградский обком – был городом мертвых. В древнем Египте был город мертвых. Там находились гробницы фараонов. А Ленинград партия и правительство изо всех сил делали городом мертвых – хотя он и был населен четырьмя миллионами довольно таки живых людей. Все к чему прикасалась Партия, превращалось в мертвечину. Абсолютно живыми организациями на весь город были: Эрмитаж, Филармония, Кировский театр, БДТ, Публичная библиотека и родной Университет. Носивший жуткое имя Жданова.

Я, юноша довольно таки живой, сопротивлялся мертвечине, как мог, где бы ни появлялся. Помню, как, будучи аспирантом, впервые оказался в Московском Доме Ученых. В котором в это время проходила выставка детского рисунка. Подписи, под которыми были примерно такими (с точностью до имен): Саша Колмогоров, 7 лет, Петр Келдыш 8 лет, Маша Капица 4 года... Побродив по выставке и поразмыслив, я вынул из портфеля лист бумаги (на котором печатали – с собой захватил несколько чистых и неисписанных), взял карандаш и нарисовал: домик. Перед домиком человечек. Над домиком флаг. И подписался. Юра Магаршак. 24 года. Вытащил из рисунков, которые прикреплялись в нескольких местах, пару кнопок. И пришил.

Поначалу никто ничего не заметил. Но через какое-то время я обнаружил, что около моего рисунка начал собираться народ. И не потому что живописные особенности работы могли соперничать с рисунками Леонардо. А по какой-то другой причине.

Пью кофе. И вдруг слышу: Юра Магаршак? Есть здесь Юра Магаршак?

- Я Юра Магаршак – откликаюсь – а что?

- Пожалуйста не уходите. Вам полагается приз.

И действительно. Когда приблизительно через полчаса на сцене Большого Зала Дома Ученых вручали премии за лучший

детский рисунок, на сцену пригласили меня. На весь исторический зал Центрального Дома Ученых, в присутствии десятков академиков и членов-корреспондентов, пришедших с внуками и детьми, было объявлено: “в категории *за детскую непосредственность* победителем стал Юра Магаршак, 24 года.

Не знаю, чего было после этого объявления больше: аплодисментов или хохота. Кажется, того и другого наполовину.

Впрочем, получение премии за лучший детский рисунок в категории “переростки” не прошло ни даром, ни незамеченным. Благодаря ей я познакомился с несколькими замечательными людьми. Которые, будучи академиками и членами корреспондентами АН СССР, забыв о субординации, подошли сами.

А диплом этот у меня хранился долгие годы. Кстати сказать, он оказался единственной в моей жизни премией, полученной за достижение в живописи. Чего не умею, того не умею.

ВЫНОСЯ УНИВЕРСИТЕТ ИЗ ЦЕНТРА ЛЕНИНГРАДА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЗА ПЕТЕРГОФ, ОН «ХОТЕЛ ПРЕВРАТИТЬ ЕГО В МАЛЕНЬКИЙ КЕМБРИДЖ»

1972 год. Новосибирский академгородок, куда театр физиков Интеллект 66 (в котором в общеуниверситетских спектаклях играли Андрей Толубеев (впоследствии народный артист России) Сергей Лосев (заслуженный артист России, актер БДТ) и другие известные ныне люди: не только в науке – приехал в Новосибирский Академгородок. Произошло это, кстати сказать, сразу после вызвавшего колоссальный скандал выступления на той же сцене дома Ученых Галича. Не потому что он выступал плохо. А именно потому что его выступление с песнями о гражданке Парамоновой, мы поименно вспомним тех, кто поднял руку (против Пастернака) и другие вызвали восторг научной и студенческой аудитории. Вечером меня, по-видимому, как автора, а также руководителей Интеграла (известного на всю страну клуба, организовавшего наш приезд) пригласил в свой коттедж Александр Данилович Александров. До переезда в Новосибирск в течение многих лет бывший ректором Ленинградского Университета. А после предложения переехать в Новосибирск в одновременным получением звания Академика Академии Наук СССР (до этого Александр Данилович был членкором) переехавший в Новосибирский академгородок. Данилыч пил много, рассказывая байку за байкой (некоторые из которых запомнил и приведу ниже). А под конец совсем расчувствовался и заговорил о самом больном: о том, что именно он – как он думал и был уверен – являлся инициатором переноса Университета с Васильевского Острова в Петергоф.

- Я хотел сделать маленький Кембридж! – кричал Данилыч, забыв, что перед ним не академики и профессора, а аспирант ЛГУ, почти размазывая по лицу слёзы и явно оправдываясь. – Я хотел сделать маленький Кембридж! Вы мне верите, Юра? Я не думал, что так получится. Я хотел совсем не такое, что вышло. Я не хотел лишать

Ленинград университета в его историческом центре. Верьте мне. Верье. Верье.

- В тот момент я являлся олицетворением всех студентов и профессоров Университета в гостиной Данилыча (остальные гости в количестве четырех или трех были из Новосибирского академгородка). И чувствуя ответственность и что от меня ждут индальгенции (несмотря на всю пропасть, стоявшую между академиком Александровым и мной) спросил:

- А разница то какая?

- Большая. Потому что гоню я его не из пшеницы и не из опилок. В самогонном аппарате я перегоняю водку. Советскую водку, продаваемую в магазине.

За..за...зачем?

- Как зачем? Чтобы ее можно было пить, без вреда для здоровья. Чтобы она была чистой. Хотите попробовать?

С этими словами Александр Данилович поставил на стол самогонный аппарат, который к этому времени перегнал поллитру Столичной почти полностью. После чего ее, перегнанную мы и выпили.

А стали ли пить с академиком Александровым самогонку из водки менты с понятами, не знаю. С началом выпивки рассказ оборвался.

КАМЕРТОНЧИК: КУДА ДЕВАЛСЯ ГОРН?

А вот воспоминание о спортлагере университета, поведенное Андреем Миргородским, ныне профессорствующим во Франции. Ночью спортсмены (а также как бы спортсмены), само собою, гуляли и развлекались, а утром хотелось отоспаться подольше. Чего, однако, не позволялось с помощью пионерского горна. Который находился в кабинете начальника лагеря. С которым каждое утро Главный самолично обходил все комнаты и в который с видимым удовольствием (вспоминая, наверно, свою пионерскую юность) самолично гудел. После чего спать уже никак не хотелось: побудка горном, а ля юные пионеры не была пустым звуком, она действовала. Такие противные и резкие звуки – с ума можно было, как сейчас помню (не я, а Андрей Миргородский) сойти.

Ленька Гомельский был человеком, который 1) действовал очень решительно и 2) не комментировал свои действия ни до них, ни после. Спонтанный он был человек. Подобно тому, как медведь пляшет, потом нападает, потом опять пляшет – без всякого перехода и изменения в повадках и выражения морды. Без предупреждения о намерениях: переход от танца к нападению, которое может угрожать жизни, может произойти у косялапого вмиг. Вот так и Ленька. Однажды, заметив, что форточка в комнате руководства, в которой хранился горн, открыта, Гомельский, недолго думая разбежался, запрыгнул, залез через форточку в помещение, взял горн и через форточку же вылез обратно с горном в руках. После чего, не останавливаясь, куда-то сбежал, а горн куда-то спрятал. Проходит неделя, другая. Горн не будит. Ну а попытки разбудить нас человеческим голосом не действовали – после того, как тренеры уходили, мы вновь засыпали. И вот на одной из линеек Ленька по обыкновению ни с того ни с сего выходит вперед и спрашивает недовольным голосом: “почему нас не будят горном? Нас очень бодрит побудка горном. День начинался с радостных звуков. А теперь приходится физзарядку проспять.”

Командующий спортлагерем что-то пробубнил в оправдание. Хотя оправдываться было бессмысленно: халатность была налицо.

Если б сам не видел, как Гомельский горн крал, никогда бы не подумал, что это он сделал, слыша его же вопрос. Сам украл – и сам спрашивает, куда горн девался. Орел-человек! – закончил рассказ Андрей.

Услышав этот рассказ о Лёне, с которым учился бок о бок я вдруг впервые подумал, как мало знали мы, учась бок о бок годами, друг о друге. И обо мне мало знали – не больше, чем я о других. Дело не только в том, что мы были индивидуалистами. Обстановка заставляла быть скрытным. Каждый сопротивлялся мертвечине или же вписывался в неё по-своему. Леня был одним из самых безудержных сопротивленцев. Как я понимаю только сейчас. Сопоставляя воспоминания.

Тетрадь четвертая: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В этом разделе книги использованы цитаты из

1. монографии “Горелик Г.Е., Френкель В.Я. **Матвей Петрович Бронштейн: 1906—1938**”,
2. повести “**Прочерк**” Лидии Корнеевны Чуковской являвшейся женой М. П. Бронштейна вплоть до его убийства сталинскими палачами, и
3. статьи В.В.Косарева “**ФИЗТЕХ, ГУЛАГ И ОБРАТНО**”.

ИЗ ОТТЕПЕЛИ ХРУЩЁВА В БРЕЖНЕВСКУЮ ПОДМОРОЖЕННОСТЬ

Мое пребывание на физическом факультете было счастьем с первой минуты первой лекции (Никиты Алексеевича Толстого по общей физике) до завершения аспирантуры (в университете меня волею Органов не оставили несмотря на то, что после окончания кафедры Квантовой Теории Поля, как специалист в моделировании в молекулярной биологии я получил распределение на кафедру Биохимии биофака. При этом было официально передано “Кем следует”, чтобы я убирался подальше от Ленинграда, если не хочу оказаться в тюрьме.)

Мне и моим сокурсникам повезло. В стране было время Хрущёвской Оттепели, перешедшей в *Брежневскую подморозенность* (которое главный идеолог контрреформ Александра III обер-прокурор Синода Победоносцев считал самым естественным и правильным для России состоянием общества) так плавно, что момента перехода из оттепели в ледниковый период никто не заметил. Обсуждение математических и

физических проблем переплеталось с жизнью Великого Города: выставками, просмотрами в театрах (проходившими днем и для всех, у кого были в этом театре друзья, бесплатными), капустниками в театральном институте, консерватории, театре Комедии и Дворце Искусств, и конечно в родном университете (театр физиков **Интеллект 66** преобразованный в общеуниверситетский юмористический театр, функционирует до сих пор). Свободное расписание, которое давали сдавшим сессию на отлично, позволяло посещать любые лекции на любом факультете по своему выбору – тем самым давая возможность получить очень хорошее, широкое и (что являлось само собой разумеющимся в то время) бесплатное образование.

Жизнь университетских студентов в Хрущевскую Оттепель и первые годы изменения производной состояния общества на движение к *подмороженности* протекала бурно и весело, с ощущением внутренней и внешней свободы, в уверенности, что с каждым годом будет свободней и лучше. Оглядываясь из полувекowego удаления, приходится констатировать, что надежды оказались несбыточными. По мере обретения Брежневым всей полноты власти, говорить с друзьями свободно, не боясь, что посадят или выгонят из университета с волчьим билетом, с каждым годом становилось опаснее, а со сцены даже намеками на то, что происходило в стране, всё невозможнее, и невозможнее, и невозможнее...

Мертвечина победоносно шествовала по стране! Одновременно с похолоданием общественного сознания, при котором всё явственнее чувствовался интеллектуальный озноб, начался процесс раздробления университета. Начиная с 1970 года физический, математический, химический факультеты вместе с прикладной математикой стали переводить в Петергоф – точнее за Петергоф. Разорвав связь не только между биологами и физиками, математиками и лингвистами, но и связь студенческой жизни естественно-научных факультетов с городом. Который вдохновлял и учил не хуже, а нередко и лучше профессоров. Ведь именно во взаимодействии с Красотой и Гармонией Города (в

котором дворцов больше, чем где либо в мире!) была уникальность Санкт-Петербургского (в то время Ленинградского) университета среди университетов мира. И ни в чём больше.

Однако кое-что удавалось всё-таки делать: при этом меру безрассудности при каждом поступке каждый выбирал для себя сам. В городе прошёл процесс Бродского (впоследствии Нобелевского Лауреата), закончившийся его высылкой. Художника Михаила Шемякина посадили в психушку. Нашего сокурсника, организовывавшего выставки тогда запрещенной живописи (на которых выставлялись многие из тех, кто сейчас является гордостью Русского искусства) Жору Михайлова преследовали и предупреждали, пока не арестовали. Однако посадки в псих.больницы, высылки и заключения в тюрьмы не были массовыми, скорее воспринимались как эпизоды. В отличие от своего бесправопредшественника НКВД, КГБ действовал филигранно, по населению бил не картечью, а скальпелем. Контроль Партии ощущался во всём, но не заливал мозги цементом и не затыкал рты кляпами ужаса. Это была эпоха подтекстов и разгадывания недосказанного, которая очень напоминала процесс постиженья природы в любой области естественных знаний, в физике прежде всего. А потому стимулировала творчество во всех направлениях. А также на перекрёстках наук, технологий, искусств.

Многосерийный фильм о модернистах 20 века (писателях, поэтах, художниках, философах и режиссёрах) называется ВЕК БОГЕМЫ. Название точно и верно: Пикассо, Модильяни, Элюар, Шагал, Дали, Бунюэль и другие выдающиеся творцы, превратившиеся в классиков мирового искусства, до обретения славы вели богемную жизнь. В СССР с момента его возникновения до дня распада периодически происходило нечто подобное. Что правильнее было б назвать (с учётом специфики страны и коммунистического режима)

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. Которая и была настоящей жизнью – в противоположность мертвечине, насаждаемой и поддерживаемой КПСС. Капустники, литературные, бардовские и музыкальные

вечеринки, ходившие по рукам стихи Гумилёва и Бродского, а “по магнитофонам” песни Галича и Высоцкого, первоапрельские семинары и вечера были важной частью неофициальной жизни в Советской Стране (подобной комедиям Аристофана, который тоже писал смешные истории о знакомых: то, что его друзьями и собутыльниками были Сократ, Алквивиад, Эврипид и другие выдающиеся творцы эпохи Перикла, капустаный характер комедий Отца Комедии не меняет). С неофициальной жизнью Советские Власти боролись иногда до полного уничтожения оной (в соответствии с директивой Суслова, которую вот этими моими ушами слышал по радио и воспроизвожу, как запомнил: “*В Советском Союзе нет ни одного дела, которое не было бы одобрено Центральным Комитетом Партии, и ни одного начинания, которое не исходило бы от Ленинского Политбюро*”), но в более либеральные времена давая перевести дух.

Те, кто поступил в университет на пять и более лет позже, чем курс, на котором учился я, неофициальной жизни (которая стимулировала науку и обучение, в которой факультеты были едины, а до Эрмитажа, Кировского Театра, Большого Зала Филармонии и БДТ было рукой подать) лишились по той простой причине, что университета в Ленинграде не стало. Подобно тому, как компьютер, клавиатура которого находится в Иркутске а дисплей в Ярославле, компьютером не является. Санкт Петербург перестал быть университетским городом – к громадному облегчению ОБКОМа Партии, возглавляемому Романовым. А может быть, и Кремля.

РАССКАЗ О ДЖАЗ-БАНД(Е) НА ФИЗИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КОТОРОЙ РУКОВОДИЛИ ЛАНДАУ, ГАМОВ, БРОНШТЕЙН И ИВАНЕНКО

Естественно возникает вопрос: а что было до нас? Как учились и жили студенты, которым не посчастливилось поступить в Альма Матер в Хрущевскую Оттепель и в первые годы после неё?

Академик РАН Аполлон Борисович Девидсон, учившийся в ЛГУ с 1947ого по 1952ой год, вспоминает о годах университетской учёбы как о времени ужаса. Что абсолютно неудивительно: чего еще можно было ждать во время преследований Зощенко и Ахматовой, Ленинградского Дела (при котором вместе с руководством Обкома был расстрелян и ректор университета А.А.Вознесенский), Дела Врачей, которое вот-вот должно было перерасти в полномасштабный Террор...

Учившиеся еще на пятнадцать лет раньше – в годы Сталинского Террора – вспоминают об учёбе в Университете как времени еще более страшном, тотальном кошмаре. Когда студенты выявляли друг в друге, а также в профессорах и доцентах, врагов. Ни о каких университетских капустниках, первоапрельских семинарах и самиздате в 1937 году, разумеется, не могло быть и речи.

А вот в двадцатые годы, во времена НЭПа и в первые годы после него, жизнь ФизФака, оказывается, была очень похожа жизнь в Хрущевской Оттепели. Возникшую, как и сорока годами позднее, совершенно естественно. **И знаете, кто возглавлял неофициальную жизнь на физическом факультере двадцатых годов? Ставшие великими физиками Лев Ландау, Георгий Гамов, Матвей Бронштейн. Д.Д.Иваненко и А.И.Ансельм, впоследствии известнейшие**

профессора. А также поэтесса и физик Женечка Канегиссер, после отъезда в Англию ставшая Леди Райерлс.

Ландау, Гамов и Иваненко (три мушкетёра) вместе с примкнувшим к ним немного позднее (как Д'Артаньян) Матвеем Бронштейном создали неофициальный не подвергавшийся цензуре журнал ДЖАЗ БАНД, с приложением в виде научных семинаров и вечеринок. Своего рода МЕТРОПОЛЬ эпохи НЭПА. И самиздат. Отличие, однако же было в том, что, гонениям авторы Джаз-Банда (которые не уехали на Запад, как Гамов и Канегиссер, а остались в СССР) подверглись не сразу, а годы спустя.

Обобщение начинается с цифры два. Если неофициальная научно-художественная жизни физфака ЛГУ возникла дважды, значит это закономерность. Неразрывная связь неофициальной жизни одного из красивейших городов мира, физики и искусства – визитная карточка обучения и познания в советское время в лучшие времена. Которые, к сожалению, оба раза существовали очень недолго.

Происходившее на Физфаке ЛГУ 20ых годов описано Леди Райерлс (до выхода замуж за физика, ставшим за научные заслуги английским лордом, бывшая просто Женечкой), Джаз-банд выпускал "Physikalische Dummheiten", которые читались на семинаре в Университете (являвшимся, таким образом, сочетанием диссидентской литературы, первоапрельского симпозиума и капустника). И это при том, что джаз как направление в музыке в СССР был узаконен лишь годы спустя! На семинаре джаз банда на самом высоком мировом уровне вперемешку с шутками и остротами обсуждались бурные события, происходившие в физике. Что абсолютно неудивительно если учесть, что его "застрельщиками" были Ландау, Гамов и Матвей Бронштейн. Который, по общему мнению, достиг бы уровня своих великих друзей если бы не был убит сталинскими палачами. *“Джо, Димус и Дау были гораздо дальше остальных как по способностям, так и по знанию физики и*

разъясняли нам все новые увлекательные открытия квантовой механики. Матвей Бронштейн (получивший не прозвище Д'Артаньян, как можно было предположить, а аббат) быстро догнал трех мушкетеров Дау, Джо и Димуса в физике и математике, а в знании литературы и сочинении стихов стал совершеннее их". Уже по этому рассказу Е.Н. Пайерлс можно ощутить, что Джаз-банд жил яркой научной, юмористической и всечеловеческой, а также и романтической жизнью.

Члены Джаз Банда (Джаз Банды) не были оторваны от активной культурной жизни переименованного в Ленинград города. Матвей Бронштейн знакомится с С.Я.Маршаком, при активном содействии которого написал для издательства Детская Литература книгу СОЛНЕЧНОЕ ВЕЩЕСТВО – о гелии, которого на Солнце в колоссальное количество раз больше, чем на земле (то, что гелий является результатом термоядерной реакции слияния атомов водорода было ещё не известно). Тему и название книги также определил не физик, её автор, а детский поэт. Что также говорит об эпохе и её Духе.

Атмосферу в тогдашней физике передает гимн теоретикам, сочиненный Е. Н. Канегиссер (в подражании «Капитанам» незадолго до этого расстрелянного Гумилева, что, разумеется, не указывалось):

Вы все, паладины Зеленого Храма,
по волнам де Бройля держащие путь,
барон Фредерикс и Георгий де Гамов,
эфирному ветру открывшие грудь,

Не всех Гейзенберга пленяют наркозы,
и Борна сомнителен очень успех,
но Паули принцип, статистика Бозе
в руках, в головах и в работах у всех.

Но пусть расползлись волновые пакеты,
еще на природе густая чадра,

опять не известна теория света,
еще не открыты законы ядра.

И в Цайтшрифте ваши читая работы,
где темным становится ясный вопрос,
как сладостно думать, что яростный Боте
для ваших теорий готовит разнос.

В. А. Амбарцумяном опубликован сонет, написанный
М.П.Бронштейном к выходу второго номера Астрокабического
журнала. Приводим восемь строк из него.

Будь выше порицаний и похвал,
Будь маяком, светящим нам из мрака,
Тринадцатым созвездьем Зодиака
Сияй, Астрокабический журнал!

Никто не знает, кто твои творцы,
Кто сторожа твоих святых преддверий.
Они хранят молчанье, как жрецы
Ужасных дионисовых мистерий.

Дискуссии и теорфизический анализ обрушивались на всё, что попадало под свободно парящие мысли джаз-банды: балет, поэзию, Фрейда, литературу, а также на (как они называли их) «ситуации», возможные в отношениях между прекрасной и сильной половинами человечества. Стиль жизни джаз-бандеров в полном соответствии с их возрастом и с духом времени отличался **воинствующей неофициальностью**. Это проявлялось и в их отношениях с преподавателями, и в названии «ансамбля», которое в те годы звучало антисоветски (джаз стал явлением советской культуры только в самом конце 20-х годов, джаз-оркестр Л. Утесова появился в 1929 г. – чтобы через десятилетия опять стать “антисоветской музыкой буржуазии”). И в том, что совместная статья Гамова, Иваненко и Ландау сочинялась

в честь одной из участниц Джаз-банда за обеденным столом в ресторане «Астория». Здесь в разительном контрасте с названием, комиссия по улучшению быта учащихся (КУБУЧ) кормила студентов за символическую плату, которая даже студентам была под силу.

Лев Ландау и сестры Евгения и Нина Каннегисер

Евгения Каннегисер, двоюродная Сестра носившего ту же фамилию поэта, убившего главы Петроградского ЧК Моисея Урицкого чтобы искупить вину перед русским народом, с мужем физиком сэром Рудольфом Пайерлсом

Задиристый и бескомпромиссный характер, так же, как остроумие ставшего впоследствии академиком и Нобелевским Лауреатом Льва Лавидовича Ландау общеизвестны и в комментариях не нуждаются.

Второго из Трёх Мушкетёров Джаз Банды Гамова времён его молодости, после отъезда на Запад ставшего всемирно физиком, датский физик Кристиан Мёллер так: *«Временами возникало ощущение, что на самом деле он использует все свое время и энергию на придумывание шуток и грубоватых остроумий и что он именно это считал, так сказать, своей главной задачей, а что важные статьи, которые он писал тогда об альфа-распаде и свойствах атомных ядер, были лишь побочным продуктом его деятельности»*. Математик Станислав Улам охарактеризовал Гамова не менее самобытно: *«Способностью видеть аналогии между моделями для физических теорий Гамов обладал почти до невыносимой степени. В наши дни, когда используют все более и более сложную математику, пожалуй, изощренную сверх всякой меры, было удивительно видеть, как далеко он мог продвигаться с помощью интуитивных картинок и аналогий, почерпнутых путем сравнений из области истории или даже искусства»*.

Что же касается значительно менее известного в России и мире Матвея Бронштейна по причине его слишком раннего убийства сталинскими палачами и слишком поздней, прошедшей практически незаметно, реабилитации – не склонный к комплиментам лауреат Нобелевской премии по физике академик Л. Д. Ландау в 1956 году написал, вспоминая о нём так: *«В его лице советская физика потеряла одного из наиболее талантливых своих представителей, а его научно-популярные книги принадлежат к лучшим, имеющимся в мировой литературе. Я уверен, что это мнение разделяется всеми нашими физиками»*.

Такова была жизнь на физическом факультете. Которая – если бы её не прервали, всего лишь при естественном ходе событий могла бы стать основой Великой Физической Школы. Не уступающей копенгагенской.

Что же произошло после того, как –Дау-Ландау, Джонни-Гамов, Аббат-Бронштейн и Димус-Иваненко закончили обучение в университете?

Свободный и бесшабашный стиль, в котором остроумие было неотделимо от научной работы и способствовало появлению новых идей в физике, “Джаз Банд-еры” продолжили и после окончания ЛГУ, когда стали работать в Физ-Техе, с одновременным преподаванием в Политехе и Альма Матер.

=====

На следующих четырех страницах – часть выпуска "Physikalische Dummheiten под заголовком: **ОТБРОСЫ ФИЗИКИ: условно-периодическое издание при участии многих коллег и главным образом Л.Ландау.**

Сохранено одним из организаторов Джаз-банда, впоследствии профессором кафедры теоретической физики физического факультета Московского Университета Дмитрием Дмитриевичем Иваненко. Опубликовано в книге *Г.А.Иваненко – ДМИТРИЙ ИВАНЕНКО – СУПЕРЗВЕЗДА СОВЕТСКОЙ ФИЗИКИ.*

Качество не первого машинописного экземпляра почти столетней давности позволяет с трудом различать текст. Если кто-нибудь из читателей займется тем, что расшифрует его строчка за строчкой, для истории физики, а также во имя того, чтобы пытливые люди всех возрастов получили хотя бы приблизительное представление, как мыслят гении, выходя за строгие пределы науки, это будет интересно и важно.

вызвана такое возмущение среди широких масс, что Президиум Института было вынуждено пойти на уступки. Гурвич был временно вызван в Ленинград. Однако, и тут, вместо широкого обсуждения с участием широких работников, была организована тайная конференция, после, что дело опять будет поведено под сукно. Мы призывали советскую общественность возмущаться по поводу безобразия и занять дело лучшей Гурвича, этих истинных лучшей жизни под свое высокое покровительство.

Д. Колдася.

"Не уважаете таланты,
"Косички ушасы глот,
"Проявил мандала в аспиранты,
"Крутков в отставку подает.

"Его падение позорно,
"Ах, кто б из нас предвидеть мог,
"Стал арифметиком у Веры
"Александр Александрович Соф."

"Успокойте - стрелку".

УМОЛАН ДОКТОРА.

/Продолжение/

Роман Пата Стерлинг.

Содержание предыдущих глав: Павел Бор во время футбольного матча пропускает мяч и получает телеграмму ЗлатеВану о своих новых вымышленных образах. Альберт ЗлатеВан заинтересован телеграммой Пера, остается в Берлине и не едет в Нидерланд на концерт, который из-за этого отменяется. Присутствовавший на концерте Павел Сигизмундович спорит с концертном об академических импримантах. В это время профессор Крутков в Ленинграде во время лекции получает деловую с немаленьким выгода в Геттинген, где он должен встретиться со многими коллегами по тактовому поводу. В факультетском Институте заключаются многочисленные пари с ленинградскими событиями.

Капустники в МХАТовском смысле этого слова на физфаке Ландау, Гамов, Бронштейн и Иваненко не ставили – скорее всего потому, что государство в то время атомной бомбой еще не интересовалось, и физиков было мало поскольку правительству не очень были нужны. Однако сразу после окончания университета то, что можно назвать капустником, было поставлено джазбандой в физико-техническом институте. Причем сделано это было высокопрофессионально, с куклами, сделанным Евгением Деменни, создателем советской школы театра марионеток, которого Самуил Яковлевич Маршак назвал «наркомом Петрушки» («Учитесь, друзья, у наркома Петрушки — до старости лет не бросает игрушки...» - фраза не только изящная, но можно сказать философская). Куклы изображали академика Абрама Федоровича Иоффе (директора ФизТеха, созданного большевиками, кстати сказать, в 1918 году: невероятно, но факт) и самих участников представления. Острые сатирические тексты, произносимые “куклами”, насколько известно, не сохранились.

Однако литературной и капустно-театральной деятельностью в том, что связано с юмором и интеллектуальной свободой, джазбандеры, конечно, не ограничивались. “Однажды Гамов, Бронштейн и Ландау, а также два их студента - З. Генацвали и С. Грилошников отправили директору Физического института МГУ, члену-корреспонденту АН СССР Б.М. Гессену (который в одной из своих работ все еще опирался на отвергнутую физикой концепцию "мирового эфира") фотописьмо следующего содержания. *“Вдохновленные вашей статьей об эфире, мы в порыве энтузиазма решили доказать его существование. Старик Альберт со своим идеализмом - сущий идиот. Призываем вас возглавить поиски флогистона, теплорода и электрических жидкостей”*. На том же листе, дошедшем до наших дней, была и карикатура – Гессен изображен в виде кота, роющегося в куче выброшенных на свалку овеществленных физических представлений прошлого. Бутылки с теплородом и флогистоном

соседей там с ночным горшком, наполненным "мировым эфиром". Гессен показал это письмо в Коммунистической академии и обвинил его авторов в открытом выступлении против принципов диалектического материализма и марксистской идеологии. Из Москвы пришло указание провести в Физико-техническом и Политехническом институтах, где работали и преподавали тогда Бронштейн и Ландау, совместное собрание и "заклеймить" позором молодых ученых, осмелившихся столь зло шутить с ортодоксальной марксистско-ленинской философией. Собрание, на котором, по словам Гамова, активную роль играли рабочие-коммунисты из мастерских института, признало их виновными в контрреволюционной деятельности. Студентов – Генацвали и Грилошникову выслали из Ленинграда, а Ландау с Бронштейном отстранили от преподавания. Гамова должна была "судить" Академия наук СССР, так как он работал в то время в её Физико-математическом институте (а преподавал в университете), но этого, почему-то не случилось. Однако стоило Матвею Петровичу на лекции в Доме ученых дойти до обсуждения принципа неопределенности Гейзенберга, как его прервал приставленный к этому заведению философ и тут же распустил аудиторию.”

Воинствующее мракобесие, царившее в это время в советской биологии, общеизвестно. Мракобесие в советской физике, после смерти Сталина ввиду важности для Сверхдержавы атомной и водородной бомб, осталось за кадром. Приведенные выше примеры показывают, что совершенно напрасно.

Какова же была судьба членов джаз-банды в последовавшее за завершением в 1929 году НЭПа десятилетие коллективизации, процессов над “Врагами Народа” и Великого “Перелома”? Все трое оставшихся в СССР руководителей “джаз-банды”: Ландау, Иваненко, Бронштейн оказались в сталинских тюрьмах. Что совершенно естественно. Если бы их не арестовали (с учетом того, как эти учёные-

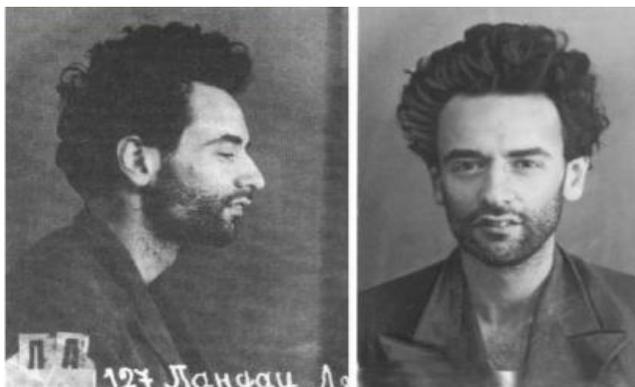
физики вели себя и во время учёбы в ЛГУ, и начав работу в Физтехе), это было бы для НКВД промахом.

Иваненко посажен был первым в сравнительно вегетарианские времена и первым же вышел.

Арест Ландау, как это ни странно для времени, когда арестовывали за связь с британской (американской, японской) разведкой и расстреливали "за намерение сделать бомбу сигарообразной формы для убийства Сталина" (за признания в этом абсурде, сделанном, само собой разумеется, под пытками, был расстрелян приехавший в СССР физик Термен) имел реальные основания. В апреле 1938 года Ландау в Москве отредактировал написанную его учеником М. А. Корецем листовку, призывающую вступать в «Антифашистскую Рабочую Партию» для свержения сталинского режима, в которой Сталин называется фашистским диктатором, в «своей бешеной ненависти к настоящему социализму» сравнявшимся с Гитлером и Муссолини. Обвинение по этому пункту было третьим (два других выдуманные: не врать Органы не могли), однако повод к аресту будущего Нобелевского Лауреата - как это ни кажется невероятным – у НКВД был. Ландау (который – заметим – редактировал всё, представленное ему от статей с соавторами до томов, известных как курс теоретической физики Ландау и Лившица – ну и листовку Кореца, почему бы и нет?), действительно отредактировал воззвание свергнуть Сталина. Что говорит о том, что Лев Давидович был решителен и бескомпромиссен не только на проводимых им семинарах и не только в науке. Тем более поразительно, что его, а не миллионы абсолютно невинных посаженных по 58 статье, выпустили! То, что после выхода из Сталинского застенка академик стал более осторожен, объясняется не только ручательством за него Петра Капицы, но также и тем, конечно, что, находясь в одном шаге от смерти, понял, с каким античеловеческим монстром имеет дело.

Л.Д. Ландау провел в следственном изоляторе Бутырской тюрьмы год. Будущего Нобелевского Лауреата сутками "держали на стойке" (то есть не позволяли сидеть), проводя допросы "конвейером"

(следователи, обессиленные, сменяли друг друга в то время, как подследственного непрерывно продолжали допрашивать). Как впоследствии вспоминал Лев Давидович, "было очевидно, что я мог протянуть еще не больше полугода: я просто умираю". Среди показаний Ландау против Бронштейна, добытых из него пыткой бессонницы, голода и нахождения в стойке (не били, но угрожали, что если не заговорит, бить начнут), были слова, произнесенные или якобы произнесенные Матвеем Петровичем: "*Если Троцкий придет к власти, то я назовусь его племянником*" и "*Троцкий ушел, но он себя еще покажет*". Которые остроумный "аббат-Д'Артаньян" наедине с другом в самом деле произнести мог.

Фотография академика, лауреата Нобелевской Премии Льва Давидовича Ландау в фас и профиль, сделанная в тюрьме

Дома у сестер Каннегисер, 1931. Слева направо: Л.Ландау, Н. Каннегисер, В.Амбарцумян, (?), Е. Каннегисер, М.Бронштейн.

ТЕКСТ ЛИСТОВКИ

НАПИСАННОЙ М. А.КОРЕЦЕМ

И ОТРЕДАКТИРОВАННОЙ Л.Д.ЛАНДАУ:

"Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнился с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради сохранения своей власти страну, Сталин превращает ее в легкую добычу озверелого немецкого фашизма.

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД. Они способны избивать только беззащитных заключенных, ловить ни о чем не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах.

Вступайте в Антифашистскую рабочую партию. Налаживайте подпольную технику. Подготавливайте массовое движение за социализм.

Сталинский фашизм держится только на нашей неорганизованности. Пролетариат нашей страны, сбросивший власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику".

Из архива НКВД-КГБ

ПИСЬМО П.Л.КАПИЦЫ И.В.СТАЛИНУ ОБ АРЕСТЕ ЛАНДАУ

П. Л. КАПИЦА - И. В. СТАЛИНУ 28 апреля 1938, Москва "Товарищ Сталин! Сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л. Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком - самые крупные физики- теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лучеиспускания. Этой работой дается возможное решение: - почему энергия солнца и звезд не уменьшается заметно со временем и до сих пор не истощилась. Большое будущее этих идей Ландау признают Бор и другие ведущие ученые. Нет сомнения, что утрата Ландау как ученого для нашего института, как и для советской, так и для мировой науки, не пройдет незаметно и будет сильно чувствоваться. Конечно, ученость и талантливость, как бы велики они ни были, не дают право человеку нарушать законы своей страны, и, если Ландау виноват, он должен ответить. Но я очень прошу Вас, ввиду его исключительной талантливости, дать соответствующие указания, чтобы к его делу отнеслись очень внимательно. Также, мне кажется, следует учесть характер Ландау, который попросту говоря, скверный. Он задира и забияка, любит искать у других ошибки и когда находит их, в особенности у важных старцев, вроде наших академиков, то начинает непочтительно дразнить. Этим он нажил много врагов. У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я просал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недостатках в характере мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-либо нечестное. Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам.

П. Капица".

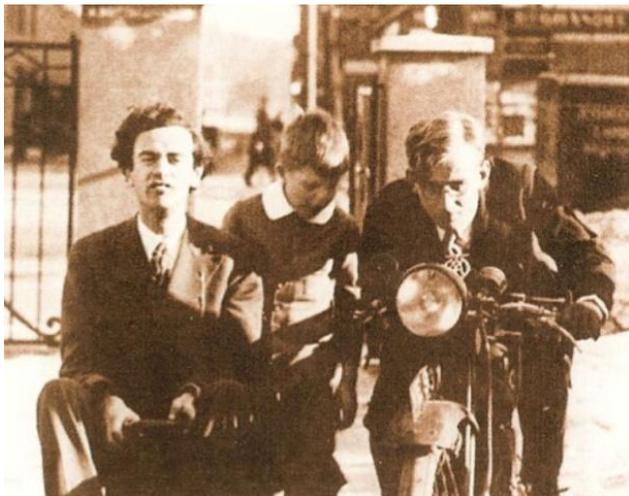
А вот Матвея Бронштейна, прожившего всего 31 год и по общему мнению обещавшего стать физиком того же масштаба, что Ландау и Гамов, вступившимся за него Маршаку, Чуковскому, Фоку (которые выхода ни на Сталина, ни на Вышинского, ни на Ежова не имели) спасти не удалось. После нечеловеческих пыток и издевательств он был расстрелян. Лидия Корнеевна Чуковская, ставшая женой Матвея Бронштейна в пору ее работы редактором в Детгизе, в память о муже написавшая повесть “Прочерк”, с горечью резюмировала: **“Счастье, что его убили ещё в тюрьме”**.

Матвей Петрович Бронштейн и Лидия Корнеевна Чуковская

Судьба двоих лидеров Джаз Банды на физическом факультете, которые из СССР выехали, сложилась совершенно иначе. Евгения (Женечка) Канегиссер, после отъезда в Англию ставшая Леди Райерлс, прожила счастливую и достойную жизнь английской аристократки, супруги известного физика. Что же касается Георгия Гамова, он – первым и единственным из членом джазбанды – понял, к чему катится дело. Летом 1932 г. Гамов с женой отправились на байдарке из Крыма в Турцию с базы Дома ученых (расположенной неподалеку от Ялты), но встречный ветер отнес их обратно. Оправдались тем, что ветром их унесло в сторону Турции. Вторую попытку супруги Гамова сделали,

поехав из Мурманска на находящуюся неподалеку биостанцию якобы для доклада. Однако добраться до Финляндии им было не суждено. Как раз в то время, когда Георгий Антонович читал лекцию о северном сиянии, после которой они собирались бежать, из Мурманска прибыли сотрудники НКВД, которые прямо в зале арестовали директора станции. По возвращении в Ленинград Гамов узнал, что утвержден делегатом от СССР на международный Сольвеевский конгресс по ядерной физике, который должен был состояться в Брюсселе в октябре 1933 г. Чтобы получить заграничный паспорт жене, пришлось обратиться за помощью к Н.И. Бухарину, и даже предъявить Советскому МИДу ультиматум (!!): или жена получает заграничный паспорт, или он, единственный советский делегат, никуда не едет. В итоге Члена Корреспондента Академии Наук Гамова вместе с женой по личному разрешению Молотова из СССР выпустили. После чего Гамов остался на Западе, став одним из самых известных физиков мира.

Лев Ландау и Георгий Гамов. Копенгаген, 1929 год.

Семинар физиков в Ленинградском университете, 1929 год. Ландау второй слева, Гамов - четвертый справа.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ И ХРУЩЁВСКОЙ ОТТЕПЕЛЕЙ, СМЕНИВШИХСЯ ЛЕДНИКОВЫМ ПЕРИОДОМ СТАЛИНА И БРЕЖНЕВСКОЙ ПОДМОРОЖЕННОСТЬЮ СООТВЕТСТВЕННО

Подражание Плутарху

За время существования советской власти было два периода оттепелей. Первым был НЭП, введенный, когда выяснилось, что методами военного коммунизма и продразверстки страну удерживать невозможно. Идея, замечательно сформулированная за семьсот лет до Ленина Чингизханом, перед смертью давший своими потомкам такой наказ: **народы можно завоевывать, не слезая с коня. Но управлять народами, не слезая с коня, нельзя.**

Второй оттепелью в бытность СССР являлась Хрущевская оттепель, начавшаяся с разоблачений Культа Личности Сталина (который Илья Эренбург предложил называть тем, чем он был: Культот Сталина, без эвфемизмов).

Каждая из оттепелей: Первая Советская Оттепель и Вторая Советская Оттепель – закончились тем, чем всегда заканчивались периоды либерализма в России: эпохой зажима. Однако заморозение общества Сталиным и (спустя 35 лет) Брежневым существенно различались. Замораживание общественной жизни при Брежневе было медленным, постепенным, и – сравнительно с массовыми посадками при Сталине, но не по абсолютным меркам, конечно – гуманным. В то время, как подмораживание при Сталине достигло уровня полного заморозения. Как в б ледниковый период.

Если смотреть на историю из двадцать первого века, становится очевидным, что после большевистского переворота в России была

третья оттепель второй половины правления Горбачева и первого срока Ельцина. Которая, как и первые две, длилась менее десяти лет, сменившись подмораживанием второго президентского срока Ельцина (последовавшего за восстановлением переименованного в ФСБ КГБ, с передачей функций Органов Безопасности, раздробленных после Пutschа 1993 года, единой, как в бытность Союза, Конторе), и правлением Путина. Однако подмораживание Ельцина-Путина произошло после распада СССР. Сравнить ли при сравнительном жизнеописании Оттепелей две (подобно паре великих граждан Древней Греции и Древнего Рима Плутархом) или все три (трио Оттепелей, Русская Тройка Оттепелей, Троица Оттепелей) зависит от желания автора.

В оправдание великорусской практики подмораживания Страны, восхваляемой Победоносцевым, приведем пример из физико-химии. Мясо, рыбу и другие скоропортящиеся продукты в морозильнике можно хранить годами. Перед употреблением ради нормального поедания разморозив. Тогда как при комнатной температуре они безнадежно испортятся за день, максимум за два. Нет никаких оснований считать, что в обществе (которое есть форма белковой жизни) ситуация существенно отличается от того, что происходит с едой.

Утверждение, сделанное в предыдущем абзаце, либералы и западники воспримут, как шутку. Я же его делаю абсолютно всерьез. Практика Российской Империи, расширявшейся пятьсот лет со скоростью *Голландия в год-Люксембург в месяц* – эффект абсолютно беспрецедентный, который не занесен в книгу рекордов Гиннеса только из русофобии – доказывает верность претворявшейся в явь практики Победоносцева-Брежнева-Сталина. Подмороженность с локальными размораживаниями (в случае крайней необходимости: когда всё захватившую мертвечину необходимо было реанимировать) – практика, обеспечивающая стабильность Российской Империи на протяжении шести веков. Её целительность и востребованность для России не вызывает сомнений.

МЫ ВЫРОСЛИ В ЭПОХУ, В КОТОРУЮ ФИЗИКА СОСТАВЛЯЛА ОСНОВУ ОБРАЗОВАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Мы были студентами в эпоху, когда физика была главным предметом. Не на физфаке – во всей стране. Не случайно самые популярные диспуты 60-70-80ых назывались ФИЗИКИ И ЛИРИКИ. То-что лирики были в загоне, конечно, болезнь общества. Но то, что физическая, естественнонаучная картина мира стояла во главе образования и являлась стержнем общественного сознания, было исключительно важно и продуктивно. Это надо отчетливо понимать. Ни до, ни после этой эпохи такого не было. Причем нигде! Не случайно преподавание физики и математики в Советском Союзе Хрущева, Брежнева и Андропова было лучшим в мире. Если в чем-то США и догоняли СССР – открыто признав отставание! – так это в уровне преподавания в школах точных наук.

Почему большевики поощряли изучение физики и математики? Во многом, бесспорно, это было связано с необходимости создания все новых и новых видов оружия, от ракет, которые нельзя сбить, до дьявольских бомб. Однако уважение к точным наукам было также связано с концептуальным видением мира большевиками. Согласно которому познание природы и использование её законов в технике и обыденной жизни стоит во главе угла. Романтика научных открытий и научной работы проходит красной нитью через всю историю большевизма. Даже те, кому Советская Власть не нравится, должны признать и понять это. В любом случае, подход к познанию и созиданию ГЛЯДЯ ИЗ ФИЗИКИ, при котором люди с рациональным взглядом на мир определяют мировоззрение нации, представляется исключительно мощным. Если б к тому же свобода слова и созидания в любой области включая литературу и журналистику наличествовала – цены бы этому времени не было.

Сейчас общество ушло от доминирования естественнонаучного мировоззрения далеко. Магия, хиромантия, оккультизм, ведовство цветут пышным цветом на телевидении (что в эпоху правления большевиков было немыслимо). Быть ученым – не только в России, во всем западном мире – стало не очень престижно. Не слишком ли сильно в обратную сторону качнулся маятник? Не стоит ли попытаться воссоздать похожее на нас юношество 21 века в главных чертах?

ИЕРАРХИЯ НАУК И ПРОФЕССИЙ

Глядя на список предметов, который преподавался на физфаке ЛГУ (очень, заметим, внушительный), невольно задумался: **почему преподававшаяся на первых курсах физика называлась Общая Физика, а аналогичный курс математики – Высшая Математика?** Различие, которого в европейских языках нет! Ответ очевиден и интересен. Различие в наименовании аналогичных курсов математики и физики определялось существовавшей в СССР иерархией знаний. А также наук, которые этим знаниям соответствовали.

Математика – королева наук. Соответственно этому и курс общей математики назывался курсом высшей математики. Как приобщение к чему-то сакральному. Высшему. Выше чего в материалистическом мире только учение Маркса-Энгельса-Ленина.

Следом за математикой в иерархии знаний была помещена физика. На которую были нападки, лишь из-за важности атомной и водородной бомб для военного ведомства не достигшие масштаба разгрома, постигшего биологию. На математику же – заметим – нападок Партии и Правительства не было никогда. Никто: ни Ленин, ни Сталин, ни Брежнев, ни Идеологи Партии Жданов и Сулов – не объявлял интегральное исчисление *“субъективным идеализмом”* (клеймо, поставленное на квантовую механику в 1952 году кем бы вы думали? Ректором Ленинградского университета в хрущевскую Оттепель Александром Даниловичем Александровым), а теорию групп *“реакционной капиталистической лженаукой”* (как кибернетику). В соответствии с этим Высшей Физики как преподаваемого советской молодежи в Советских ВУЗах курса не было и не могло быть, поскольку её основа (теория относительности, квантовая механика) у Руководства Страны идеологические сомнения вызывала. Так же, как не было и не могло быть курса Высшей Биологии, Высшей Биохимии и Высшей Генетики. Что ж: и на том спасибо Родной Коммунистической Партии, её Ленинскому Политбюро и лично

товарищу Сталину. А также товарищам Брежневу, Сулову и Андропову иже с Ним.

Чем ближе к теории и дальше от 1) практики и 2) осмысления жизни, тем в советской иерархии учёные были выше. Из физиков теоретик считался выше экспериментатора, а физика в целом – выше химии. Естественные же науки в целом – выше всех гуманитарных наук. Ситуация, нашедшая своё отражение в спорах о физиках и лириках. Возникших в качестве тихого противодействия интеллектуалов по обе стороны спора правительственной точке зрения, ставившей гуманитариев ниже и учёных, и инженеров.

Еще одно Лицо Времени. Которое сфотографировать невозможно.

**КТО ПЕРЕНЕС УНИВЕРСИТЕТ В ПЕТЕРГОФ:
РЕКТОР АЛЕКСАНДРОВ ИЛИ КОМПАРТИЯ?**

Традиционно считается, что инициатором переноса Университета в Петергоф был его ректор, Александр Данилович Александров. Я в этом не уверен. Вспоминаю другой разговор, состоявшийся в 1971 году в Обкоме. Куда меня – в тот момент Заместителя Председателя Совета Молодых Ученых вузов и институтов Академии Наук Ленинграда (базирувавшегося в Доме Ученых на Дворцовой Набережной) приглашали для назидания время от времени (о том, как этот существующий и поныне Совет был создан, рассказ ниже). И как сейчас слышу голос Секретаря:

**“Мы уничтожим рассадник антисоветчины в
центре города трех революций и ее
Колыбели!”**

- Какой рассадник? – делая вид что не понял, отрываясь от конспектирования, спросил я наивно.
- Университет. Рассадник антисоветчины в центре Санкт Гетербурга. Мы уничтожим этот рассадник. С корнем вырвем сорняк.
- Кто это мы? Обком комсомола? – наивно (точнее, как бы наивно) переспросил я.
- Мы это обком партии. Таково указание первого секретаря Ленинградского Обкома товарища Романова. Партия и комсомол поставленную руководством задачу выполнят, можете не сомневаться.

Сказанное (и вспомненное) является частичной – хотя конечно не полной – реабилитацией Александра Даниловича. Им просто воспользовались. Если б не стал он переносить университет как бы по собственной инициативе – его бы попросту убрали с поста ректора и заменили тем, кто линию партии понимал с полуслова. Как, впрочем, возможно, почуял куда ветер дует, и Александр Данилович. Создатель блестящей научной школы, к которой принадлежит в частности, ставший всемирно известным Григория Яковлевич Перельман. Детали истории с переносом значительной части университета в Петергоф: в какой степени это была инициатива обкома, а в какой Александрова, наверно, мы никогда не узнаем. Хотя дело (как сказал бы Ленин) архиважнейшее. Потому что с 1971 года Ленинград (ныне Санкт Петербург) город в котором нет университета.

ПОДГОТОВКА К ПРИСЯГЕ

Капитан, приставленный к взводу физиков-теоретиков на воинских сборах, на которые мы были отправлены перед получением офицерского звания, был невысокого роста. И потому больше всех полюбил Володю Дейча, которому, обходя строй и доходя до левого фланга, всякий раз останавливаясь, любовно заглядывал в очи, не поднимая и не опуская зрачков. Знакомство с вверенной ему ротой курсантов университета капитан организовал так. Ефрейтор привел взвод к спортплощадке, где на брусках без кителя сидел голубоглазый мужчина в галифе и сапогах офицера. Который, когда нас выстроили, вдруг замахал торсом и выполнил гимнастические упражнения на уровне приблизительно третьего юношеского разряда. Которые завершил четким сосоком. После чего одел китель и, представившись, начал командовать. Нежданно-негаданно оказалось, что у этого невысокого человека раскатистый командирский бас.

- А капитан этот вроде бы клёвый чувак – машинально пронеслось у меня в голове со скоростью, опережающей звук.

- Ррравняйся! Смиииирно! – услышал я после того, как мысль улетела куда-то. – Курсант. Как ваша фамилия?

- Магаршак.

- Запомните, курсант Магаршак, что по команде *равняйся* надо сделать правое ухо выше левого. Ррравняйся! Курсант Магаршак, вы почему голову вперед наклонили?

- Чтобы правое ухо было выше чем левое, товарищ капитан. Как вы учили и приказали.

- Этого недостаточно. По команде “равняйся” надо смотреть вправо, чтобы увидеть грудь четвертого человека. И только увидев её, наклонить голову так, чтобы правое ухо было выше чем левое ухо.

Продолжая смотреть вправо на четвертую грудь. Ррррравняйсь! Вы зачем согнулись и наклонились, курсант Магаршак?

- Чтобы увидеть четвертую грудь. Которую заслоняют другие груди. Третья и первая. За ними четвертой не видно.

- Не может быть.

- Не верите? В таком случае станьте на моё место и убедитесь.

- Отставить разговорчики. Курсанты запомните. Туловище по команде равняйсь должно не отклоняться от вертикали, а быть ориентировано в зенит. Отклоняться от вертикали по команде “равняйсь” должна исключительно голова. Рррравняйсь! Вот теперь правильно. Правое ухо выше левого, грудь колесом. Вы там чему улыбаетесь, Магаршак?

- Жизни в Советском Союзе радуюсь, товарищ капитан.

- Отставить улыбки. На лице советского воина должны находиться только уставные выражения. Равняйсь. Смирно. Курсант Магаршак, вы почему живот выпятили? Немедленно уберите живот.

- У меня нет живота товарищ капитан.

- Есть ли, нет ли, а убрать надо.

- Так вы же сказали: распрямить грудь.

- Ну и где же у вас находится грудь, курсант Магаршак? Там, где у солдата пупок? Равняаяаяяйсь. Смиии-рно! Шааагом.... От-ставить. Товарищи курсанты. По команде “Шааагом” вы должны наклониться вперед всем корпусом сразу, как натянутая струна. Чтобы при завершении команды “шааагом” приказом “марш” с правой ноги

начать движение ног. Равняйся, Смирно. Шааагом... Курсант Магаршак, вы почему упали на землю лицом вперед?

- Так я ж равновесие потерял, когда наклонился вперед несгибаемым телом по вашей команде. Вот и упал.

- Отставить падения. Равняйся. Смирно. Шааагом... Магаршак, ты почему опять падаешь?

- Так тело ж вперед наклоняется, товарищ капитан. И его центр тяжести оказывается впереди сапогов. Вот я и падаю.

- Неужели у вас такие маленькие ступни?

- Не такие уж маленькие. Сорок второго размера.

- Так почему же вы падаете?

- Потому что центр тяжести за сапоги выступает. Закон сохранения момента.

- Какого еще момента?

- Момент силы, товарищ капитан. Это физический, а не политический термин.

- Курсант Магаршак. Чтобы избежать травм в мирное время, разрешаю Вам персонально начинать движение “марш” из вертикального положения тела. Остальных это послабление не касается. Равняйся. Смирно. Шааагом... Курсант Магаршак, где ваша нога?

- Какая из двух, товарищ капитан?

- Я говорю о Вашей передней ноге. Курсанты. Запомните. По команде “шааагом” правую ногу надо поднять вверх, в то время, как левая стоит на земле всей ступней. Шааагом... Держите прямую правую ногу в воздухе, пока я вам этого не прикажу. Магаршак, я приказал держать в воздухе прямую ногу, а не согнутую самовольно в колене. Вот теперь вы замерли по уставу. Отлично! Товарищи курсанты. С песней “прощание славянки” с правой ноги дистанция два шага шаааагом. маааарррш!

Таковы были первые десять минут знакомства с капитаном с голубыми глазами, который обучал нас строевой подготовке. И с которым – как это ни странно – у меня сложились самые симпатичные отношения, какие только бывают в армии.

С КЕМ ВЫ БЫЛИ, АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ, ВО ВРЕМЯ ГОНЕНИЙ НА ФИЗИКУ И БИОЛОГИЮ?

То, что любимый нами, демократичный и яркий ректор ЛГУ Александров был неоднозначной фигурой не только в вопросе о переносе Университата за черту города, видно, в частности, из статьи члена-корреспондента Российской Академии Наук, историка, много лет проработавшего на истфаке Альма Матер нас всех Р.Ш. Ганелина *“И. В. Сталин, А. Я. Вышинский и Ю. П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей»* “. Цитирую только то место, которое относится к любимому нами ректору. Которое заодно, как бы на заднем фоне, иллюстрирует обстановку в Ленинградском университете того времени. А также в науке в целом:

“17 ноября 1952 г. в «Правде» в передовой статье «Развертывать критику и борьбу мнений в науке» было сказано: «Нельзя, например, считать нормальным положение, сложившееся в физике, где имеются группы ученых, которые уклоняются от дискуссий и игнорируют любые попытки подвергнуть критике идеалистические течения в современной физике». 28 ноября 1952 г. в Физическом институте АН СССР состоялся доклад члена-корреспондента АН СССР, ленинградца А. Д. Александрова «Философские ошибки в некоторых учебниках физики, написанных сотрудниками ФИАН»., «Я был вынужден, — начал он, — по данному мне одной организацией поручению заняться исследованием некоторых книг по физике, и... обнаружил некоторые вещи в духе субъективного идеализма». Что он действует «по поручению одной организации», А. Д. Александров повторил и в заключительном слове, для него, математика, это поручение предшествовало назначению на пост ректора ЛГУ.” “Об этом (говорилось) в докладной записке заведующего отделом науки ЦК Ю. А. Жданова Г. М. Маленкову 26 июля 1952 г.: «Наряду с Максимовым ряд других видных ученых (например, член-

корреспондент АН СССР А. Д. Александров, действительный член АН УССР Комар А. П.) также отмечают наличие в трудах Мандельштама серьезных идеологических ошибок» (Сталин и космополитизм. С. 643). Почти полвека спустя престарелый академик А. Д. Александров во время перерыва в ходе общего собрания РАН в отсутствие председательствовавшего поднялся с помощью жены на трибуну и стал произносить хвалебную речь о Сталине. К трибуне сейчас же подошел один из участников собрания, который перед всем залом напомнил А. Д. о его докладе против идеализма в физике, и тот, замолчав, вернулся на свое место.”

О мертвых принято говорить или ничего, или хорошее – в переводе на русский как бы учили римляне. Хотя истинноелатинское изречение звучало иначе: О МЕРТВЫХ ЛИБО ХОРОШО, ЛИБО НИЧЕГО, КРОМЕ ПРАВДЫ: разница колоссальная! Поэтому цитирую крупнейшего современного нам представителя Санкт-Петербургской исторической школы, я не даю никаких комментариев. Просто цитирую.

Тетрадь шестая: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИНУВШЕМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

КАКИМ ОБРАЗОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СТАЛ НА СТО ЛЕТ СТАРШЕ, ЧЕМ ЛЕНИНГРАДСКИЙ?

Вопрос интереснейший. В бытность мою аспирантом, ЛГУ им. Жданова отпраздновал свое сто пятидесятилетие. О чем сегодня как-то забыли. Потому что с не меньшей помпой то же самый Ленинградский (теперь Санкт Петербургский) Государственный Университет отметил 275-летний юбилей приблизительно четверть века спустя. И это при том, что учился я не во времена Александра Освободителя, а во времена Брежнева. И мафусаилом – к счастью или к сожалению – не являюсь.

Как одно и то же учреждение может оказаться на целый век старше или моложе? Ведь это почище, чем стать сам себе дедушкой (читай Марка Твена). Или женщине на самом деле, а не силиконовой вкачкой и хирургическими подтяжками на полвека помолодеть. А если серьезно, то напоминает не по форме, а по существу чуда секретаря Бухарского Обкома, куда делегация молодых ученых Ленинграда в составе Васи Стефанова, Жени Шендера и меня прибыла для обмена опытом. Изрядно набравшись в каком-то образцовом виноградном колхозе, куда нас, приехавших из Самарканда, праздновавшего своё две тысячи пятисотлетие привезли, бухарский секретарь, бухнУвший изрядно (да простится мне невольный непритязательный каламбур) изрек: “МЫ приказали археологам Бухары, чтоб докопались до трех тысяч лет города. Пока не докопаются – зарплату платить не будем!”

- Ну и как думаете? Докопаются? – как бы наивно и якобы спьяну спросил я.

- А куда денутся? – уверенно заявил лидер.

В Советское Время все лучшее, главное, первородное должно было быть в Москве. Возможно ли, что празднование юбилея Ленинградскому университету было дозволено при условии, чтобы он был моложе московского, как и положено по “ранжиру”? Не был ли назначен возраст Ленинградскому университету так же, как Партия определила диагноз Фрунзе и сообщила его врачам? В данном случае быть моложе Московского Университета лет на сто. Чтоб во всем был вторым и только вторым, ни в чем даже не помышляя выйти на первое место. Включая и возраст.

Было ли это причиной сюрреалистического абсурда? Вопрос к историкам советской поры.

То-что Ленинградский университет праздновал свое столетие на памяти здорового поколения не афишируется. Но в этом не приходится сомневаться. Могу доказать документально с сценарием театрализованного представления НАМ СТО ПЯТЬДЕСЯТ! За который мне даже что-то там заплатили. А в постановке, последовавшей сразу за торжественным заседанием в Октябрьском Концертном Зале (на котором царила примерно такая же атмосфера, как на съездах компартии, которые показывают в ретро-фильмах: занудная речь – бурные и продолжительные – новая речь – новые бурные & продолжительные) участвовали, кстати сказать, среди прочих молодых звезд Андрей Толубеев (впоследствии Народный Артист России), Сергей Лосев (заслуженный артист России, актер БДТ) и много других студентов (не только университета), ставших впоследствии знаменитыми. Присутствовал на представлении, оставшись после торжественного заседания, на котором, разумеется выступил, секретарь обкома Романов. Тем не менее (что для тех, кто тогда жил и даже не жил, но представляет себе, что такое Брежневская цензура, наверное, поразительно) произносились, к примеру, такие шутки.

Поднимается занавес. На сцене мужчины и женщины в торжественных позах, стоящие там и сям. Стилистика, в которой нередко открывались концерты после Партийных Съездов. Юноша и девушка, стоящие с поднятыми руками, как рабочий и колхозница в скульптуре Мухиной, но не с серпом и молотом, а с глобусом и учебником, произносят речитативом: НАМ СТО ПЯТЬДЕСЯТ! И нам сто пятьдесят – кричат трое, стоящие в глубине сцены. И мне сто пятьдесят – произносит пролетарий в каске с отбойным молотком в кулаках. И мне сто пятьдесят! – говорит женщина с книгой под мышкой. НАМ ВСЕМ СТО ПЯТЬДЕСЯТ! – произносят все хором очень торжественно.

- По сто пятьдесят так по сто пятьдесят – говорит появившийся откуда-то официант. Стремительно раздает стаканы, стоящие на подносе, и разливает по булькам. После чего все вместе, изображая народ и в то же время студенчество, салютуют правительственной ложе ими, гранеными. После коего как бы рапорта принимают позы, в которых стояли вначале – только с стаканами. Вс сцена длится всего лишь минуты две. Вольность, на советской сцене, а тем более в идеологическом зале по столь эпохальному поводу, в Советском Союзе вообще и Городе Пролетарской Славы Ленинграде, вообще-то немислимая.

И пошло-закрутилось. В гвардейской казарме (аллегии военных сборов, на которые нас посылали на пятом курсе) драгуны, идя в атаку на кого-то невидимого, пели боевой марш **ВЗВОД НА ВЗВОДЕ** (исполнявшийся на мотив Прощания Славянки) в котором были и такие слова:

Поименно в приказе отмеченных
Весь Phil-Fuck проводил до дверей.
По совету в боях изувеченных
Мы не взяли с собой матерей.

Портянку мотай.
Сапог надевай.
Чекань державный шаг,
Чтоб не напал коварный враг!

Строем нас выводили на ужины,
Строем нам объявляли отбой,
Чтоб мы грунт сапогами утюжили,
Защищая Отчизну собой!!

Ты строем ходи!
Равняйся и бди!!
Страна родная мать
Тебя в свою призвала рать!

А десятью минутами ранее исполнялась баллада феллахов (действие происходило в древнем Египте, а посему слова к СССР отношения якобы иметь не должны. Хотя с одной стороны декорации была изображена ступенчатая пирамида Джосера, а с другой – Ленинский Мавзолей. Похожий на древнеегипетскую пирамиду как две капли воды): *“Пирамиды, сфинксы, фараоны – вот и весть наш узкий кругозор. Пишем за иероглифом иероглиф, портим за папирусом папирус. Правда в голубом и белом Ниле водятся большие крокодилы И ЖРЕЦЫ ВЕРХОВНЫЕ ЗАЖРАЛИСЬ!!! Но вообще живется хорошо”* – к восторгу зала. Всем было понятно, кто на самом деле зажавшимся был. Те, кто сидел в главной (так называемой

правительственной) ложе и чьи физии восемь-на-семь лоснились. Так ярко, что даже в полутьме мерцали откормленными щеками. Которым “феллахи” и кланялись, приподняв схенти (в переводе на общепонятный отечественный – короткие юбочки). А зал – напоминаю: собравшийся по случаю Стопятидесятилетия Ленинградского Университета – аплодировал и хохотал. И опять аплодировал. И опять потешался.

Вы спросите: как в условиях жесточайшей Советской Цензуры было возможно такое? Ответ: Ленинградский Университет имени Жданова при всех его несовершенствах был все-таки не совсем Советский Союз. Хотя прямое сопротивление власти строго наказывалось, в университете намек дозволялся и трактовался в пользу его отсутствия. В то время, как цензоры управления печати (эвфемически именовавшиеся “работниками департамента литования”) трактовали каждую ассоциацию против автора и запрещали к опубликованию любой текст, который содержал какой-либо намёк, университетский партком делал вид, что то, чего не написано явно, не существует. Такой вот тонкий вид интеллектуальной борьбы с властью как бы ее сторонников! Который кстати сказать, сыграл немаловажную роль в нашем образовании. Ибо создавал особую духовную атмосферу.

Вспоминаю характернейший эпизод, который может рассматриваться как иллюстрация к сказанному. Через несколько дней после Великого Юбилея, увидев меня в коридоре у деканата, Михаил Федорович Широхов, прекрасный математик и человек, в течение многих лет совмещавший должности доцента и зам. декана, остановил меня, летящего по обыкновению куда-то. Отвел в сторонку. И тихонько спросил:

- Скажите. Юра, мне кажется, что на торжественном вечере в честь стопятидесятилетия университета панегирик Ландау под ваш аккомпанемент пели на мотив гимна Израиля. Мне не послышалось?
- Не знаю – ответил я с предельной наивностью. – А какая мелодия у гимна Израиля?

- Раз вы не знаете, так значит и я не знаю – проговорил мудрый и любимый всеми нами Михаил Федорович. Улыбнулся едва заметной улыбкой. И “поплыл” далее.

Тот, кто не знает, что то было время, на которых народ единодушно клеймил израильскую военщину, не понял и десятой доли подтекста этого разговора.

Если, несмотря на все комплементы атмосфере в Университете, вы спросите: да как же такое было возможно? Ведь текст утверждает партком! – ответу и даже раскрою тайну. Партком с самым пристальным вниманием из всех возможных прочел текст представления, посвященного Стопятидесятилетию Университета – и утвердил! При написанье сценария, впрочем, я использовал техники безопасности. Одной из которых была разница между словом и образом. Например, первая сцена с стаканами по сто пятьдесят граммов в каждом, в сценарии была написана так:

“Под звуки гимна Великому Городу поднимается занавес. Студент и студентка, с книгой и глобусом (символизируя математический и географический факультеты) произносят торжественным речитативом: Нам сто пятьдесят!

Группа студентов-отличников (радостно): И нам сто пятьдесят!

Рабочий, учащийся на вечернем отделении геологического факультета (басом): и мне сто пятьдесят!

Все вместе: студенты, профессора и пролетарии-передовики производства, находящиеся на сцене: нам всем по сто пятьдесят!!

Старый профессор, начавший преподавать в Ленинградском Университете в первые годы после Великого Октября: Раз всем сто пятьдесят, то значит и мне тоже. Не сто, а сто пятьдесят!

Ассистент кафедры марксизма-ленинизма, атлетичный и молодежавый ученый (с воодушевлением): сто пятьдесят так сто пятьдесят! Всем по сто пятьдесят! Всем-Всем-Всем!

Студенты университета, преподаватели, профессора и рабочие дружно, оптимистично и радостно: **НАМ ВСЕМ СТО ПЯТЬДЕСЯТ!** Сто пятьдесят! Сто пятьдесят! Всем! Всем! Всем!

После чего торжественно замирают под величавые звуки Гимна Великому Городу. С оптимизмом глядя в небо и в даль.”

Ну а о том, что традиционное сокращение название филологического факультета было написано кириллицей, а не латиницей: фил-фак а не **phyl-fuck** и говорить нечего. Это, само собой.

И далее в том же духе.

Само собой разумеется, это были игры с драконом. Которые в итоге закончились не так уж и безобидно. Поскольку приехавший в Санкт Петербург Главный Идеолог КПСС Суслов на заседании Обкома, посвященном необходимости улучшения идеологического воспитания масс в Ленинграде, заявил, что в городе Трех Революций есть антисоветски настроенные ученые. И первым назвал меня.

Но это было позднее. Что же касается девяти лет студенчества и аспирантуры, которые были проведены в университете, они были абсолютно счастливыми. Безоблачными. И беспроблемными.

Нас с детства учили вглядываться в то, чего не показывают, улавливать нюансы недоговоренного, читать между строк... Духовное состояние, дающее ученому колоссальную мощь в исследованиях в любой области знаний! Я бы сказал даже, что это наше духовное состояние – вглядываться в невидимое и несказанное, к которому мы были приучены с детства, является визитной карточкой советской науки этого времени. Наше духовное состояние и способ познания

мира составляли неразрывный тандем. Спасибо Хрущеву и Брежневу? Как ни странно, возможно.

Однако: наряду с сказанным нельзя исключать, что столетие университета праздновалось правильно и своевременно. Потому что созданный Петром Первым университет не был самостоятельным учреждением. Он был частью Академии Наук. И стало быть, говоря объективно, не был университетом в том смысле, в каком к этому времени в течение многих веков были университетами Кембридж или Сорбонна.

Структура, при которой обучение является частью процесса познания, соответствовала представлениям Лейбница. Который являлся не только соавтором создания интегрального и дифференциального исчисления, но был также первым организатором научных исследований в масштабах Европы. Именно по его инициативе и его вИдению было создано несколько Академий Наук, в частности Прусская и Российская.

Взглянув из двадцать первого века, нетрудно видеть, что обучение-познание-созидание составляют фундаментальную триаду цивилизации. В разных странах взаимодействие между компонентами этой триады различно. В Америке научные исследования концентрируются в университетах, в которых главным является все-таки обучение. В Германии система институтов Макса Планка (напоминающая Российскую Академию Наук) отделена от обучения. А что же в России? В Московском университете (как это было в университетах Европы) научная работа и обучение были разделены с самого начала. Предпочтение отдавалось обучению молодежи. В Петербурге, в котором Академия Наук и университет были устроены Петром под большим влиянием Лейбница (что абсолютно не удивительно и даже похвально – учёный был в самом деле великий) познание было первично, а обучение на втором месте.

В сенатском указе от 28 января 1724 года, результатом которого явилось создание в Санкт Петербурге первого российского университета, административно являвшегося частью Академии Наук, говорилось: *“Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко Феологии и Юриспруденции (Прав искусства), Медицины и Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают.”* Со времен Петра и Елизаветы, и университеты, и Академия Наук в России прошли длительную эволюцию. АН СССР пережила свой расцвет во второй половине XX века, университеты – трудно сказать, когда именно. Очевидно, однако, что структура взаимодействие науки и образования должна быть продумана заново. Слепо копировать-пародировать американскую систему в России нелепо и невозможно хотя бы потому, что в Америке профессора и доценты читают 2-3 лекции в неделю, а в России минимум восемнадцать часов: какая уж тут наука. С другой стороны, сохранение разделение познания и обучения (Академию, в которые перестала приходить молодежь, и Университеты) тоже вряд ли разумно. Необходим новый баланс, отвечающий и русской ментальности, и современным реалиями.

Вот на какие мыслишки навели *слово за слово* два возраста одного и тот же родного университета. Отличающиеся, как это ни странно, на целый век.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ХРУЩЕВСКУЮ И ПОСЛЕХРУЩЕВСКУЮ ОТТЕПЕЛЬ

Оглядываясь из полувекового временного удаления на потрясающую атмосферу, которая существовала в Ленинградском Университете 60-ых, попробуем сформулировать и уяснить, что определяло ее.

Начнем с того, что повторим сказанное на предыдущих страницах подробнее. В университете учат не только

1) профессора,

но также

- 2) студенты друг друга. Живое общение не только студентов одного курса и одного факультета, но и всех студентов всех факультетов университета позволяет приобретать знания не менее эффективно, чем формальное обучение на семинарах и лекциях.
- 3) отсутствие снобизма в отношениях между студентами и неравенства между ними, определяемого общественным статусом или богатством родителей.
- 4) история стен кафедр, факультетов и университета в целом. Помещения, обладающие историей, учат. Университетам, переехавшим в новые здания и на новую территорию, создать интеллектуальное пространство намного труднее чем тем, в которых выросли поколения профессоров и ученых, известных в мире.
- 5) возможность посещения лекций на других факультетах.
- 6) город, в котором находится университет.
- 7) университетские клубы.

Все это имелось в Ленинградском Университете периода Оттепели – вплоть до выселения Физического Факультета на... нет, не на сто первый километр от города, как преступников. Немножечко ближе по километражу. Но с точки зрения целостности университета количество верст не имело значения. В том, что переселение физического факультета за Петергоф было высылкой, не сомневался никто.

СВОБОДНОЕ РАСПИСАНИЕ КАК СВОБОДА ОТ ПРИНУДИЛОВКИ. Кто-то в ректорате (кто именно? Узнать это для русской культуры и истории Петербурга немаловажно) придумал давать студентам, сдавшим сессию на отлично, право не посещать лекции, которые они «в гробу видали» (ГРОБ в этом контексте не сокращенное название Гражданской Обороны, а гроб смысле, который это русское слово имело издавна), занимаясь по своему плану. Это давало возможность не слушать (или почти не слушать) ахинею (определение Иосифа Бродского) «истории» КПСС, менявшейся год от года, политической экономии «социализма» и марксистско-ленинской «философии». Имевшие свободное расписание посещали только такие лекции, которые им были действительно интересны (хотя время от времени присутствовать на промывании молодых мозгов историками Коммунистической Партии, научного атеизма и ГРОБа все-таки приходилось).

Для меня наиболее интересными были лекции по русской и всемирной истории, читавшиеся на историческом факультете, находившемся в двухстах метрах от физфака. История мирового искусства и археология там же. На филологическом факультете приоритетными для меня были история античной литературы, русской литературы, всемирной литературы. Выдающимся профессорам, таким как филолог Бялый и историк Окунь, говорить все, что хотелось, было непросто, но они ухищрялись ограничиваться намеками, надеясь на латинское утверждение *sapientisat*. И были правы. Недосказанное студентами обсуждалось на «стойбищах» в почти в километр в длину коридоре Двенадцати Коллегий, в «седалищах» в старинных дубовых

креслах, стоявших на лестнице Филфака с дореволюционных времен, в «выпивалище» пивбара под Думой (в которой ходили *поддумать* за кружкой пива) и прочих местах, в которых говорильню, свободную от прослушивания и *простукивания*, Советская Власть времен Перестройки высочайше и всемилостливейше дозволила.

Это дозволение, кстати, сделал пивные бары подобными Храмам, а столы в них с кружками жигулевского – исповедальнями. С тем только отличием, что в пивбарах, в отличие от Церквей, исповедовались не миряне священнику, а советские люди друг другу.

Женщины, девушки и студентки в пивбарах не исповедовались. Они выбирали для исповедей друг-другу, точнее подруга-подруге, другие места. Такие, как мороженица Лягушатник, кафе Норд (переименованное в эпоху борьбы с «нископоклонством перед Западом» в Север) и им подобные бесподобные.

Понять, каким образом отчасти была создана, отчасти возникла сама собой уникальная интеллектуальная обстановка в Ленинградском Университете 60-х годов, особенно необходимо, когда ее тщетно пытаются возродить. Поэтому остановимся на перечисленных компонентах создания уникальной интеллектуальной атмосферы, существовавшей в Ленинградском Университете примерно десятилетие (с начала 60-ых до высылки физического факультета из Города) подробнее.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АНТИСНОБИЧЕСКАЯ СРЕДА. Само собой разумеется, кто-то жил лучше, а кто-то хуже. Но ненамного. У кого-то отец был профессором, другой жил в общежитии, третий с мамой-уборщицей и бабушкой-машинисткой. Но не было снобизма, разделявшего студентов на кланы. Который существует не только в современной России, но, например, и в Америке (в престижных университетах не только в РФ, но и на Западе дети мультимиллионеров держатся особой компанией, не впуская даже

самых талантливых однокурсников в свой круг. Что отвратительно социально и уничтожает один из важнейших аспектов университетского обучения: познание при свободном общении). Талант и способности ценились в первую очередь, а социальное происхождение и достаток – не во вторую даже, а в тридевятую. К тем, кто часто ходил в рестораны и сорил деньгами, относились с презрением. Одеваться в дорогие западные одеяния на лекции было неинтеллигентно и непристойно. Никого не привозили на занятия на машине. Один заведующий лабораторией, живший за городом, чтобы не раздражать и не показаться богатым, оставлял Волгу, на которой приезжал на работу, за три квартала. Все это способствовало интеллектуальному общению всех со всеми. Которое было главным. На первом месте. Отсюда и рейтинг университета, и уровень выпускников Альма Матер.

ВЛИЯНИЕ ОТТЕПЕЛИ. Ощущение, что интеллектуальная работа – главное в жизни. Запрет на любое предпринимательство (любые деньги, получаемые не через кассу, считались нетрудовыми доходами, за которые можно было в тюрьму загреметь). Однако для студентов физиков, математиков, филологов такой запрет был своего рода благом. Интеллектуальная жизнь считалась самой главной для всех способных людей. Оттока в бизнес талантов не было.

Сказанное хорошо и наглядно иллюстрировать на примере шахмат. В Советском Союзе быть шахматистом было престижно. И в самом деле: матч Карпов-Каспаров был (если задуматься) самым мощным коллективным интеллектуальным усилием в двадцатом веке вообще. А может быть, и во вселенной во все времена (если веземные цивилизации не существуют). Однако: с разрешением богатеть, данным народу в конце Перестройки, талантливые люди перестали приходить в шахматы. Ну а окончательно убили мировой интерес к шахматам компьютеры, поскольку, как выяснилось, человеческий интеллект в этой области уступает искусственному.

Обстановка оттепели – не свободы, а оттепели, являвшейся не максимумом функции человечности общества, а ее производной – естественно создавала престиж интеллектуальной деятельности. Быть физиком, математиком, филологом было престижно. Причем уважение это существовало во всем обществе. Даже среди особистов, которые интеллигентов допрашивали. Не говоря уже о руководстве КПСС, которое всячески поощряло получение своими чадами докторских степеней. После чего охотно делало их академиками и членами корреспондентами. Понимая, что с любого поста могут скинуть, а ученая степень и звание академика – пожизненны.

ОЩУЩЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ.

Парадоксально – но факт. В стране, находящейся в идеологических шорах и кандалах, в шестидесятые годы, названные Эренбургом ОТТЕПЕЛЬЮ (которая была не только хрущевской, но и послехрущевской) существовало ощущение интеллектуальной свободы во всем, что не касалось идеологии. Особенно это касалось физического факультета, поскольку в сознании народа было внедрено убеждение: физика сможет всё! А также математического: то, что математика – царица наук, знали даже домохозяйки.

В Публичной библиотеке после чтения по специальности я обычно переходил в «зал русского фонда», в котором выдавали для книги, изданные до пятидесятих годов. Само собой разумеется, запрещенных к чтению книг было немало. Но на мой запрос прочитать книгу ни разу не был получен отказ. Казалось бы, странно. Ответ, однако же прост. Меня не интересовали сталинские процессы, чистки, борьба Сталина с Троцким... Меня интересовала эстетика возрождения, эпоха Перикла, религия Древней Персии... Мои интересы не совпадали с представлениями советской власти о том, что следовало запрещать. А потому запреты на чтение меня не касались. И таких, как я, были тысячи. Само собой

разумеется, найти подобные книги можно было только в «столицах»: Москве и Ленинграде (хотя Ленинград, разумеется, был всего лишь областным центром). Но живя в Ленинграде и учась в университете можно было получить очень хорошее всестороннее образование.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА. Красота Ленинграда, в котором дворцов было больше, чем в каком-либо другом городе мира, завораживала и вдохновляла. В Ленинграде думалось (и по сей день думается) не так, как в Москве. Князья, бароны и графы в Петербурге возводили дворец (то есть в соответствии с тем или иным европейским стилем). В Москве же дворцов практически не было, только особняки (то есть как душа душенька пожелает). Это различие сказывалось – и продолжает сказываться – во всем. Включая и интеллектуальную деятельность в любой области, и то, как говорят люди. Еще только приближаясь к Санкт-Петербургу, душу, словно мундир, застегиваешь на все пуговицы. А приближаясь к Столице СССР Москве наоборот: как бы расстегиваешь пуговицы на лбу и на шее и расслабляешься. Петербург окружал, как воздух, которых не замечаешь, но которым дышишь, каждого, кто в него погрузился, родившись в нем (как Блок) или приехав (как Пушкин). Вырвав физфак (а за ним матмех, химфак и факультет компьютерной техники) из Петербурга, лишили университет петербургского интеллектуального воздуха. Факультеты, находящиеся за пятьдесят километров от Петербурга (и более двух часов езды от выстроенного вне города кампуса естественных наук до Васильевского острова, где остались гуманитарные департаменты) с таким же успехом могли б находиться за пятьсот или пять тысяч километров от города. Университет, в котором точным наукам учат на расстоянии пятидесяти километров от мест, где читают лекции по гуманитарным наукам, такой же университет, как компьютер, в котором клавиатура находится в Вологде, а дисплей в Петропавловске-на-Камчатке. Разделенный надвое университет перестает быть университетом так же, как слон, распиленный надвое, перестает быть слоном. Мечта Обкома КПСС и

Комитета Госбезопасности была выполнена. В Санкт-Петербурге не стало университетской заразы.

Каким образом была создана уникальная творческая атмосфера в Ленинградском Университете 60-ых годов?

Предположение, что к ее созданию приложил руку Ленинградский Обком Партии, возглавлявшийся Толстиковым (1962-1970 годы) может вызвать только улыбку. Позитивное участие Большого Дома (в котором на Литейном 4 размещался Комитет Госбезопасности) в создании творческой атмосферы в Университете и Городе, неотделимой от духа Свободы, также, конечно, нонсенс. Кардинальное изменение атмосферы с абсурдного (каким было в 20-е годы и начало 30-ых годов: читай, например, мемуары Раисы Львовны Берг) и ужасающие (о чем написали Академик РАН Аполлон Борисович Девидсон и профессор Игорь Семенович Кон, цитировавшие выше) определялось:

1. Духом хрущевской оттепели.
2. Руководством университета во главе с Александром Даниловичем Александровым (являвшегося ректором ЛГУ с апреля 1952 года по октябрь 1964 года) и Кириллом Яковлевич Кондратьевым (являвшимся ректором с 1974 по 1970 год), которое, в частности, позволяло посещение студентами и аспирантами любых лекций на любых факультетах.
3. Руководство физического факультета, придумавшее свободное расписание посещения лекций для сдавших сессию на отлично, которое сделало возможным получение гармоничного всестороннего образования для студентов всех факультетов.

4. Наличие в городе творческих вузов (института Театра, Музыка и Кинематографии; консерватории; Мухинского училища и других), создававших вместе с студентами университета Свободное Интеллектуальное Пространство по всему центру города.
5. Вход в Эрмитаж за символическую плату (для студентов 10 копеек), в который многие заходили по дороге или же между лекциями, чтобы поразмышлять. А также билеты в Александринский Императорский Театр, Мариинский Театр, театр Комедии и другие на галерку по тридцать копеек
6. Трехгодичный курс лекций мирового искусства с практическими занятиями в Эрмитаже, который курировал отец нынешнего директора Борис Борисович Пиотровский.
7. Просмотры в театрах, происходившие приблизительно через день. После которых, как правило, актеры и их гости шли в кафе Сайгон, Лягушатник, пивбар под зданием дореволюционной Думы на Невском («поддумать») или кафе Норд отметить премьеру. А часто и за кулисами.
8. Контрамарки в театры, прежде всего в мирового уровня БДТ и Кировский Театр, в Большой Зал Филармонии, а также во все остальные.
9. Нахождение всех факультетов поблизости друг от друга. В частности, исторический факультет находился от физического на расстоянии ста метров, для того, чтобы пойти на лекции филологического факультета, надо было пройти вдоль Двенадцати Коллегий до Невы, что занимало не более десяти минут и было красивым маршрутом.

10. Неясно каким образом выжившие после Сталинских Репрессий и возродившиеся с их прекращением профессора высочайшего класса. Наличие которых во всех поколениях можно объяснить только влиянием Города, его Архитектуры, его духа и интеллектуальных традиций, которые оказались неистребимы.

11. Возникший с Хрущевской Оттепелью Порядок, согласно которому в пивбаре, кафе, при «соображении на троих», на перекуре и с глаза-на-глаз (но ни в коем случае не на собрании или митинге) дозволялось говорить что угодно без риска быть арестованным. Хотя стукачей и побаивались, но рты этот страх затыкать временно перестал.

КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 150-ЛЕТИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОН ОТПРАЗДНОВАЛ СВОЁ 250-ЛЕТИЕ?

Современная трактовка даты основания университета в Петербурге (отличающаяся от той, каковая была вплоть до 70ых годов 20ого века) утверждает, что Санкт-Петербургский государственный университет — первый университет России и старше Московского и что онн был основан по указу императора Петра I. Сегодня СПбГУ (согласно Санкт-Петербургской трактовке его истории) — единственный вуз страны, отметивший свое 290-летие. С чем многие московские историки не согласны. Так же, как ленинградские и дореволюционные — поскольку о том, что университет Санкт-Петербурга старейший в России, вплоть до 70ых годов XX века речи не было.

Значок 150-летия Ленинградского Университета, выпущенный перед празднованием этой даты в университете и городе в 1968 году

Датой основания университета вскоре после перевода Физфака с Васильевского острова в Петергоф (точнее за Петергоф) “признано 28 января (8 февраля) 1724 года, когда был издан «Указ об учреждении Академии...», в котором говорилось и об университете: *«К распложению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первой образ называется Университет; второй Академия или социетет художеств и наук... Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко филология и юриспруденция, медицина и философия, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, молодых людей обучают»*”.

“В 1990-е годы в преддверии празднования юбилея в 1999 году, вопрос о дате основания ЛГУ вызвал оживлённые дискуссии. Согласно одному мнению, поддерживаемому первоначально только ленинградскими историками, современный СПбГУ — преемник Академического университета, который был учреждён одновременно с Академией наук указом Петра I от 28 января (8 февраля) 1724 года (в частности, в 1758—1765 годах ректором Академического университета был М. В. Ломоносов) и фактически переставшего существовать в 1766 году, будучи не позднее 1770 года объединённым с Академической гимназией в Училище Академии (последнее просуществовало до 1805 года). Именно эта версия официально принята руководством университета и поддержана Правительством России.

Однако согласно другой версии, поддерживавшейся московскими историками как в дореволюционной, так и в позднейшей историографии, современный СПбГУ — преемник Санкт-Петербургского университета, который был создан в 1819 году в результате переименования и последующей реорганизации Главного педагогического института, ведущего свою историю от Учительской семинарии, основанной в 1786 году. За дату основания в этом случае принимается 8 (20) февраля 1819 года, стоящая на докладе министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, озаглавленном *«Об учреждении Университета в Санкт-Петербурге»* и содержащим проект *«Первоначальное образование С.-*

Петербургского Университета», составленный попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, действительным статским советником С. С. Уваровым.”

Так кто же старший по возрасту среди университетов СССР и России? Если речь идёт о Российской Империи времен государь-императоров, сомнений нет: старейшим является университет Кракова, основанный в 1364 году, на 391 год раньше Московского (год основания которого, в отличие от года основания университета Санкт-Петербурга, споров не вызывает). Если определять старейший университет в Советском Союзе (частью которого, за исключением короткого периода с сентября 1939 по июнь 1941, Царство Польское перестало являться), то это университет Львова, основанный декретом короля Яна Казимира II в 1661 году, то есть на девяносто четыре года раньше первых университетов России.

Соревнование *кто старше кто младше?* между университетами двух российских столиц автору этой книги напоминает историю о том, как Бухара и Самарканд в Советское Время соревновались (бодались), какая из этих двух древних среднеазиатских столиц старше. Состязание в древности, а стало быть, в старшинстве, дававшее (по убеждению, которое порхало в Советском воздухе) права, аналогичные праву старшего брата в семье. Включая Семью народов (где старшим братом всех народов на свете был, само собой разумеется, русский народ). А по аналогии с этим, право старшего (главного) или младшего (подчинённого) городам, университетам, колхозам, заводам, гидроэлектростанциям, стадионам – короче говоря одним словом, всему.

Поединку между Самаркандом и Бухарой, кто древнее, а значит главнее и старше (так же, как поединку кто старше между Московским и Ленинградским университетами) я оказался немножко свидетелем.

Самарканд – “Эдем древнего Востока”, о котором существует пословица: "Если Мекка - сердце мусульманского мира, то Самарканд - его голова!" в 1969 году (почти одновременно с торжественно отмеченным столетием Ленинградского университета: совпадение или не совсем совпадение?) отметил 2500-летнюю годовщину со дня основания почти одновременно с 2500-летием Бухары. В начале семидесятых в составе делегации молодых ленинградских ученых в количестве трех человек (в которую я был включен как зам.председателя Совета Молодых Ученых дома Ученых) нас по тогдашним меркам роскошно принимали сначала в Бухаре, потом в Самарканде, закармливали деликатесами и опаивали. И вот на одном из банкетов в колхозе под Самаркандом Первый Секретарь Самаркандского Обкома, положив на моё плечо руку с стаканом водки, торжественно, хотя и не без труда по причине сильного опьянения алкоголем, выговорил (проболтался?): “БУХАРА ОТПРАЗДНОВАЛА 2500 ЛЕТ, СЧИТАЯ СЕБЯ РОВНЕЙ С НАМИ? ТАК МЫ ДАЛИ ЗАДАНИЕ АРХЕОЛОГАМ ДОКАЗАТЬ, ЧТО МЫ СТАРШЕ, ЧЕМ БУХАРА! ПОКА НЕ ДОКОПАЮТСЯ ДО ТРЁХ ТЫСЯЧ ЛЕТ, НИ ЗАРПЛАТЫ, НИ ПРЕМИИ НЕ ПОЛУЧАТ!”.

На этой сверхисторической фразе тему своевременно закрываем.

ЭВОЛЮЦИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО (ДО И ПОСЛЕ ЛЕНИНСКОГО ПЕРИОДА НАЗВАНИЯ ГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

Эволюция наименований Ленинградского университета не менее бурна и поучительна, чем соревнование в старшинстве. “Первое время Университет жил по Уставу Главного педагогического института, пока 4 (16) января 1824 года в нём не был введён в действие изменённый по обстоятельствам Устав Московского университета. 31 октября (12 ноября) 1821 года Санкт-Петербургскому университету было присвоено звание Императорского¹. После этого на протяжении своей истории университет неоднократно менял названия:

- С 1821 по 1914 год — Императорский Санкт-Петербургский университет;
- 1914 — февраль 1917 года — Императорский Петроградский университет;
- февраль 1917 — июнь 1918 года — Петроградский университет;
- июнь 1918 — октябрь 1919 года — Первый Петроградский университет;
- октябрь 1919 — январь 1921 года — Петроградский университет;
- январь 1921 — январь 1924 года — Петроградский государственный университет;
- январь 1924 — апрель 1933 года — Ленинградский государственный университет;
- апрель 1933 — октябрь 1937 года — Ленинградский государственный университет **имени А. С. Бубнова**;
- октябрь 1937 — февраль 1944 года — Ленинградский государственный университет;
- февраль 1944 — октябрь 1948 года — Ленинградский ордена Ленина государственный университет;
- октябрь 1948 — 1969 год — Ленинградский ордена Ленина государственный университет **имени А. А. Жданова**;

- 1969 — январь 1989 года — Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. А. Жданова;
- январь 1989 — 1991 год — Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет;
- с 1991 года — Санкт-Петербургский государственный университет.

Для тех кто не знает или забыл, кто такие Жданов и Бубнов, напомним:

- **Бубнов Андрей Сергеевич 1906 года рождения:**
Уроженец Иваново-Вознесенска. Окончил реальное училище (1903), учился в Московском сельскохозяйственном институте (исключён за революционную деятельность). Член РСДРП с 1903 года. С сентября 1929 по октябрь 1937 — народный комиссар просвещения РСФСР. 17 октября 1937 года был арестован. 1 августа 1938 года был приговорён к смертной казни и в этот же день расстрелян.
- **Жданов Андрей Александрович 1896 года рождения:**
В 1915 г окончил Тверское реальное училище на отлично. Член партии большевиков с 1915 года. В 1916 году окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, по окончании которой был произведен в прапорщики. В 1934-1945 первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), в которые был назначен после убийства Кирова.

Таким образом, на протяжении 45 лет Ленинградский университет носил имя советских деятелей, не имевших высшего образования. Что не могло не наложить отпечаток на его дух.

В противоположность определению даты основания ЛГУ-СПбГУ, в вопросе о том, когда был основан Физический Факультет, нет расхождений. Факультет был основан 8 февраля 1819 года. В этот день императором Александром I был подписан указ, предписывавший создание (а точнее, воссоздание) Санкт-Петербургского университета в составе трёх факультетов: физико-математического, историко-филологического и философско-юридического.

Физико-математический факультет просуществовал более ста лет, пока в конце 20-х — начале 30-х годов XX века на его месте не возникли новые факультеты — химический (1929), биологический (1930), геологический (1932), физический (1933) и математико-механический (1933).

Пережиты, случившиеся с Физическим Факультетом в советский период, стоят того, чтобы быть описанными подробно, так как они являются зеркалом изменений, происходивших в СССР и с СССР.

- 1919 год: Д. С. Рождественский создал на факультете физическое отделение со своим Учёным Советом и отдельным учебным планом
- 1929 год, 18 июня: Постановлением СНК РСФСР на базе химического отделения физико-математического факультета создан химический факультет.
- 1930 год, май: На базе биологического отделения физико-математического факультета организован биологический факультет (с 1949 года до 31.01.2014 — биолого-почвенный факультет).
- 1930 год, 28 июня: Геологическая специальность физико-математического факультета передана в Ленинградский горный институт. В сентябре 1931 года преподавание геологических

дисциплин возвращено в Университет, а в 1932 году создан геологический факультет.

- 1931 год, 28 апреля: Постановлением народного комиссариата просвещения в университете введена новая структура: упразднены все факультеты, отделения и кафедры (за исключением социально-экономических), а вместо них организованы 8 секторов подготовки кадров — математиков и механиков, физиков, геофизиков, географов, почвоведов и ботаников, физиологов, зоологов, химиков.
- 1932 год, сентябрь: принято решение о возврате Университета к факультетской системе.
- 1933 год, 14 апреля: В процессе воссоздания факультетской структуры в Университете на базе физического отделения физико-математического факультета приказом ректора № 191 создан физический факультет.
- 1933 год, июнь: Образован факультет математики и механики.
- 1971 год: физический факультет переведён с Васильевского Острова в Петергоф (точнее за Петергоф).

Как видим, реорганизации бурные! Отражавшие политический и всенародный подъем (он же административный угар) в стране. Который влиял на происходившее в одном из двух Главных университетов и СССР, и современной России. И продолжает влиять.

ПОЧЕМУ РАЗРУШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА НАЧАЛИ ИМЕННО С ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА?

Ответ: ФИЗИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛГУ В 60-ые ГОДЫ ЯВЛЯЛСЯ ЭПИЦЕНТРОМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ ПО ГОРОДУ. КОТОРАЯ ОБКОМОМ И ОРГАНАМИ ПРИРАВНИВАЛАСЬ К АНТИСОВЕТЧИНЕ.

Эпоха со смерти Сталина до распада СССР была знаменована колоссальным уважением к физике. При этом теоретики ставились выше экспериментаторов. Профессиональное образование на физическом факультете цензуре не подвергалось. Времена, когда вслед за генетикой антисоветской наукой собирались объявить квантовую механику, исчезли со смертью Сталина, не успев наступить. Свобода в обычном смысле этого слова существовала для физиков. А также для математиков – но их стиль мышления был абстрактным и опасности для Власти не представлял.

Оттепель была далека от интеллектуального лета (которое так и не наступило). На филологическом, историческом, философском факультетах о свободном чтении лекций профессора не могли даже мечтать. Однако это была эпоха, когда намек и недоговоренность в лекциях дозволялись. Поэтому на лекции выдающихся историков и филологов было паломничество. О том, что недоговаривалось, догадывались.

Это были своего рода интеллектуальные игры типа **ОСТАЛЬНОЕ ДОДУМАЙ САМ**, развивающие воображение и мышление, которые в любой мыслительной деятельности чрезвычайно полезны.

Искусство читать между строк (которым в совершенстве владели советские люди) породило особый тип человека.

Которому одного намека достаточно, чтобы понять недосказанное и недоувиденное. А это очень важно в науке.

В этой связи уместно вспомнить, что, несмотря на то, что песни Битлз запрещались, их знали повсюду. И мода с Запада проникала в Советский Союз несмотря ни на какие барьеры. А знаете почему? Потому что прислушивались. Прислушиваться – это особое состояние души, порождающее вдумчивость. Которая очень способствовала интеллектуальной работе и оригинальности мышления.

Обстановка разной интеллектуальной свободы в зависимости от места и времени (от полной или почти полной в курилке, с глазу на глаз, при соображении на троих и у туристских костров в лесу, до превращения в идиотов на партийных и профсоюзных собраниях и политинформациях), но допустимость намеков, порождало уникальное состояние душ. Которые вглядывались чтобы понять, что недоувидено, вслушивались, чтобы услышать недоговоренное, и вдумывались, чтоб по фрагментам построить целостную картину. А это и есть метод науки! Именно так на основе немногих великих экспериментов (опыт Майкельсона, излучение абсолютно черного тела) были созданы теория относительности и квантовая механика. Большевики Бронзового Века Советской Культуры создавали поколение изобретателей и ученых с уникальным подходом к познанию и созиданию в любой области, абсолютно этого не желая.

На физическом и математическом факультетах ситуация была совершенно иной. Лекторам не приходилось прибегать к иносказаниям и недоговоренностям, читая курс физики твердого тела или комплексную переменную. Времена, когда квантовую механику и теорию относительности хотели разгромить так же, как разгромили генетику, миновали. Физики шли в мир с открытым интеллектуальным забралом. Поэтому совершенно не удивительно, что именно физический факультет был выслан из города первым. Физиков удалили из университета, как раковую (с точки зрения

обкома партии и «Большого Дома» - цитадели Комитета Госбезопасности) опухоль. За ними – с интервалом в несколько лет - последовали высылки математиков, химиков, специалистов computerscience.

Разделение происходило не только по тематикам факультетов (естественные за черту города, «неестественные» они же гуманитарные оставить в Городе Ленинграде, но и по сексополовым признакам. Преимущественно мужские факультеты были высланы, преимущественно женские – оставлены в Ленинграде, примерно как во время туристских вылазок *на пленер*: мальчики направо, девочки налево. Обком КПСС, предводительствуемый Толстиковым, полагал, что, если за черту города выслать умных парней, оставив на Васильевском Острове женские факультеты (филологический, исторический, биологический...), город перестанет бурлить. И они не ошиблись. Бурления стало меньше. То, что в результате раздробления университета его рейтинг опустился с места в первой десятке лучших университетов Европы на уровень, который подчас в рейтинге не попадает вообще, *коммунаг* не волновало и не волнует. Следуя принципу, то ли напрямую, то ли де факто провозглашенному Сталиным в отношении к человеку, распространив его на образование в целом: **есть университет – есть проблема. Нет университета – нет проблемы.** Тогда как в Европе (к которой Ленинград причислял себя не без гордости) уже с 12-ого века понимание было диаметрально противоположным.

То, что было дорого интеллигенции и тщательно лелеяли европейцы, сохраняя и развивая созидательную среду в университетах веками, было ненавистно Обкому Партии и Комитету Госбезопасности. Как, впрочем, и при царизме, которые независимости университета от Власти не даровывали никогда. Несколько тысяч молодых людей в центре «города трех революций» являлись чужеродной средой, которая, как фермент, разлагала зашоренное пропагандой советское население. Причем эта враждебная Советской Власти, стригшей мозги по трафарету Политбюро, среда

каждый год пополнялась новой тысячей вольнодумцев, а значит антисоветчиков. Потому что Советские Люди должны быть простыми и думать, как велено, а не своей головой. В Советском Союзе вместо конкурсов красоты (которые газета Правда заклеила статьей, начинавшейся словами: *«хотя конкурсы красоты отвратительны сами по себе»*), проходил непрерывный конкурс простоты. Чем человек проще, тем лучше. Простой советский человек являлся эталоном для подражания. Интеллигенцию называли не классом, а прослойкой, зажатой между прогрессивными классами рабочим классом и крестьянством как колбаса в сэндвиче. Интеллигенция обязана была быть советской. Советская интеллигенция – то есть профессиональная в пределах, которые требуются для работы в рамках своей специальности – какой ее видела Партия – имела к интеллигенции примерно такое же отношение, как старая перочница к перочнице. То есть решительно никакого.

Если смотреть из Обкома Партии (находившегося в Смольном), университет был раковой опухолью. Центром которой был физический факультет. **ВЫСЫЛКА ФИЗФАКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА БЫЛА ХИРУРГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ И ОРГАНА ЦЕНТАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ОБКОМА ПАРТИИ.** Физфак удалили из тела университета, справедливо считая, что без физиков (а за ними и математиков) университет станет другим. И университет действительно стал другим, как автомобиль перестает быть автомобилем, если из него вынуть двигатель и снять колеса. После того, как физический факультет оторвали от остальных, университета (в обычном смысле этого слова) в Ленинграде не стало.

ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ РЕ-ВОССОЕДИНЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕТЕРБУРГЕ ИЛИ ЗА ГАТЧИНОЙ?

Вопрос, казалось бы, странный. Что за бредовая идея: вместо того, чтобы изыскать возможности (которых после распада Союза было немало, начиная с использования громадной территории Оптического Института, примыкавшей к Двенадцати Коллегиям) вернуть изгнанные из города факультеты, удалить из Санкт-Петербурга те, что остались в нем? Однако бред этот грозит превратиться в очередную абсурдную явь. Интернет взбудоражили сведения о том, что ведется подготовка к воссоединению СПбГУ, который уже более сорока лет, по меткому определению его ректора, «стоит враскорячку»: и в городе, и за городом. В окрестности Гатчины, то есть еще дальше от города, чем современный физфак.

ДП (ДЕЛОВОЙ ПЕТЕРБУРГ): “СПбГУ готовится к полному переезду под Гатчину. Высокопоставленный источник в правительстве Ленобласти рассказал “ДП” детали плана по переезду СПбГУ из центра Петербурга в кампус, который специально для вуза построят в районе Дони–Верево под Гатчиной. “Переедут все факультеты СПбГУ. Университет оставит за собой только здание Двенадцати коллегий. Прочая недвижимость вуза в Петербурге будет продана или сдана в аренду”, — заявил он. Все факультеты главного вуза Петербурга — Санкт–Петербургского государственного университета (СПбГУ) — в течение 10 лет переедут в новый кампус под Гатчиной. А нынешние вузовские здания, за исключением исторического здания Двенадцати коллегий на Университетской наб., продадут или сдадут в аренду. В руководстве СПбГУ эту информацию не опровергли. Илья Дементьев, первый проректор СПбГУ, сообщил “ДП”, что обсуждаются разные варианты создания кампуса. “Рабочая группа при Минэкономразвития РФ рассматривает множество разных вопросов — по объемам и источникам финансирования, по способу строительства, по месту, по дальнейшему использованию вузовской недвижимости. По мере их решения и будет сформировано окончательное предложение”, — сообщил он.”

“Мы стоим, скорее, даже не на двух ногах, а на четырёх, враскорячку”, – с горечью констатировал в 2014 году в интервью телеканалу «Санкт-Петербург» ректор СПбГУ Николай Кропачев. констатировал справедливо. Вот только решить проблему невозвращением всего университета в черту города, а изгнанием из него оставшихся в городе зданий, профессоров и студентов, представляется исключительно странным. Точнее: такой подход сточки зрения ОБКОМА КПСС эпохи Толстикова и Романова (1962-1983 годы) нормален и оптимален. С точки зрения тех, кто объявил Ленинград «образцовым пролетарским городом» при Брежнев и Андропове, решение выслать цвет интеллигенции подальше с глаз, в дополнение к этому разделив по удаленным друг от друга на десятки километров и пару часов езды кампусам, как по баракам, тоже является *«хорошим номенклатурным решением»*. Но тем, кто хотел бы видеть свою страну процветающей и созидающей, а не идущей по множеству показателей голова в голову с Нигерией (как это происходит сейчас), оно кажется бредовым и идиотским. Если, конечно, это не газетная утка.

**ПОЧЕМУ ГЕРБОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЯВЛЯЕТСЯ ДВУГЛАВЫЙ МУТАНТ С
ЗЛОБНОЙ ПАСТЬЮ, ЗАЖАВШИЙ В КОГТЯХ РАСКРЫТУЮ
КНИГУ?**

Википедия повествует:

«Герб Университета, утвержденный в 1991 году, был создан председателем Гильдии геральдических художников России Михаилом Медведевым на основе исторического герба Академии наук, дарованного ей императрицей Анной Иоанновной. Сегодня Санкт-Петербургский университет является единственным вузом России, который легитимно пользуется российским орлом в своем гербе на основе дореволюционной привилегии».

Не знаю, какая тут привилегия, к тому же дарованная не университету, а Академии. Может быть глупость. Или коварство. Заказ кого-то неведомого, на странность которого не обращают внимания. Двуглавый монстр, зажавший, как хищник жертву, в когтях раскрытую книгу, олицетворяющую знания, студентов, профессоров и русскую интеллигенцию в целом (см. изображение на лицевой странице обложки) – символ абсолютно понятный: интеллигенция в руках Власти и Государства. И это эмблема одного из лучших университетов Европы – каким он был до большевистского переворота и во второй половине двадцатого века? Господи, неужто нельзя было выбрать другой символ университета одного из красивейших городов мира, внесшего в мировую культуру громадный вклад?

Впрочем, поскольку в 1991 году университет был распилен надвое, перестав быть университетом в обычном смысле этого слова, двуглавый орел–государство, держащий в когтистых лапах прослойку-интеллигенцию, зажатую между пролетариатом и крестьянством как колбаса в бутерброде – символ, отражающий реальное положение дел. И одновременно предупреждение, чтобы интеллигенция после распада Союза и процесса над КПСС (но не над Комитетом Госбезопасности – заметим всеу) не думала, что победила. Что она в лапах. В когтях, вырваться из которых русской интеллигенции (одной из альма-матер которой в течение двухсот лет являлся Санкт-Петербургский Университет) невозможно. Присно и вовеки веков. Такое вот радостное – с точки зрения Толстикова и Романова – сообщение.

Кстати о Российском Гербе. Задумывались ли Вы, высокочтимый читатель, почему в качестве герба Федерации президентом В.В. Путиным выбран двуглавый орел? Притом в самом хищном его начертании, какое когда-либо начиная с Ивана Грозного было! Которого каждый последующий Император, начиная с Екатерины и Павла, изображал все более и более миролюбиво (следуя в этом

примеру превратившегося из устрашающего в средневековье веселого и безобидного льва на гербе Британской Империи, а также гербов других европейских стран). Но ведь даже миролюбиво изображавшийся во времена Александра Второго и Николая Второго Второй Двуглавый Орел был не единственным гербом Российской Российской Империи! И не главным. **Население Федерации понятия понятия не имеет, что двуглавый орел был не более, как малым малым гербом страны.** Существовали Средний и Большой Герб Герб Российской Империи, смотревшиеся абсолютно гуманно. Да и Да и двуглавый орел от царя к царю старались изобразить все более и более и более шуточно – по аналогии с ставшим веселым и безобидным львом на Британском Гербе и веянью Времени. Может Может быть пришло время и университетский герб сделать более более мирным – если ничтоже сумняшеся приняли двуглавого монстра, держащего в когтях книгу, в качестве университетского университетского Символа?

Сущности имеют свойство притягиваться к символам, которые им соответствуют. Каков герб университета – таков и университет. Университет, герб которого – двуглавый орел, зажавший в когтях книгу, год от года все больше и больше соответствует выбранному им гербу. Одно из доказательств чему – план полного удаления Санкт-Петербургского университета из Санкт-Петербурга, который университетскому гербу вполне соответствует: двуглавый мутант, зажавший в когтях символ знаний, происходящим бесспорно доволен. Так не пришла ли пора изменить герб СПбГУ, который ни в царской России начиная с Павла, ни в Советское Время не выглядел столь кровожадно, как на Российском и СПбГУ-шном Гербах? И гербом российских университетов до распада Союза не был. Может быть председатель Гильдии геральдических художников России Михаил Медведев, который выдумал герб Великого Университета Великого Города, человек в свое время номенклатурно влиятельный, не является авторитетом на все времена, придумки которого неизменяемы как символы Христианства, Буддизма или Ислама? Как думаете, высокочтимые Дамы и Господа?

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ БЫЛ НЕ АБСОЛЮТНЫМ, А ТОЛЬКО ЛИШЬ ОТНОСИТЕЛЬНЫМ СЧАСТЬЕМ СРАВНИТЕЛЬНО С ТЕМ, ЧТО БЫЛО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ДО И ПОСЛЕ НЕГО.

Само собой разумеется, эпохи Хрущева и Брежнева были неизмеримо свободнее, чем Сталинская. Однако это была не абсолютная, а относительная свобода. И абсурда в любой отдельно взятый момент её времени тоже хватало.

Современную нашей молодости музыку от Шёнберга до Биттлз, и даже Стравинского можно было слушать только в магнитофонных записях или же на пластинках, которые привозили в СССР, каким-то образом провезыносители записей сквозь (как её тогда называли) *Границу на Замке*. Когда в квартире родителей я организовал показ слайдов графики Эшера, это вызвало немедленную реакцию КГБ. Описаниеразработанной кем-то в Большом Доме операции по внедрению в число гостей красавиц, работавших с Органами, выбивается из стилистики этой книги и достойно самостоятельного рассказа в стиле Мопассана и фильма Эммануэль – а ведь речь шла всего-лишь о показе слайдов всего лишь Эшера, не антисоветчика, а художника. Пространство работ которого кем-то в Обкоме (**Обком звонит в колокол** – как тогда говорили, не путать с романом Хэмингуэя с аналогичным названием) и Органов Безопасности, очевидно, было сочтено несоответствующим соцреализму и происком капиталистов-людоедов (термин, не придуманный мною, а официально употреблявшийся в прессе). О том, что представляет собой современный Балет (например, балеты Баланчина), даже главные балетмейстеры главных академических театров СССР могли только догадываться. Балеты Парижской Оперы, поставленные, или с участием в качестве солиста, Рудольфа Нуреева увидеть где-либо, даже ни видеозаписях, в Ленинграде было вообще невозможно. Так же, как о философии Сартра интеллигенты любой профессии узнавали главным образом в пересказах – примерно как до изобретения греческой письменности из уст в уста передавали текст Илиады.

Лысенко продолжали славить в правление Хрущева почти как при Сталине. Кибернетику в течение долгого времени продолжали именовать буржуазной реакционной лженаукой. Но если перегиб в биологии можно было списать на последствия сессии ВАСХНИЛ, а ограничения в программах на историческом и филологическом факультетах объяснялись идеологическими догматами, то в физике, счастливо (почти чудом) избежавшей идеологических преследований при Сталине, обучение, казалось бы, должно было полностью соответствовать разуму. Скрывать от студентов открытия в физике, сделанные в годы, когда создание новых видов оружия физиками (за что и были в почете, увековеченном песней) считалось Гордостью Победившего Социализма, казалось бы, являлось антисоветским действием и происками врагов. Однако **фундаментальные открытия в физике шестидесятых годов на физическом факультете не обсуждались**. Приведу один, но совершенно одиозный пример. Кварки были предложены Мюрреем Гелл-Манном (родителем которого, кстати, эмигрировал в Америку из Черновцов) в 1964 году (параллельно и независимо от него также израильским ученым Георгом Цвейгом). В 1969 году Гелл-Манн за создание теории кварков получил нобелевскую премию. Однако ни в одном курсе не только экспериментальной, но и теоретической физики кваркам не было посвящено ни одной лекции. Более того: кварки на лекциях и семинарах (насколько я и мои сокурсники помнят) профессорами и доцентами не упоминались вообще. О них говорили шёпотом, чуть ли не как ... нет, не как об Архипелаге Гулаг, конечно, но как о живописи Дали или помянутого выше Эшера. Как о чем-то происходящем в *ненашем* мире. Чем объяснить этот – кажущийся невозможным глядя из полувекового удаления – нонсенс? Не знаю. Всего лишь напоминаю и констатирую.

Почему же несмотря на все сюрреалистические абсурды социалистического якобы реализма эпоха со смерти Сталина до Андропова, а может быть даже и до Черненко, была Бронзовым веком? Потому что была возможность

прислушиваться! Интеллигенция прислушивалась к каждому доносившемуся с Запада шороху. Слух, как известно, способен воспринимать звуки, отличающиеся громкостью на много порядков. Глаз видит объекты, отличающиеся в солнечный день и лунную ночь на много порядков яркости. То же со всеми другими чувствами. При Сталине сажали не только за произнесенное шепотом, не только за то, что слышали, но не донесли куда следует об услышанном, но даже за антисоветское выражение лиц и недостаточно продолжительные аплодисменты. При Хрущеве и Брежневеве появилась возможность вглядываться в почти невидимое, читать и слушать почти запрещенное. И это – уже одно это! – дало мощный толчок развитию науки и некоторых видов искусства. Не золотой век, конечно. И не серебряный. Медным (в котором медные трубы гремят по любому поводу, реального повода к трублению не имея), правильнее, наверно, назвать второе десятилетие следующего, 21ого века. Однако эпоха Хрущева и Брежнева была Бронзовым веком Советской Эры. Во всех смыслах этого термина. И в том смысле, в каком в Греции победителям олимпийских игр ставили памятники, и в том, что самые титулованные и почитаемые советские писатели, ученые, музыканты, художники бронзовели. Даже помимо собственной воли. Человек прославленный в масштабах города или страны обязан был быть в бронзе по должности. Даже если этого не хотел. Даже если в этом бронзовом изваянии билось живое сердце и лицо двигалось мышцами, как у обыкновенных людей.

КАФКИАНСКИЕ БЫЛИ

Всякий раз, когда приезжаю в родной город, в том, что связано с Альма Матер, обнаруживаю парадокс. Когда говоришь с профессорами, студентами, деканами, проректорами, с некоторыми из которых был дружен со времен моей студенческой молодости, с другими познакомился позднее – поражаюсь, какие это чудесные, умные, эрудированные, талантливые и милые люди. Когда же речь заходит о чем-либо, что связано с их работой и должностью – поражаешься, до какой степени она не соответствует их личным качествам.

Приведу примеры.

Далекие девяностые годы. Сидим с другом председателем приемной комиссии одного из самых престижных в городе факультетов (чтобы было неясно с кем именно, сознательно делаю факты расплывчатыми) попивая какую-то водочку. Во время беседы мой старый друг среди прочего говорит, что до него в руководимой им приемной комиссии было взяточничество, но он это отрицательное явление искоренил.

- Прекрасно – искренне говорю – ты знаешь, у меня есть знакомая, у нее дочка поступает как раз на твой факультет. И с нее требуют столько-то тысяч долларов, чтобы она поступила. Давай сейчас позвоним ей и решим проблему, которая создана кем-то из твоих подчиненных вопреки председателю. Ведь это делается вопреки тебе и без твоего ведома!

С этими словами беру трубку в руки и набираю номер.

- Не надо звонить – четко говорит подвыпивший, но вдруг протрезвевший друг. И кладет руку на рычаг.

- Почему?

- Нипочему. Не надо и все.

После чего все стало ясно. Да и не мог он в то лихое время искоренить взяточничество, если ему дорога жизнь. На что-то приходилось закрыть глаза. Житейски понятно – и все же обидно. И даже жутко. Ведь это глубочайший петербургский интеллигент! Для которого и университет, и наука, и обучение является делом жизни...

Другая история. Из лихих – нет, не девяностых, двухтысячных. Сидим выпиваем с другим университетским приятелем. Возглавлявшим другой факультет. Звонок по мобильнику. И я в ужасе слышу, что преподавателю во время приемного экзамена по химии разбили в дребезги челюсть.

- Слушай, друг мой – говорю другу – это же вопиющее насилие над профессорами. Давай я прямо сейчас с твоего телефона позвоню президенту комитета озабоченных ученых в Нью Йорк, которого хорошо знаю. Это будет международный скандал.

- Не надо скандала. Сначала разберемся на месте – говорит друг и, оставив меня выпивать с женой, уезжает. Приехал часа через два и рассказывает «не для протокола» и прессы, как было дело.

- Этот разбивший голову члену приемной комиссии, который экзамен у его дочери принимал, мафиозник проплатил поступление дочки на (называет факультет). Но по какой-то причине что-то запуталось и до химического факультета информация не дошла. Дочь получила три вместо оговоренной пятерки. Папа-бандит по понятиям возмутился, приехал на экзамен, попросил дочку показать, кто тройку поставил, и не говоря ни слова, врезал ему по челюсти. По его понятиям правильно. А преподаватель поступил правильно как член приемной комиссии поступать должен: ставить отметки по знаниям. Если...

- Что «если»? Договори.

(*“There's neer a villain dwelling in allDenmark / But he's ... an arrant knave”*, в переводе звучащие как *“Нет в Датском королевстве подлеца, / который ... не был бы отпетым плутом”* – слова Гамлета, вот уже пятьсот лет являющиеся классическим примером

недоговоренности, прежде, чем друг-председатель приемной комиссии раскрыл рот, успело промелькнуть в мозгу, в который за время обучения в университете чего-то вложили)

- Если... выполняет свой преподавательский долг. Так что не надо международного скандала, хотя за намерение спасибо, конечно. По понятиям все были правы. Просто в цепочке произошел сбой. А челюсть преподавателю, пострадавшему по ошибке, оплатят, ему она ничего стоить не будет. Починят и будет как новенькая. Тебе что налить: коньяк? Виски? Водочку?

О времена, о нравы! А может быть о времена, о безнравственность? Или еще точнее: о Русь (не Петербург, не Университет Петербурга, а Русь), узнаю тебя.

Таковы дела недавно минувших дней. А теперь о другом, еще менее давнем прошлом.

В апреле прошлого 2916 года мне пришло электронное письмо *за высокими университетским подписями*, что меня приглашают “на первую в истории встречу выпускников Санкт-Петербургского университета в Нью Йорке”, которая состоится в баре в Манхеттене. Сообщение это меня покорило дважды: во-первых, встреча не могла быть первой встречей выпускников нашего университета уже потому, что в начале девяностых я был одним из организаторов такой встречи. На которой помимо прочего был даже принят Манифест всемирного содружества петербуржцев. Ну а во-вторых – почему в баре? Впрочем, через пару дней место встречи было исправлено на клуб Гарвардского Университета. В котором, в самом деле, под банкеты и встречи сдаются залы. В которых проводят симпозиумы и накрывают столы.

Прихожу. Вижу пятьдесят (по десять за каждым из пяти больших круглых столов) замечательных лиц. После чего появляется

двухметровый красавец, представленный как президент ассоциации выпускников. И говорит формально и скучно более часа. Не дав не только никому более выступить, но даже задать вопрос. На прямые просьбы предоставить слово, в частности мне (что предлагали несколько гостей, ранее меня знавших), последовал жесткий ответ: НЕ СЕГОДНЯ. В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ.

- А почему не сегодня? – спросило несколько выпускников сразу, чувствовавших себя за время жизни в Америки свободными гражданами, которые от того, что им так примитивно и нагло затыкают рты, отвыкли – равно как от страха. Вместо ответа всем предложили начать фуршет. Скромность которого контрастировала с фотографиями лондонского дворца, назначенного кем-то неведомым председателем Нас. О научных заслугах которого не было сказано ни словечка. Не в том дело, что никто голоден не был, но странность встречи выпускников контрастировала с заявленными ее целями, буквально во всем.

Вы вдумайтесь: выпускников университета в свободной стране, собрали, чтобы не дать сказать ни словечка, никак не поспособствовав их общению между собой – то есть как бессловесное быдло. Безобразное вопиющее.

Зачем нас собирали? – тихо выразил свое удивление я.

- А Вы почитайте буклеты, которые нам роздали, тогда и удивляться не будете – посоветовала милая женщина, посаженная за тот же круглый стол, что я, от меня справа. Раскрыв буклет на предложенной мне странице, я послушно начал читать написанное и был потрясен.

“Соглашение о сотрудничестве между федеральным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ и АССОЦИАЦИЕЙ ВЫПУСКНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Пункт 3.2.1 Признавать и позиционировать АВ СПбГУ (в том числе при взаимодействии в публичной сфере, перед общественностью, студентами, выпускниками, иностранными вузами пр. Организациями, в органах власти, в СМИ и сети Интернет) **в качестве единственного официального объединения выпускников и студентов СПбГУ.**

Утверждено решением собрания учредителей.

Протокол №1 от 08 августа 2014 года”

То есть как это? Глава *«единственного представителя выпускников университета»* не дает выпускникам университета раскрыть рта? И это организация, задача которой - объединять? С какой целью единственная ассоциация выпускников, предоставившая себе право представлять нас повсюду, создана: чтобы помогать выпускникам Ленинградского (Санкт-Петербургского) Университета устанавливать созидательные контакты по всему миру или чтобы препятствовать им? Ответ, к сожалению, очевиден. На каждом факультете и курсе с начала девяностых годов есть сайты выпускников, живущих на всех континентах. На которых мы обмениваемся новостями, приглашаем друг друга в гости и на конференции, сотрудничаем в написании научных и прочих работ и просто, наконец, вспоминаем... Именно такие объединения выпускников китайских университетов,

поддерживаемые правительством, создали Великий Китай наших дней. То же с Японией и Южной Кореей... А тут что же, все объединения курсов и факультетов по всему миру объявлены вне закона? Для чего? **Ответ может быть только один: возглавить и обезглавить.**

После встречи выпускников СПбГУ в Нью-Йорке, на которой никому не дали и рта раскрыть, я позвонил в администрацию этой ассоциации нас, расположенную в Двенадцати Коллегиях неподалеку от ректората, с вопросом, почему на якобы первой (как они сообщили вопреки очевидности) встрече американских выпускников ЛГУ-СПбГУ в мае 2016го не роздали списка тех, кто был приглашен, как минимум с их электронными адресами, что на любой конференции, встрече выпускников, круглом столе и симпозиуме является абсолютно стандартным. «У нас это не принято» - был ответ.

- Допустим. А мне прислать имена тех, кто присутствовал, можете? На встрече в Нью-Йорке было немало достойных людей, с которыми успели поговорить, и которых просто отметил как интересных и симпатичных».

- МЫ такую информацию не даем – был ответ.

То есть, чтобы не оставалось сомнений: ассоциация, «являющаяся единственным представителем выпускников Санкт Петербургского университета», создана не для того, чтобы способствовать установлению контактов между выпускниками, живущими в разных странах, а чтобы положить им конец. Или, если дозволить, то под контролем. Под контролем кого? Вопрос интересный. И до боли знакомый в то время, когда страной правила КПСС, а контролировала каждый контакт, особенно с зарубежьем, Лубянка. В Ленинграде и его *культуронаследнике* Санкт-Петербурге известная под данным народом прозвищем «Большой Дом».

Сказанное чрезвычайно печально. Создается впечатление, переходящее в уверенность, что руководство города, которому подчиняется факультет, и «Вертикалитет Власти» заинтересованы не в подъеме науки и технологий в стране, а чтобы в ней (России, российской науке и в среде российской интеллигенции, которая – несмотря на недюжинные усилия начиная с «Великого Октября», неистребима, а, как феникс, возрожда

ется и возрождается) было тихо. Чтобы профессора, ученые и прочие интеллигенты выстраивались (а ля приветствовавшие КПСС писатели и композиторы на съездах «Родной Коммунистической Партии»: как дети, только что не в коротких штанишках) в ряды, равняясь на грудь назначенного правофлангового. По очереди и в унисон говорили то, что НАШИ Люди обязаны говорить. И произносили ритуальные славословия, которые одобрены Свыше.

ПОСОШОК В ПРОЗЕ

В середине двадцатого века в СССР был расцвет академической науки. А был ли когда-либо в России расцвет университетов? Вроде, вообще никогда!

Сопrotивление созданию университетов в Государстве Российском продолжалось веками. Даже когда университеты были совсем рядом – в Кракове, в Львове, в Варшаве – в России не создавали университетов. Ивану Третьему, создателю Великого Российского Княжества, государства, размером с современную Францию, не только пригласить архитекторов из Италии, но и создать университет, призвав на службу профессоров из университетов, располагавшихся неподалеку от границ юной страны, было проще простого. И тем не менее первый российский университет был основан только через двести шестьдесят лет после вошествия Ивана Великого на престол. Неделание в течение двух с половиной веков случайным не могло быть и не было. Для того, чтобы НЕ создавать университеты в России, и у Ивана Грозного, и у Михаила, и у Алексея Михайловича должны были быть серьезнейшие причины. Огнестрельное оружие, пушки и ружья из Европы заимствовали самое современное начиная с Ивана, а университеты не создавали. А почему?? Борис Годунов сделал было попытку основать университет в Москве, да рано умер. А что сделали с наследником престола, Федором Годуновым, европейски образованным юным царем, известно: с убийства царя Федора Второго Борисовича и началось смутное время. Гармоничного образования населения боялись и цари батюшки, а генсеки-дедушки, ну а теперь вроде и президенты-отцы. Примером – и доказательством – как минимум недооценки необходимости существования университета в историческом центре

Санкт Петербурга, а если реалистически говорить, страха перед гармонично образованным населением, является то, что в Петербурге отсутствует университет. Отсутствие – лучшее доказательство нежелания или же недостаточного желания сделать. Для того, чтобы доказать, как трудно воссоздать Университет на Васильевском, приводится множество доводов, хотя, как известно, две причины не причина, а если их дюжина, то это всегда дымовая завеса, чтобы чего-то скрыть.

Петр Великий, основывая новую Столицу России, действовал с былинным размахом. Первые главные здания находились по разные стороны рек, Большой и малой Невы: Адмиралтейство и Летний Сад, дворец Губернатора (Меншикова), Петропавловская Крепость отделены друг от друга Большой Водой. Петр мыслил гигантскими категориями, как и подобает царю Великой Страны. А многого ли он достиг? Говоря объективно, идеи Петра в стране, раскинувшейся на десять световых поясов с запада на восток, распространились (считая от Адмиралтейства) не более чем на десять километров в диаметре. Уже в Купчине или же на Гражданке, если не знать, где находишься, оглядевшись по сторонам, видимое неотлично от Красноярска или же от Хабаровска. То же и с душами. Двести лет, в течение которых Петербург являлся столицей России, прошли не просто почти бесследно: после Октябрьского переворота и перевода совнаркома в Москву, столица СССР испытывала к граду Петра не неприязнь и недоверие: ненависть! Ненависть к Петербургу и страх перед созданием университетов в России, университетов в Европейском смысле этого слова – звенья одной цепи.

Если Россия намерена не на словах, а на деле стать одной из индустриально развитых стран, страх перед гармонично образованным юношеством власти необходимо преодолеть. Начать же процесс обновления надо с воссоздания университета в сердце Санкт Петербурга. Великий Город должен вновь стать университетским. Без этого восстановить свое законное место среди Великих Городов Мира немислимо.

Великий царь рубить окно
Решил в Европу из России
И прорубил, хотя его
Не делать этого просили.

Но смертен царь – и время вспять
Пошло. Энтузиасты с пылом
Окно заделали опять
И снова стало все, как было.

Прошло сто лет. Пришел в Париж
Петра праправнук с бравой песней
И вновь окно он рубит – Вишь?!
Туда же, но на новом месте.

Урррррра! Сквозь строй фельдегерей
В окно в Европу наши ходят,
За неимением дверей.
И толчеи не производят.

Вдруг царь помре. И леший с ним!
Уж все царю другому вторят.
Окно знаменьем осеним –
И досками забьем вдругорядь.

Часы идут. Цари царей
Сменяют в нашем старом срубе:
То мы без окон, без дверей -
То снова дружно стены рубим.

Опилки птиицами летят
И топоры дубасят с толком:
То там окно заколотят,
То здесь в стене прорежут щелку –

И все при деле. Есть черта
Жить за которой нам не стыдно...
Окон в Европу до черта! –
Европы лишь из них не видно.

**Не перейти нам Рубикон,
Пред коим вздыблен Всадник Медный.
Процесс Рубления Окон
Незавершим.
Он перманентный.**

1980 год.
Ленинград

ПОСОШОК НАПИСАННЫЙ ТРЕХСТОПНЫМИ
ЯМБАМИ

МОЯ ФИЛОСОФИЯ

Друзья, давайте чувства
Отточим, как ножи!
Давайте будем вкусно
На этом свете жить!
 Душа без чувств- клоака:
 Бурлит, но не парит.
 Взахлеб давайте плакать
 И хохотать навзрыд!

Давайте пылки будем
Наедине вдвоем.
Давайте добрым людям
Дарить тепло свое.
 И теплоту живую
 Ловить, как свет звезды.
 И на любовь чужую
 Не надевать узды.

Давайте будем щедры,
Расчёты сбросив с плеч.
И к ближним милосердны,
И дальнего беречь.

Для тех, кто дышит страстно,
И проза жизни – стих:
Ведь будни не опасны,
Опасна серость их.

Давайте радость телу
Дарить не впопыхах.
Рискует только смелый
Остаться в дураках.

Трус тлеет, но не гаснет:
Завидная судьба!...
Давайте постным маслом
Не поливать себя.

Давайте уязвимы
Мы будем для друзей.
Откроем для любимых
Сундук своих страстей.

Стряхнем свою апатию.
Пыль выбьем из души.
Давайте чувства, братья,
Отточим, как ножи!

Ленинград
1976 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

Предисловие в прозе: БРОНЗОВЫЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛЯДЯ ИЗ ФИЗИКИ	6
Тетрадь первая: БЫЛОЕ ФИЗФАКА И ДУМЫ О НЕМ	11
Часть первая, камертон первый: ЕСЛИ Б ПОМЕНЬШЕ ГРАМОТНЫЕ БЫЛИ, ТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ	11
Камертон два: БЕСКОНЕЧНОСТЬ — ЭТО КОНЕЧНОСТЬ	14
Камертон третий: СВОБОДА ПО-ЛЕНИНСКИ	15
Тетрадь вторая: ГЛЯДЯ ИЗ ФИЗИКИ	18
РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ОКНО СЧАСТЬЯ В ПРОСТРАНСТВЕ- ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ДВУМЯ КОШМАРАМИ	18
Петербург последней трети двадцатого века и первых десятилетий 21ого века – город в котором нет университета. То есть вообще ни одного нет!	19
Камертончик: В СССР ДУРАК ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ	22
Размышление номер два: ЧЕТЫРЕ СПОСОБА ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ	24
Камертон ИЗ ДОУНИВЕРСИТЕТСКОГО ДЕТСТВА: ПРОТОПАЗМА И ВАКУОЛИЯ	28
Дума под номером три: УНИВЕРСИТЕТ ПО-СОВЕТСКИ	30
Камертошка: К вопросу о том, кто правит Русской Культурой, не считая Господа Бога	38
Дума четвертая: ПОЧЕМУ ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОТКРЫЛСЯ НА 500 ЛЕТ ПОЗДНЕЕ, ЧЕМ УНИВЕРСИТЕТЫ ЕВРОПЫ?	41
Камертошечка: РУССКОСТЬ – ПАНАЦЕЯ ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ	49
ТЕТРАДЬ третья: ОГОРОД ПАМЯТИ	52
Я ВАМ НЕ ОБРОЧНЫЙ МУЖИК А СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ. ИСПОЛНЕННЫЕ ДОСТОИНСТВА СЛОВА АКАДЕМИКА ФОКА	52
А МНЕ ЧТО ФОК ЧТО ФИГ!	57

БИТВА АКАДЕМИКА ФОКА ЗА ПРАВО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СОРТИРОМ В ЕЛАБУГЕ	59
ДИВАН С ИСТОРИЕЙ	61
ТОЛСТОЙ И ЯГОДА	62
РАЗГОВОР УЧЕНОГО С ТИШИНОЙ	66
ПРОТИВ ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА НАДО БОРОТЬСЯ	68
ХРУЩЕВ СВОЛОЧЬ. не наш дорогой никита сергеевич, а ДРУГОЙ ХРУЩЕВ.	68
Я НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ. Буря овец	70
ИСКОННО РУССКИЙ ТЕАТР С ИСКОННО РУССКОЙ ТРУППОЙ ИСКОННО РУССКИМ ЗРИТЕЛЕМ И ИСКОННО РУССКИМ РЕПЕРТУАРОМ.	72
КТО РВАЛ ГАЗЕТУ С ПОРТРЕТОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И ЕГО РЕЧЬЮ?	74
УЧЕТ ВАЖНЕЕ ДЕЛА учет которого находится на учете	76
ГРОБ БЕЗ МУЗЫКИ	78
КВН+ДНК=НКВД	85
ВЗВОД НА ВЗВОДЕ	87
ПРО ТО, КАК В ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА Я СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ ДЕТСКИЙ РИСУНОК	92
вынося университет из центра Ленинграда – Санкт-Петербурга за Петергоф, он хотел превратить его в маленький Кембридж	94
Камертончик: КУДА ДЕВАЛСЯ ГОРН?	96
Тетрадь четвертая: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	98
ИЗ ОТТЕПЕЛИ ХРУЩЁВА В БРЕЖНЕВСКУЮ ПОДМОРОЖЕННОСТЬ	98
Рассказ о Джаз-Банд(е) на физическом факультете ленинградского университета, которой руководили Ландау, Гамов, Бронштейн и Иваненко	102
ТЕКСТ ЛИСТОВКИ НАПИСАННОЙ М. А.КОРЕЦЕМ И ОТРЕДАКТИРОВАННОЙ Л.Д.ЛАНДАУ:	118
Письмо П.Л.Капицы И.В.Сталину об аресте Ландау	119
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ И ХРУЩЁВСКОЙ ОТТЕПЕЛЕЙ, СМЕНИВШИХСЯ ЛЕДНИКОВЫМ	

ПЕРИОДОМ СТАЛИНА И БРЕЖНЕВСКОЙ ПОДМОРОЖЕННОСТЬЮ соответственно	123
МЫ ВЫРОСЛИ В ЭПОХУ, В КОТОРУЮ ФИЗИКА СОСТАВЛЯЛА ОСНОВУ ОБРАЗОВАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ	125
ИЕРАРХИЯ НАУК И ПРОФЕССИЙ	127
Тетрадь пятая: С УЛЫБКОЙ ПО НАУКЕ И ЖИЗНИ	129
КТО ПЕРЕНЕС УНИВЕРСИТЕТ В ПЕТЕРГОФ: РЕКТОР АЛЕКСАНДРОВ ИЛИ КОМПАРТИЯ?	129
ПОДГОТОВКА К ПРИСЯГЕ	131
С КЕМ ВЫ БЫЛИ, АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ, ВО ВРЕМЯ ГОНЕНИЙ НА ФИЗИКУ И БИОЛОГИЮ?	135
Тетрадь шестая: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИНУВШЕМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ	137
КАКИМ ОБРАЗОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СТАЛ НА СТО ЛЕТ СТАРШЕ, ЧЕМ ЛЕНИНГРАДСКИЙ?	137
ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ХРУЩЕВСКУЮ И ПОСЛЕХРУЩЕВСКУЮ ОТТЕПЕЛЬ	146
КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 150- ЛЕТИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОН ОТПРАЗДНОВАЛ СВОЁ 250-ЛЕТИЕ?	155
Эволюция официальных названий Ленинградского (до и после ленинского периода в названии города Санкт-Петербургского) университета	159
МЕТАМОРФОЗЫ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА	161
Почему разрушение университета начали именно с физического факультета?	163
ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ РЕ-ВОССОЕДИНЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕТЕРБУРГЕ ИЛИ ЗА ГАТЧИНОЙ?	167
Почему гербом Санкт-Петербургского Университета является двуглавый мутант с злобной пастью, зажавший в когтях раскрытую книгу?	169
БРОНЗОВЫЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ БЫЛ НЕ АБСОЛЮТНЫМ, А ТОЛЬКО ЛИШЬ ОТНОСИТЕЛЬНЫМ СЧАСТЬЕМ СРАВНИТЕЛЬНО С ТЕМ, ЧТО БЫЛО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ДО И ПОСЛЕ НЕГО.	172
КАФКИАНСКИЕ БЫЛИ	175
Седьмая тетрабочка: ПОСОШКИ	182

ПОСОШОК В ПРОЗЕ	182
ПОСОШОК Написанный четырехстопным ямбом	184
ПОСОШОК написанный трехстопными ямбами	187
Моя Философия	187

Благодарности

Автор благодарит профессора Геннадия Горелика за стимулирующие дискуссии, а также за присланные им уникальные материалы и монографию “*Горелик Г.Е., Френкель В.Я. Матвей Петрович Бронштейн: 1906—1938*”. Глубокую благодарность выражаю также д-ру Владимиру Косареву, приславшему текст фундаментального исследования, сделанного им в начале 90ых годов “*ФИЗТЕХ, ГУЛАГ И ОБРАТНО*”, и д-ру Ю.Игнатьеву, сохранившему и приславшему фотографии студенческой жизни Физфака 60ых годов и спектаклей театра физиков Интеллект-66.

